

Светлана Гурьянова

В НАЧАЛЕ БЫЛО КОФЕ

Лингвомифы, речевые
«ошибки» и другие поводы
поломать копыя в спорах
о русском языке

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Серия **«Абзац»** — это книги, в которых лингвисты, филологи, литературоведы и литературные критики выражают современный взгляд на язык и литературу. Великий и могучий не стоит на месте, так что мы создали серию для всех, кому интересно следить за его развитием.

Светлана Гурьянова

В НАЧАЛЕ БЫЛО КОФЕ

Лингвомифы, речевые
«ошибки» и другие поводы
поломать копья в спорах
о русском языке

УДК 80
ББК 81
Г95

Научный редактор *А. Сомин*
Продюсер проекта и редактор *Ю. Бушунова*
Ответственный редактор *Е. Голубова*

В оформлении обложки и форзацев использованы рисунки мальчика Онфима из Новгорода, которые он сделал на берестяных грамотах в XIII веке.

Гурьянова, Светлана.
Г95 В начале было кофе. Лингвомифы, речевые «ошибки» и другие поводы поломать копья в спорах о русском языке / Светлана Гурьянова. — Москва : Эксмо, 2024. — 368 с. — (Абзац. Современный взгляд на язык и литературу).

ISBN 978-5-04-120381-8

Светлана Гурьянова, филолог, преподаватель русского языка и автор блога *istoki_slova*, в своей книге развенчивает главные мифы о русском языке и выводит на чистую воду всех, кто придумывает о нем небылицы. А еще дает множество контраргументов, которые усмирят даже самых яростных граммар-наци!

Без сухих учительских наставлений, но с опорой на последние научные исследования в области лингвистики автор рассказывает о прошлом и настоящем русского языка.

УДК 80
ББК 81

ISBN 978-5-04-120381-8

© Гурьянова С., текст, 2023
© Фото. *gazorenova_photo*, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
--------------------------	---

Часть 1. Между молотом пуризма и наковальной анархии: споры о современном русском языке

Глава 1. Язык — свод правил или живая система?	15
Глава 2. В Выхино или в Выхине? Разбираемся, почему слова перестают склоняться	31
Глава 3. Заимствования — зло или обогащение языка?	47
Глава 4. Сленг — норм тема или отстой?	62
Глава 5. Эмодзи, олбанский и отмена знаков препинания: интернет убивает язык?	76
Глава 6. Черное кофе, дóговор, звóнит — так ли это безграмотно и что произошло с этими словами в 2009 году?	92
Глава 7. «Эй, Вы! Я извиняюсь. Присаживайтесь кушать»: как остаться вежливым и не попасть впросак.	112
Глава 8. Фотографка, блогерша, врачина: феминитивы — издевательство над языком или необходимость?	153
Резюме	193

Часть 2. Ученые VS лингвофрики: споры о прошлом русского языка

10 признаков лженаучных теорий о языке	197
Миф первый. Невероятные истории слов	219
Миф второй. Русский язык — самый древний, и даже этруски — русские	233
Миф третий. До Кирилла и Мефодия существовала совершенная славянская письменность	253
Миф четвертый. В буквах алфавита зашифровано послание	274
Миф пятый. Страшная приставка <i>бес-</i>	284
Миф шестой. Первый блин — комам	292
Миф седьмой. Иван-другак и Баба-Йога	301
Миф восьмой. Бога стырил богатырь	310
Резюме	323
Послесловие	326
Благодарности	327
Дополнительные источники и материалы по темам книги	329
Краткий обзор лучших этимологических словарей	333
Примечания	335
Алфавитный указатель	365

***ḲelHä wetei ʔaḲun kähla
ḳalai palhḷ-ḳḷ na wetä
śa da ʔa-ḳḷ ʔeja ʔälä
ja-ḳo pele ʔuba wete*.
В. М. Иллич-Свитыч¹

Перевод:

*Язык — это брод через реку времени,
Он ведет нас к жилищу ушедших;
Но туда не сможет прийти тот,
Кто боится глубокой воды.*

---

* Если попытаться записать текст кириллицей, он будет выглядеть примерно так:

Келхэ ветей 'акун кэхла
Калай палха-ка на ветэ
Ся да 'а-ка 'ейа 'элэ
Йа-ко пеле туба вете.

Предисловие

Стихотворение, которые вы только что прочитали, гипотетически могло быть написано 11 тысяч лет назад.

Но на самом деле написал его выдающийся русский лингвист В. М. Иллич-Свитыч и сделал это на праностратическом языке, над реконструкцией которого он работал. Праностратический язык — это предполагаемый предок *индоевропейских** (и русского в их числе), уральских, алтайских и, возможно, ряда других языков.

Эта книга — попытка пройти через реку времени и взглянуть на сегодняшние острые языковые вопросы с того берега, показав, насколько язык красив и изменчив.

Первая часть книги посвящена **спорам о современном русском языке**. Мы обсудим основные триггеры, которые «режут слух» современным *пуристам*, т. е. борцам за воображаемую «чистоту» языка (по-французски *pur* — «чистый»), и посмотрим на языковые явления объективно:

— «*Звóнит*», «*вкусное кофе*», «*присаживайтесь*», «*извиняюсь*»... Правда ли, что это вопиющая безграмотность?

— *Феминитивы* — языковое уродство или необходимость?

---

* Здесь и далее полужирным курсивом отмечены слова, выражения и имена, которые вы найдете в конце книги в алфавитном указателе.

— «Лол», «кек», «норм»: издевается ли молодежь над великим и могучим?

— Зачем нам «кейсы», «дедлайны» и «мастхэвы»? Неужели своих слов не хватает?

— *Щитают* ли лингвисты, что язык в интернете *каг-бэ* деградирует?

Не стоит ждать от первой части книги поучений вроде «Надо говорить *“догово́р”*, а не *“дóговор”*; *“кушают”* только дети — и никак иначе; дома только *“убирают”*, а *“убирают-ся”* — вон!». Моя цель — не научить, «как правильно», а показать, насколько сложно втиснуть язык в рамки непреложных законов и единственно верных вариантов. Но не ждите и восторга по поводу грубых ошибок и нарушений языковой логики, ведь они далеко не всегда продиктованы естественным изменением языка. Иногда ошибки — это действительно просто ошибки, и лучше их не допускать, чтобы быть правильно понятым.

Крайности и радикализм — то, чего мне хотелось бы избежать, и первая часть книги — поиск той самой золотой середины между языковым снобизмом и оправданием неграмотности.

А чтобы объяснить, как складывались современные языковые нормы, мне нужно будет часто обращаться к истории языка: например, рассказать, что губами раньше называли грибы, что сарафан, изба и хлеб — заимствованные слова и что у школьников XIX века был не менее изощренный жаргон, чем у современных.

Вторая же часть книги посвящена **спорам о прошлом русского языка**. В ней я буду отвечать уже не пуристам, а так называемым *лингвофрикам* — людям, которые придумывают и распространяют весьма занимательные, но совершенно не-

научные мифы о языке. Правда ли, что «*бистро*» — от русского слова «быстро»? Относили ли наши предки первый блин «*комам*» — медведям? Зашифровали ли *Кирилл и Мефодий* послание славянам в алфавите? Ответ-спойлер: «Нет!»

Многие спросят: «А судьи кто? Кем возомнил себя автор, чтобы критиковать известных альтернативных деятелей и объяснять, как нужно изучать язык?»

Отвечу: никем не возомнил. Я (в отличие от лингвофриков) не буду заявлять о собственных новых открытиях. Я лишь изложу мнение научного сообщества о «трудах» лингвофриков, опираясь на уже сформулированные до меня постулаты и подтверждая свои слова ссылками на научные работы.

Но показывать ошибочность лженаучных теорий, не предлагая ничего взамен, — сомнительная затея. Поэтому мы снова вместе пройдем через реку времени и даже получим представление об основах сравнительно-исторического языкознания, чтобы узнать истинное прошлое языка: как он возник, какова история славянской *письменности*, какое происхождение у слов и фразеологизмов на самом деле.

Итак, для кого эта книга?

— Для тех, кому интересен настоящий язык, а не стереотипы и мифы о нем.

— Для тех, кто хочет научиться аргументированно отвечать на придирки пуристов и поучения лингвофриков.

— Для самих пуристов, лингвофриков и им сочувствующих. Может быть, книга поможет если не отказаться от своих убеждений, то хотя бы о них задуматься.

Надеюсь, вы, читатели, не боитесь глубокой воды.

ЧАСТЬ 1

**Между молотом пуризма
и наковальной анархии:
споры о современном
русском языке**

Глава 1

ЯЗЫК – СВОД ПРАВИЛ ИЛИ ЖИВАЯ СИСТЕМА?

Если спросить школьника, что такое русский язык, он, скорее всего, ответит примерно так: «Это такой урок, где нужно зубрить правила».

Ответ закономерный: школьный предмет под названием «Русский язык» — это действительно изучение главным образом *орфографии* и *пунктуации*, то есть правил, необходимых для того, чтобы оформлять письменную речь грамотно. Историю же языка — его становление, происхождение слов, изменение *грамматики*, даже формирование тех самых правил — почти не рассматривают ни в школе, ни в вузе (за исключением профильных факультетов).

А еще на уроках русского языка мы привыкаем к простым ответам. Сами вопросы, которые рассматриваются в школьном курсе, предполагают именно их. Ну правда, нельзя же вставить разные буквы на место пропуска в слове «обл...ко». И крайне редко встречаются предложения, где знаки препинания допустимо поставить и так и эдак: обычно правильный ответ только один.

За одиннадцать школьных лет у нас формируется установка: все, что связано с языком, должно уместаться в рамки точных и строгих алгоритмов, несоблюдение которых карается двойкой и порицанием. И бывает очень трудно отойти от

этого стереотипа, когда мы сталкиваемся с куда более сложными и менее однозначными вопросами ударения, словоупотребления, стилистики. Нам кажется, что и здесь должны быть четкие «правильно/неправильно»: не «звóнит», а только «звонít»; не «убираться», а «убирать»; «кофе» — только «он»...

Так и возникает представление о том, что есть какой-то «идеальный» язык, который ни в коем случае нельзя «портить», и состоит он из раз и навсегда установленных — и однозначных — правил. И что узнать этот язык, постичь все его глубины — значит выучить наизусть справочник Розенталя. Ведь именно он, справочник Розенталя, — эталон языка в палате мер и весов, и поэтому его нужно беречь как зеницу ока и охранять от любых изменений. Так в соцсетях и набирают тысячи лайков и комментариев посты с заголовками вроде «Какие слова вас бесят?» или «10 смертных грехов устной речи».

Но к лингвистике такой взгляд отношения не имеет.

Любой лингвист знает, что орфография и пунктуация — это искусственно созданные способы оформления устной речи на письме. Первичная же и по-прежнему главная форма существования языка — устная. Все мы сначала учимся говорить и только потом — писать; языки тысячелетиями существовали без письменности, а многие обходятся без нее до сих пор. И если письменную речь довольно легко ограничить рамками строгих норм и правил, то с речью устной это сделать куда сложнее. И устная форма бытования языка диктует одно из основных его свойств — изменчивость.

Да, изменчивость — совершенно нормальная черта любого живого языка. Как любят повторять лингвисты, не меняются только мертвые языки — то есть те, на которых уже давным-давно никто не говорит. Но русский язык к ним явно не относится, а потому в первой главе я предлагаю посмотреть на него как на живую систему — и убедиться, что он не муха в янтаре.

ДЕСКРИПТИВИЗМ И ПРЕСКРИПТИВИЗМ

Существует два основных подхода к языку — прескриптивный (от лат. *prescriptio* — «предписываю») и дескриптивный (от лат. *descriptio* — «описываю»).

Прескриптивизм — подход к языку, который ставит во главу угла фиксацию языковых норм и требование их исполнения. Он часто идет рука об руку с **пуризмом** — стремлением сохранить «чистоту языка», защитить его от всего нового: заимствований, **сленга**, **неологизмов*** и любых других изменений.

Но в современной лингвистике ведущим стал другой подход — дескриптивный, которого стараюсь придерживаться и я.

Дескриптивизм — это описание реальной языковой практики без пренебрежения к естественным изменениям языка, даже выходящим за рамки действующей литературной нормы. Дескриптивная лингвистика — это ответ не на вопрос «как надо?», а на вопросы «что это?» и «почему так?».

При этом языковые нормы, конечно, не бесполезны.

В определенных дозах и без перегибов прескриптивизм делает важное и нужное дело: он не дает языку развиваться слишком быстро. Зачем это нужно? Все просто: благодаря замедлению языкового развития мы можем читать тексты даже двухсотлетней давности без особых проблем. Да, значения отдельных слов мы можем не понимать, но общий смысл текста обычно оказывается ясен. Если бы не правила и необходимость им следовать, мы не смогли бы так легко прочесть **Пушкина**, ученым было бы сложнее разобраться в старых научных статьях, а историкам — расшифровать документы.

Еще одна важная роль прескриптивного подхода состоит в том, что он экономит нам силы и время. Представьте себе, если бы ведущие новостей говорили с диалектными особен-

---

* Неологизмы — слова или словосочетания, недавно появившиеся в языке.

ностями, с множеством ненормативных ударений, своеобразных синтаксических конструкций — причем у всех они были бы разными. Мы бы тратили много усилий, чтобы «подстроить уши» под каждого ведущего, и это отвлекало бы нас от информации, которую они транслируют. Все же нельзя отрицать, что языковой стандарт в некоторых сферах жизни действительно необходим.

Кроме того, не стоит умалять труд *лексикографов** и думать, что они игнорируют живую речь и составляют словари в соответствии с личными представлениями о прекрасном. Лексикографы (во всяком случае, добросовестные) не сочиняют нормы, а лишь фиксируют их, анализируя речь и записи грамотных людей. Но работа над словарем — долгий, кропотливый труд, который иногда растягивается на десятилетия. И именно поэтому словарные фиксации порой отстают от реальной жизни.

Потому что язык меняется и развивается, а вместе с ним и языковые нормы.

То, что раньше считали ошибкой, со временем вполне может стать нормой — настолько, что мы даже не догадываемся, что когда-то слово или выражение звучало иначе.

Например, «*сентябрь*» и «*февраль*» когда-то звучали как «*септябрь*»² и «*феврарь*»³, ведь это заимствования, восходящие к латинским *september* (от лат. *septem* — «семь», т. к. год в Риме начинался с марта и сентябрь был седьмым по счету месяцем) и *februarius* (лат. «очистительный»: в феврале римляне приносили очистительные жертвы). А современные формы наши предки воспринимали, вероятно, примерно так же, как сейчас мы относимся к «*транваю*» вместо «*трамвая*» или «*салафановому*» вместо «*целлофанового*». Собственно, для

---

* Лексикограф — ученый, занимающийся составлением словарей; специалист в области лексикографии — теории и практики составления словарей.

известного поэта XVIII века *А. П. Сумарокова* слова «*февраль*» и «*пролубь*» были одинаково неправильными: «“*Февраль*” и “*пролубь*” говорим мы вместо “*феврарь*” и “*прорубь*” от порчи картавыми и подражающими всему тому, что новое, хотя оно и неправильно»⁴.

Сложно представить, но когда-то «*тарелка*» была «*талеркой*» (от средневерхненемецкого *talier* с тем же значением)⁵, «*ладонь*» — «*долонью*» (сравните с «*дланью*»)⁶, а «*сыворотка*» — «*сыроваткой*» (от слова «сыр»*)⁷. В этих словах произошла перестановка согласных, связанная, видимо, с удобством произношения, — или, по-научному, *метатеза*. Ровно тот же процесс произошел позже в диалектных «*тверёзый*» («трезвый») или «*ведмедь*» («медведь»), но они в норму уже не вписались. А ведь, если подумать, они ничем не хуже!

И по сей день существует немало употреблений, которые часто воспринимаются как ошибочные или странные, но на самом деле принадлежат к действующей строгой литературной норме, зафиксированной в словарях. Например, многие читатели сейчас удивятся, но с точки зрения норм верно спрашивать не «*До сколькí работает магазин?*», а «*До скóльких работает магазин?*», не «*Сколькí рабочим нужно выплатить зарплату?*», а «*Скóльким рабочим нужно выплатить зарплату?*», потому что слово «*сколько*» должно склоняться: «*скóльких*», «*скóльким*», «*скóлькими*».

Или вот еще показательный пример: большинство говорит «*власть предержающие*», где «*власть*» стоит в винительном падеже («*предержающие* (что?) *власть*»). Но согласно словарям верно только «*власти предержающие*», где «*власти*» стоят в именительном падеже («*власти* (какие?) *предержающие*»). И в выражении должны склоняться оба слова: «*властям предержавшим*», «*властей предержавших*», «*о властях предержавших*».

---

* Слово «сыр» раньше имело значение «творог», и до сих пор изделя из творога мы называем «сырниками» и «творожным сыром».

Почему так? Дело в том, что одно из значений устаревшего слова «*предержащие*» — «обладающие силой, господствующие»; оно и присутствует в крылатой фразе. А сама фраза — цитата из библейского послания апостола Павла к Римлянам, 13 глава которого по-церковнославянски открывается фразой **Всѣѣа дѹша властѣмъ предержащымъ да повинѹетсѣѣ**. Но значения глагола «*предержать*» уже никто не помнит, Библию теперь тоже мало кто изучает, поэтому фраза явно трансформируется — возможно, еще и под влиянием выражения «*власть имущие*».

Я рассказываю об этом не для того, чтобы срочно научить вас, как правильно. Нет, я просто хочу показать, насколько условна и изменчива литературная норма⁸.

Полагаю, еще больше вас удивит, что большинство даже современных словарей предписывает говорить «*ворожѣѣ*», а не «*ворожѣѣѣ*», «*стопыѣ*», а не «*стоѣныѣ*» (в значении «нижняя часть ноги»), «*куркѹмаѣ*», а не «*куркумаѣ*», «*освѣдомитьсѣѣ*», а не «*осведомѣтьсѣѣ*», «*кровоточѣть*», а не «*кровотѣчить*», «*сорвалѣо*», а не «*сорвалѣоѣ*», «*рѣзнитьсѣѣ*», а не «*разнѣтьсѣѣ*»...⁹ Этот список «странных» ударений можно продолжать долго¹⁰.

Некоторые прескриптивисты строят вокруг знания этих норм всю свою деятельность. Хотите вести популярный блог или ютуб-канал о русском языке? Ловите инструкцию: возьмите орфоэпический словарь, найдите в нем странные ударения, а потом начинайте поправлять тех, кто говорит иначе, — то есть почти всех. Но акцент лучше сделать на известных людях: так вас быстрее заметят. Не забудьте рассказать, какие они тупые и безграмотные, как они издеваются над русским языком и как вас это бесит. Браво, вы великолепны.

Радикальные прескриптивисты считают, что говорить нужно только в соответствии со строгой словарной нормой, даже если ее уже не соблюдает почти никто. Зачем? Чтобы сохранить тот самый эталон русского языка — ведь если он

изменится, то пошатнется одно из их базовых представлений о мире.

Когда прескриптивизм становится воинствующим, когда пуристы агрессивно исправляют чужие ошибки и ставят клейма «тупой» и «деревенщина» на тех, кто осмелился нарушить предписание словаря или не знать, как правильно — «плесневе́лый» или «плéсневелый», ничего хорошего из этого не выходит. Такого рода прескриптивизм не только провоцирует нетерпимость и агрессию, но и уничтожает представление о языке как об очень сложной и постоянно развивающейся системе, которую невозможно втиснуть в строгие рамки и законсервировать. Кроме всего прочего, пуризм убивает интерес к языку, сводя его изучение к бездумной зубрежке.

И да, по словарям правильно «плéсневелый». Вы можете это произнести? Лично я — с трудом.

Но недавно стало модным противоположное прескриптивизму движение: появились борцы, которые выучили это красивое слово (правда, не все удосужились запомнить, как оно правильно пишется) и стали пропагандировать языковую анархию. И они, надо сказать, бывают даже агрессивнее, чем *граммар-наци*. Стоит лишь заговорить о правилах или нормах (не поправить кого-то — боже упаси! — а просто начать об этих правилах рассказывать), как в ответ приходит: «Далой пресректевизм! Как я говарю, так и праильно!» Ошибок, с точки зрения таких борцов с прескриптивизмом, не бывает вовсе, а значит, абсолютно все, что не соответствует нормам, можно оправдать изменением языка.

Такой подход, конечно, тоже сложно назвать адекватным. И эти люди — явно не дескриптивисты, как они привыкли о себе думать.

На самом деле прескриптивизм и дескриптивизм — не полностью противопоставленные понятия. Это просто разные подходы, рассмотрение языка с разных точек зрения —

но если в них нет радикализма, они вполне могут мирно сосуществовать.

Дескриптивизм — не отрицание норм и не позволение «говорить и писать как вздумается». Это описание языка таким, какой он есть, — в том числе его норм, потому что они тоже есть. Но дескриптивиста интересует не только и не столько сама норма, а то, как она складывалась, по каким причинам появилась и как может измениться.

Дескриптивизм — это не ликование по поводу любых ошибок («*болиелимение*», «*кокошин эль*»*) или новообразований вроде «*доброе времени суток*» или «*членкина*». Потому что дескриптивист приветствует развитие языка (естественное, системное, соответствующее языковой логике), а не навязывание ему определенной *лексики* или правил употребления в угоду общественной повестке или извращенным представлениям об этикете.

Насильно внедрять в язык искусственно созданные новшества ничем не лучше, чем принуждать к соблюдению уже отживших свой век норм.

Агрессивные борцы с прескриптивизмом смотрят на язык очень плоско. «*Свёрлит*» и «*платье в поездках*» для них — ошибки одного толка. «Раз уж лингвисты говорят об оправданности пока еще не нормативного ударения “*свёрлит*”**, значит, и “*пайетки*” можно заменить “*поедками*», — рассуждают они. Такие люди представляют себе язык как идеально ровную стену из одинаковых кирпичей, каждый из которых можно легко заменить.

На деле же это не так, и ошибка ошибке рознь. Нужно понимать, что язык неоднороден и нестабилен — и дескриптивный

---

* Расшифровка: «более или менее», «Коко Шанель».

** Об этом подробнее в главе 5.

подход это учитывает. Скорее язык можно сравнить с очень сложным, монументальным архитектурным сооружением, много раз перестраивавшимся, сделанным из разных материалов, где-то обветшавшим и с облупившейся штукатуркой, а где-то с еще не засохшей свежей краской. И все же прекрасным.

КАК МЕНЯЕТСЯ ЯЗЫК

Какие-то нормы меняются довольно быстро, какие-то крайне медленно. Одни области языка более консервативны, другие постоянно обновляются, поэтому нельзя оценивать нарушения разных норм одинаково: объяснять все ошибки развитием языка или же, наоборот, считать, что любые отклонения от нормы как-то портят русский язык.

Давайте посмотрим на разные области языка и на то, как они менялись и продолжают меняться.

Очень быстро трансформируются некоторые области *лексики*.

Да, есть базисная лексика (слова вроде «я», «ты», «мать», «отец», «земля», «вода», «новый», «хороший», «дышать», «ходить» и т. п.), которая, как правило, не меняется тысячелетиями (разве что немного трансформируется в произношении). Но в язык постоянно приходят заимствования и неологизмы, да и значения привычных слов могут измениться. Знаете ли вы, что «амбициозный» человек даже в современных толковых словарях определяется как чрезмерно самолюбивый, чванный, спесивый и использовать это прилагательное в качестве нейтральной или положительной характеристики с точки зрения строгой нормы нельзя? Догадываетесь ли, что «одиозный» — это не харизматичный, яркий, необычный, эпатажный, а крайне неприятный (от фр. *odieux* «отвратительный»)? А «нелицеприятный» — вовсе не неприятный, а объективный, беспристрастный? Но это не значит, что если вы употребляе-

те эти слова не в том значении, которое предписано справочниками, то совершаете преступление против русского языка. Нет — просто их значение меняется на наших глазах, и словарям нужно время, чтобы это зафиксировать.

Если вы замечаете у себя симптомы языкового пуризма, рекомендую почитать старые словари.

Возьмем, к примеру, «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи» *В. Долотчева* (1909 г.)¹¹ — и обнаружим, что еще сто лет назад ошибочными считались такие привычные нам слова, как «*блузка*» (следовало говорить «*кофточка*»), «*диспут*» (вместо него нужно употреблять «*спор*»), «*каллиграфия*» (нужно говорить «*чистописание*»), «*кулинарный*» (лучше использовать «*поварской*»), «*моментально*» (следует заменить на «*тотчас*», «*вмиг*»), «*постелить*» (лучше говорить «*постлать*»), «*профессия*» (только «*занятие*» или «*ремесло*») и многие, многие другие. Но теперь мы пользуемся этими словами совершенно спокойно.

Еще больше удивительных норм можно обнаружить в словаре «постарше» — «Справочное место русского слова»¹² *А. Н. Греча*, изданном в 1843 году. Если бы автор попал на машине времени в 2023 год, он бы, скорее всего, решил, что русский язык мы с вами безнадежно испортили и что современные нормы (те самые, которые сейчас отстаивают пуристы) — на самом деле ужасные ошибки.

В 1843 году было правильно говорить и писать*:

— «*азардный*», а не «*азартный*»;

— «*азиятский*», а не «*азиатский*»;

---

* Чтобы не утруждать читателей, здесь и далее я буду приводить цитаты в современной орфографии там, где орфография непринципиальна.

— «*волкан*», а не «*вулкан*»: «*вулкан*» — это имя мифологического персонажа, а вулкан-гору нужно было писать через «*о*»;

— «*гас*», а не «*газ*»: «*газом*» можно было назвать только прозрачную ткань, а воздухообразное вещество — это только «*гас*», поэтому и освещение могло быть лишь «*гасовым*»;

— «*дира*», а не «*дыра*», ведь слово родственно глаголам «*отдирать*», «*задирать*»;

— «*корридор*», а не «*коридор*», ведь в иностранных языках оно пишется с двумя «*р*»;

— «*мятель*», а не «*метель*»;

— «*надобно*», а не «*надо*»: «*надо*» может быть использовано только как вариация *предлога* «*над*» в контекстах вроде «*надо мною*», а говорить «*надо учиться*» — неграмотно, следует использовать только конструкцию «*надобно учиться*»;

— «*наизуст*», а не «*наизусть*», ведь наречие образовано от слова «*уста*»;

— «*нумер*», а не «*номер*»: с буквой «*о*», по мнению Греча, слово стало писаться из-за знака № — но это всего лишь сокращение от латинского *numero*, поэтому и в «*нумере*» буква «*у*» должна сохраняться;

— «*оплетать*» (еду), а не «*уплетать*»: «*уплетать*» могло значить только «*уходить*», «*удаляться*»;

— «*отверзтие*», а не «*отверстие*», ведь слово родственно глаголам «*отверзать*», «*разверзаться*»;

— «*пастет*», а не «*пашет*»: видимо, Греч рекомендует такое написание потому, что слово происходит от немецкого *Pastete*;

— «*почти*лион», а не «*почта*лион» (варианта «почта-льон» Греч даже не приводит): скорее всего, такое написание обусловлено немецким *Postilion*;

— «*ряхнуться*», а не «*рехнуться*»;

— «*стеклянный*», а не «*стекляной*» (Какое еще исключение? Зачем фиксировать безграмотность? [это сарказм, если что]);

— «*стора*», а не «*штора*», потому что это заимствование из *французского* *store*;

— «*ухищряться*», а не «*ухитряться*»;

— «*юпка*», а не «*юбка*», ведь слово заимствовано из польского, где была *jurka* — производное от *jura* («женская кофта, куртка»). У этого слова вообще очень интересная история: оно восходит через посредство европейских языков к арабскому «*джубба*» (разновидность традиционной одежды). От него же произошли «*жупан*», «*зипун*» и «*шуба*»¹³.

В 1843 году нельзя было говорить «*она хорошо выглядит*» — только «*она хороша собою*». «*Выглядеть*» в норме значило только «разглядеть», а выражение «*она хорошо выглядит*» воспринималось как неуместная *калька* с немецкого.

Нельзя было сказать: «*Я вас так люблю!*» Слово «*так*» обязательно требовало пояснения: «*Я вас так люблю, как еще не любил никого*».

Сейчас многих раздражает слово «*обезбаливать*» вместо нормативного «*обезболивать*» — а в 1843 году людей, оказывается, раздражало «*обрабатывать*» вместо «*обработывать*», и тем не менее оно давно стало нормой.

Пара глаголов «обрабатывать»/«обработать» — точно такая же, как и «изготавливать»/«изготовить» и «забрасывать»/«забросить», которые сейчас тоже, кажется, ни у кого не вызывают протеста. А еще существует ряд глаголов, где чередование *о/а* в корне не подчеркнуто ударением, но, по сути, той же природы: «опаздывать»/«опоздать», «заглатывать»/«заглотить», «обматывать»/«обмотать», «осматривать»/«осмотреть» и так далее.

Сейчас то же чередование появляется и в паре «обезболивать/обезболить», и у людей, которые употребляют форму с «а», вообще-то хорошо развито языковое чутье, ведь они интуитивно применяют к слову то правило, которое уже работает в похожих глаголах. Похоже, скоро нормой станет именно «обезболивать», а «обезболить», подобно «обрабатывать», будет считаться странным анахронизмом.

Так есть ли смысл ломать копыта из-за новых, непривычных слов или форм? То, что языку не нужно, уйдет само, а то, что по каким-то причинам (иногда одному языку известным) прижилось, все равно останется, несмотря на протесты.

Еще одна динамичная и неустойчивая область — **орфоэпия** (попросту говоря, нормы произношения и ударения).

Например, в старых фильмах, вышедших примерно до 60-х годов прошлого века, еще можно услышать произношение «дожжи» (вместо «дожди»), «церьковь», «я боюс»*, но сейчас

---

* Здесь я использую не классическую транскрипцию, а упрощенную орфографию, чтобы читателям, не знакомым с транскрипцией, было проще меня понять.

так почти никто уже не говорит. Многие примеры из словаря Греча, приведенные выше, тоже связаны с изменением орфоэпических норм («*пастет*», «*наизуст*», «*волкан*» и др.). И, конечно, ударения во многих русских словах подвижны, и даже самые грамотные носители языка часто в них сомневаются и говорят то так, то эдак — но на коммуникацию это почти не влияет. Можно говорить то «*облёгчить*», то «*облегчить*» — и все всё поймут.

При этом вряд ли кто-то скажет «*книга́*» или «*тэ́лефон*» — а если и скажет, это будет однозначно расценено как ошибка, которую никакими изменениями языка оправдать не получится.

Следом по шкале языковой устойчивости идут некоторые аспекты грамматики. Хотя в целом грамматика меняется медленно, существуют некоторые ее области, которые трансформируются быстрее других.

Например, *род* некоторых существительных. «*Кроссовок*» или «*кроссовка*»? «*Туфель*» или «*туфля*»? «*Красивый тюль*» или «*красивая тюль*»? «*Шампунь*» — он или она? А «*мозоль*»? И, конечно, тут не обойтись без многострадального «*кофе*». На всякий случай: сейчас считаются правильными «*кроссовка*», «*ту́фля*», «*красивый тюль*». «*Шампунь*» — он, а «*мозоль*» — она. Ну а вопросу о «*кофе*» будет посвящен целый раздел 6 главы*.

---

* О формах слов может возникнуть много вопросов. Например, как правильно: «*лекторы*» или «*лектора*», «*директоры*» или «*директора*», «*грамм*» или «*граммов*», «*грузин*» или «*грузинов*», «*оладий*» или «*оладьев*», «*свеч*» или «*свечей*»? Ответы вы можете узнать, заглянув в современные словари или, например, на сайт «Грамота.ру» (<http://www.gramota.ru/>). На главной странице сайта вы увидите желтое окошко, куда можно вписать слово и получить о нем актуальную информацию из разных словарей. Также вы можете вписать слово в зеленое окошко, расположенное чуть ниже: тогда вы откроете ответы справочной службы, в которых встречается это слово.

Орфография же и пунктуация с естественным развитием языка связаны весьма опосредованно. Письменность — это изначально искусственный конструкт, специально созданный для записи речи, поэтому и про нарушения норм орфографии и пунктуации далеко не всегда можно сказать: «Это просто язык меняется!» Правила и нормы в этих сферах, конечно, тоже иногда трансформируются вслед за языком, но совсем не радикально и довольно медленно.

Любая условная система знаков обязательно должна быть унифицирована для того, чтобы ею было удобно пользоваться. Представьте, что будет, если, например, дорожные знаки нарисуют «как хочеча», без единообразия. Последствия ошибок на письме, разумеется, не столь катастрофичны, но на качество коммуникации, на отношение к пишущему и даже на скорость чтения влияют существенно.

Однажды я провела со своими учениками эксперимент: попросила их прочесть два небольших текста похожего стиля и объема, только один был написан грамотно, а второй — с многочисленными орфографическими и пунктуационными ошибками. Мы засекали по секундомеру, сколько времени потребуется на чтение каждого из них, а затем сравнивали результаты. Так вот: на чтение текста с ошибками у детей уходило времени примерно в полтора, а то и в два раза больше. Вопросы, зачем нужно учить правила, у них больше не возникало.

* * *

Да, иногда сложно отличить настоящее изменение нормы от банальной ошибки.

Как разобраться, где развитие языка, а где его коверканье? Для этого нужно знать, какие области языка мобильны, а какие консервативны, понимать, что соответствует языковой логике, а что нет. А чтобы развить такого рода чутье, нужно интересоваться лингвистикой и иметь примерное представление об истории языка, в том числе об истории изменения его норм. И, конечно, читать грамотные тексты и качественную литературу, а не комментарии в соцсетях в стиле «фуу прескрективизм».

Эта книга — во всяком случае, первая ее часть — попытка пройти между молотом и наковальней, между пуризмом и отрицанием норм.

Конечно, как и у всех, у меня есть личные языковые симпатии и антипатии, и полностью скрыть их мне вряд ли удастся, ведь я человек, а не база данных. Но я постараюсь быть объективной — а насколько у меня это получится, судить вам.

Глава 2

В ВЫХИНО ИЛИ В ВЫХИНЕ? РАЗБИРАЕМСЯ, ПОЧЕМУ СЛОВА ПЕРЕСТАЮТ СКЛОНЯТЬСЯ

Сейчас вам покажется, что я слишком далеко отхожу от поставленного в заголовке вопроса. Но на самом деле я просто хочу ответить на него максимально полно, так что не топчитесь с выводами и просто следите за ходом мысли.

Сравните два предложения с одинаковым содержанием на русском и на *английском*:

В коробку **спряталась** маленькая кошка.
A small cat hid in a box.

В них по-разному выражены грамматические значения (которые помогают нам понять сообщаемое): род, падеж, число и так далее.

В русском предложении:

— окончание *-у* в слове «*коробку*» выражает значение женского рода, винительного падежа и единственного числа;

— *суффикс -л-* в глаголе «*спряталась*» указывает на прошедшее время;

— окончание *-а* там же — на женский род и единственное число из-за согласования со словом «кошка»;

— приставка *с-* придает значение совершенного вида: то есть действие уже произошло, кошка уже залезла в коробку. Если убрать приставку, то получится, что кошка «*пряталась*» — искала место, еще не выбрала, куда именно будет прятаться;

— *постфикс -сь* — показатель возвратности глагола: так мы понимаем, что кошка *сама* залезла в коробку, а не кто-то ее туда посадил;

— окончание *-ая* в прилагательном указывает на именительный падеж, единственное число и на женский род из-за согласования со словом «кошка»;

— окончание *-а* в слове «кошка» выражает значение женского рода, именительного падежа и единственного числа.

Видите, как много грамматических значений «зашиито» внутри слов в русском языке? А порядок слов имеет второстепенное значение — мы могли бы сказать: «Маленькая кошка спряталась в коробку», и смысл бы не изменился.

А в английском предложении внутри слова выражено разве что значение однократности и прошедшего времени глагола *hid* (кошка один раз спряталась, это случилось в прошлом), да единственное число существительных *cat* и *box* (при помощи нулевого окончания) — и, собственно, все. А вот падежей и грамматического рода в английском языке нет. Зато есть строгий порядок слов (если вы скажете «*In a box hid a small cat*», вас, может быть, и поймут, но сочтут неграмотным). С возвратностью глагола здесь тоже туго: *hide* — это ведь и «прятаться», и «прятать». Но смысл фразы мы все равно понимаем — просто благодаря другим языковым механизмам.

Такие противоположные способы выражения грамматических значений принято называть **синтетизмом** и **аналитизмом**, а языки — соответственно синтетическими и аналитическими.

Аналитические языки — это языки, в которых грамматические значения выражаются главным образом вне слова: с помощью порядка слов, интонации, предлогов, артиклей, вспомогательных глаголов и так далее. К преимущественно аналитическим относится, например, английский язык.

В **синтетических языках** грамматические значения выражаются в основном внутри самого слова — например, с помощью разветвленной системы окончаний и некоторых других частей слова. К такому типу языков относится и русский.

Нельзя сказать, что синтетические языки «лучше», «богаче» аналитических или наоборот. Просто это разные типы систем. Более того, языки могут переходить из одной системы в другую.

Так произошло с английским, где еще тысячу лет назад были и падежи, и грамматический род.

Возможно, когда-нибудь это произойдет и с русским. По крайней мере, сегодня в нем явно видна **тенденция к аналитизму**.

ТЕНДЕНЦИЯ К АНАЛИТИЗМУ

Некоторые области русской грамматики обнаруживают явный сдвиг от синтетизма к аналитизму.

Например, **числительные** начали явно терять склонение. «*С 5678 рабочими*» — как это выговорить? То есть можно, конечно, сказать «*с пятью тысячами шестьюстами семью-*

десятью восемью», но кто об этом знает, кроме филологов и школьников, натасканных на ЕГЭ? В реальности люди путают даже склонение относительно простых числительных и все чаще говорят, к примеру: «*Скидки больше пятиста рублей*» (нормативно — «*пятисот*»). А в некоторых конструкциях склонять числительные даже никому и не приходит в голову. Например, уже никто не скажет, что мороженое продают «*по пяти рублей*», — и не только потому, что таких цен давно нет, но и потому, что числительное в этой конструкции застыло в другой форме — «*по пять рублей*». Но у классиков вы можете легко найти подобные употребления¹⁴:

«...захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно *по десяти рублей* жалованья, или около двух фунтов серебра».

(Н. М. Карамзин, «История государства Российского»: Том 6, 1811–1818 гг.)

«...не отсылай он в Тверь золовке *по пяти рублей* в месяц, так умерла бы золовка».

(Ф. М. Достоевский, «Господин Прохарчин», 1846 г.)

«Духи покупаешь *по семи рублей* за склянку».

(А. И. Куприн, «Яма», 1909–1915 г.)

То же самое происходит с фамилиями на -о вроде Шевченко или Короленко. «Сейчас прочла стихи Евтушенки в “Юности”», — писала Ахматова в 1966 году в своем дневнике. Не менее чудесно выглядят названия статей в сборнике о Михаиле Зощенко из серии «Мастера современной литературы» (1928 г.)¹⁵:

В. Шкловский. «О **Зощенке** и большой литературе»;

А. Г. Бармин. «Пути **Зощенки**»;

В. В. Виноградов. «Язык **Зощенки**».

Сейчас подобные употребления кажутся очень странными, но ведь когда-то говорили именно так — и, наверное, странным казалось подобные фамилии, наоборот, не склонять¹⁶.

Появился и особый класс несклоняемых прилагательных, которые так и называют — *аналитические прилагательные*: «цвет *беж*», «картофель *фри*», «час *пик*». Обычные прилагательные склоняются вслед за главным существительным («о *бежевом* цвете», «о *жареном* картофеле», «о *пиковом* часе»), а аналитические прилагательные не меняются вовсе («цвету *беж*», «картофелем *фри*», «о *часе пик*»).

Некоторые лингвисты причисляют к аналитическим прилагательным и несклоняемые слова (или первые части слов), написанные через дефис: «*пиар-агентство*», «*бизнес-класс*», «*интернет-магазин*». Даже если считать их не прилагательными, а, например, существительными, утрата их склонения очевидна — хотя при употреблении отдельно они изменяются: «работать в *пиаре*», «говорить о *бизнесе*», «посмотреть в *интернете*».

Само количество падежей в русском языке по сравнению с *древнерусским* существенно сократилось. Это до сих пор заметно по рудиментарным окончаниям падежей, которые перестали существовать, слившись с другими.

Например, мы говорим «о *лесе*», но гуляем «в *лесу*», мечтаем «о *рае*», но мысленно пребываем «в *раю*», рассуждаем «о *снеге*», но валяемся «в *снегу*»... И в том, и в другом случае теперь используется предложный падеж, но с разными окончаниями, потому что форма на -у досталась по наследству от утраченного *местного падежа*. Но таких слов ограниченное количество: у большинства существительных окончание предложного падежа только одно («о *парке*» / «в *парке*»).

Исчез и так называемый *звательный падеж* — особая форма обращения. Сейчас он сохранился в устойчивых фразах «*отче* наш», «что тебе надобно, *старче*», «о *боже*» и некото-

рых других. Впрочем, буквально в последние лет сто появилась и новая звательная форма — обращения с нулевым окончанием: «*пап*», «*мам*», «*Лен*», «*Маш*», «*Вань*» и им подобные.

Функции падежей все больше переходят к предлогам, количество которых по сравнению с древнерусским, наоборот, увеличилось. В древних текстах можно найти множество беспредложных конструкций, которые сейчас кажутся странными: **высть пожаръ великъ Киевѣ**¹⁷ («был большой пожар в Киеве»); **томъ же лѣтѣ** («в то же лето»); **надѣяся Бозѣ** («надеясь на Бога»); **хощю пояти дщерь твою женѣ** («хочу взять дочь твою в жены»); **се отхожу свѣта сего** («вот, отхожу от света сего»)¹⁸ и так далее.

Да что далеко ходить. Еще Пушкин писал: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире // Мой прах переживет и *тленья убежит*». А ведь сейчас мы скажем «*от тленья*».

Экспансия предлогов продолжается и в наши дни, причем особенно активен оказывается предлог «*по*»¹⁹. Отсюда и «*учебник по русскому языку*» вместо «*учебника русского языка*», и «*ателье по ремонту одежды*» вместо «*ателье ремонта*», «*чемпионат по футболу*» вместо «*футбольного чемпионата*» и раздражающая многих «*оплата по карте*» вместо «*оплаты картой*».

Нельзя назвать незыблемой и **катеґорию числа**.

Сейчас нам кажется естественным разделение на «один» и «много», а следовательно, существование только единственного и множественного числа. Но тысячу лет назад в древнерусском языке было еще и **двойственное число** — специальная форма для обозначения двух предметов или парных предметов.

Так, один месяц по-древнерусски — **мѣсѧць**, несколько/много месяцев — **мѣсѧци**, а два месяца — **мѣсѧца**. Поэтому в «Слове о полку Игореве» говорится: **съ ними молада мѣсѧца, Ольга и Святѣславъ, тьмоуж сѧ поволокоста** («с ними два молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись»). Остатки двойственного числа можно увидеть и сей-

час: современное множественное число некоторых парных предметов и частей тела («берега», «рога», «рукава», «колени», «очи», «уши») — это на самом деле бывшие формы двойственного числа, закрепившиеся в языке потому, что они употреблялись чаще форм множественного. Собственно, понятно почему: они ведь называют то, что обычно встречается по два.

Множественное же число этих существительных в древнерусском языке выглядело так: *верези, рози, рѣкави, колѣна, очеса, ѱшеса*.

Так что же с Выхино? Или с Выхином...

Конечно, вы уже догадались: раньше топонимы склонялись и бесспорной нормой были «в *Выхине*», «с *Выхином*». Да и теперь она остается строгой и предпочтительной, хотя многие не просто ее игнорируют, но и считают безграмотной.

Однако вспомните название фильма «Дело было в Пенькове» или лермонтовское «и будет помнить вся Россия про день Бородина» и склоняйте «Выхино» на здоровье. Или не склоняйте — так тоже можно, но это разговорный вариант.

ВЫ ЗАМЕЧАЕТЕ, ТО ЧТО ВОЗНИК НОВЫЙ СОЮЗ?

Возможно, заголовок кажется вам необычным. И неспроста: мы привыкли к конструкциям вроде «*Вы замечаете, что возник новый союз?*».

А может, вы и не заметили ничего странного. Это значит, что в вашей речи уже обосновался новый *союз «то что»*. И не в последнюю очередь это могло произойти из-за той самой тенденции к аналитизму.

До недавнего времени сочетание слов «*то*» и «*что*» было возможно лишь в конструкциях такого типа (и только они по сей день считаются нормативными):

«Мне приснилось именно *то, что* терзало меня весь день».

«Он сказал мне все *то, что* хотел сказать уже давно».

«Ты видел *то, что* пролетело над домом?»

Здесь «*то*» — указательное местоимение, полнозначное слово. На него падает логическое ударение: «Я знаю (что?) *то*», «сказал (что?) *то*». И между «*то*» и «*что*» есть осязаемая пауза, на ее месте ставится запятая.

Но в какой-то момент (лет 10–15 назад) стало распространяться и вот такое использование «*то что*»:

«Мне приснилось, *то что* я утонул в луже».

«Он сказал, *то что* скоро вернется».

«Ты видел, *то что* над домом вертолет пролетел?»

Здесь «*то*» — уже не местоимение, не полнозначное слово, а часть союза. И «*то*» сливается с «*что*», между ними нет паузы, запятую ставить не хочется. Получается, «*то что*» использовано вместо одиночного «*что*» («Он сказал, *то что* скоро вернется» = «Он сказал, *что* скоро вернется»).

Дальше — больше...

Сначала новое «*то что*» присоединялось хотя бы к переходным глаголам — тем, которые в принципе сочетаются с объектом без предлога, как в предыдущем абзаце. Эти глаголы могли присоединять «*то*» и в качестве местоимения: неслучайно я проиллюстрировала разницу нормативных и новых конструкций, используя одинаковые глаголы.

А потом *«то что»* стало использоваться и после непреходящих глаголов:

«Мы договорились, *то что* встретимся завтра» (норма: «договорились *о том*, что» или «договорились, что»).

«Я надеялся, *то что* он меня простит» (норма: «надеялся *на то*, что» или «надеялся, что»).

И вот уже Евгений Маргулис в песне с вполне аналитическим названием «ЭрЖЭДэ блюз» поет:

Сяду в скорый поезд,
Восьмой вагон.
Даже не расстроюсь,
То что древний он...

А в заставке к мультфильму «Малышарики» звучит:

«Ничего такого, *то что* нос не дорос».

Как говорится, сгорел сарай — гори и хата! И *«то что»* начинает присоединяться к фразам... где уже есть *«то»*:

«Спасибо за *то*, *то что* помогли!»

«Кончилось *тем*, *то что* пришлось вернуться домой».

«Дело *в том*, *то что* я не смог до вас дозвониться».

Такое употребление тоже появляется в песнях. Так, исполнитель с занимательным псевдонимом Pussykiller поет в песне «Папа»:

Я закидываю в бокал лед,
Но мой интерес в том, *то что* не мое.

Но самый любопытный вопрос — почему все это стало происходить. Никто точно не знает, но я могу высказать предположения.

Фактор 1

Посмотрите на другие подчинительные союзы: «*потому что*», «*оттого что*», «вследствие *того что*», «в силу *того что*», «не смотря на *то что*», «в связи с *тем что*», «*так что*», «для *того чтобы*», «*так как*»...

В состав всех этих союзов входят бывшие указательные местоимения или наречия.

В некоторых из этих союзов часть «*то*» или «*так*» совсем потеряла исходный смысл (или грамматикализовалась / подверглась *грамматикализации*, если говорить на лингвистическом). Что значит «*так*» в союзе «*так как*»? А «*тому*» в «*потому что*»? Да ничего они уже не значат, мы их отдельно в этих союзах не воспринимаем (и не исключено, что на заре своего существования они тоже казались избыточными и уродливыми).

Мы даже легко можем присоединять эти союзы к предложениям, где указательное слово уже есть:

«Он поступил именно *так, так как* не мог иначе» (предложение из-за двойного «так» звучит не очень красиво, но грамматически корректно).

«Я сказал об *этом, потому что* не мог иначе» (а здесь вообще все прекрасно).

Вот и «*то*» в «*то что*» постепенно грамматикализуется, становится частью союза и теряет связь с указанием.

И склонение тоже теряет, застывая в одной форме «*то*», что тоже типично при грамматикализации — и для слов, попавших под влияние тенденции к аналитизму.

Фактор 2

Посмотрите еще раз на список союзов из предыдущего пункта. Заметьте: львиная доля из них оканчивается на *«что»*. И все они могут интонационно как разделяться, так и сливаться (и соответственно либо разделяться запятой, либо полностью входить в придаточную часть).

То есть возможны такие пары предложений:

Опушка (леса) названа так <i>потому, что</i> она напоминает меховую опушку (т. е. обшивку) на одежде.	Опушка (леса) названа так, <i>потому что</i> она напоминает меховую опушку (т. е. обшивку) на одежде.
Этот экспонат он принес домой <i>для того, чтобы</i> показать его нам.	Этот экспонат он принес домой, <i>для того чтобы</i> показать его нам.
«Жизнь Берлиоза складывалась <i>так, что</i> к необыкновенным явлениям он не привык» (здесь <i>«так»</i> — даже не часть союза, а отдельное, еще не грамматикализованное, наречие).	«Вода становилась темно-голубой, прозрачной, <i>так что</i> далеко было видно дно» (а здесь <i>«так»</i> уже успешно грамматикализовалось).

На этом фоне такая пара: «Я знаю только *то, что* ничего не знаю» / «Я знаю, *то что* ничего не знаю», — выглядит уже не очень-то и странно, не правда ли?

Фактор 3

«*То*» в новом «*то что*» кажется многим избыточным. Зачем говорить: «Знаю, *то что* он придет», — если можно сказать «Знаю, *что* он придет»?

Но смотрите: есть союзы и устойчивые выражения, в которых *«то»* может присутствовать, а может и опускаться. Поэтому вполне нормальны такие пары:

Я рад, <i>что</i> он придет.	Я рад <i>тому, что</i> он придет.
Она забыла, <i>что</i> нужно зайти в магазин.	Она забыла <i>о том, что</i> нужно зайти в магазин.
Он уехал в Москву, <i>чтобы</i> поступить в университет.	Он уехал в Москву, <i>для того чтобы</i> поступить в университет.

Отчего-то мы не считаем, что *«то»* здесь избыточно, а ведь его тоже можно отбросить.

Так почему не стать нормальными и таким парам: «Мне приснилось, *что* я утонул в луже» / «Мне приснилось, *то что* я утонул в луже»?

Фактор 4

С точки зрения пунктуации (и интонации) новое *«то что»* многих ужасает: ну как же так, ведь в школе учили, что перед *«что»* всегда должна стоять запятая! Кажется, что отсутствие запятой даже может сбивать при чтении.

На самом деле такая запятая ставится совсем не всегда. Вот несколько примеров:

«Ну и *что* все это значит?»

«Вот *что* за погода сегодня — и дождь, и град!»

«Нам нужно найти его во *что* бы то ни стало».

«Рассвирепев, он швырял в стороны *что* попало».

«Миша продолжал смотреть мультики, несмотря на то *что* уже было поздно».

В языке есть и прецедент, где даже «*то*» и «*что*» ни запятой, ни паузой не разделены. Посмотрите на строки Бродского:

Я *не то что* схожу с ума, но устал за лето.
За рубашкой в комод полезешь, и день потеряю.
Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла все это —
города, человеков, но для начала зелень.

Да, выражение «*не то что...*, *а*» («*не то что...*, *но*») имеет другой смысл, но интонация-то такая же — без паузы между «*то*» и «*что*».

Фактор 5

На самом деле даже для экспансии того самого «*то что*» языковые прецеденты есть. Точнее, были.

Похоже, в XVIII веке это сочетание употреблялось шире, чем сейчас:

«Думают о нем *то, что* он сумасшедший».

(А. П. Сумароков, «Вздорщица», 1770 г.)

«И помни *то, что* я тебя люблю!»

(М. Д. Чулков, «Пересмешник, или Славенские сказки», 1766—1768 гг.)

«Или забыла уже *то, что* он другую обожает?»

(Д. И. Фонвизин, «Иосиф» [перевод поэмы П. Ж. Битобе с французского], 1769 г.)

«Поздравлением нашим означаем *то, что* мы день рождения Вашего почитаем днем нашей радости».

(Архиепископ Платон [Левшин], «Поздравительные речи Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству», 1763—1776 гг.)

«Петр Великий пил здоровье польского [короля] и, пожав ему руку, говорил: “Да здравствует *то, что* мыслим мы”».

(А. А. Нартов, «Рассказы о Петре Великом», 1785–1786 г.)

«Но во время танцевания они видом давали знать друг другу *то, что* их сердца к любви склонны, хоть на словах того никому не объявили».

(История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене, 1787 г.)

«Красавица забыла любопытство, или, лучше сказать, она совсем не имела его, зная *то, что* милый душе ее не может быть злым человеком».

(Н. М. Карамзин, «Наталья, боярская дочь», 1792 г.)²⁰

И подобных контекстов довольно много. Они не то чтобы ненормативны — но ведь теперь такие предложения привычнее звучат без *«то»*.

Возможно, распространение *«то что»* переживает сейчас вторую волну — с другой интонацией и с гораздо более широким употреблением, но все же. А вот почему именно сейчас и почему так быстро — вопрос, на который вряд ли найдется ответ.

Конечно, новое *«то что»* может коробить. И это естественно: любое изменение языка часто воспринимается носителями в штыки, особенно если оно такое стремительное. Но сравнение с другими конструкциями показывает, что использование нового *«то что»* вполне сравнимо с употреблением других, уже привычных нам союзов. По-видимому, с ними давным-давно произошло примерно то же самое, что происходит сейчас с *«то что»*.

Здесь можно было бы возразить и привести в качестве контраргумента идею, известную как **закон речевой экономии (или экономии речевых усилий)**: ведь лень, как известно, двигатель прогресса, и в языке это тоже работает.

Этот закон — важнейший двигатель развития языка, и он заключается в том, что для говорящего естественно сводить к необходимому минимуму речевые усилия и языковые средства и использовать их ровно в том количестве, которое требуется, чтобы его речь была правильно понята. Именно поэтому мы, иногда сами того не замечая, говорим «чек» вместо «человек», «пасип» вместо «спасибо» и «драсьте» вместо «здравствуйте». По этой же причине мы в разговоре используем «пять килограмм помидор» вместо «пять килограммов помидоров» (а не потому что мы безграмотные), «электричка» вместо «электрический поезд»... И, казалось бы, должны говорить простое «что» вместо «то что».

Почему же союз, наоборот, удлинился за счет дополнительного «то»? Это ведь «неудобно».

Дело в том, что закон экономии — далеко не единственный закон, который влияет на развитие языка. Был бы он единственным, мы бы давно перешли на мычание.

Есть и много других законов — например, **закон аналогии**: иногда языковые формы начинают вести себя по шаблону и приближаются к схожим языковым формам. Например, слово «кофе» стремится быть не мужского рода, а среднего — по аналогии с другими существительными на -е («солнце», «пение», «ложе» и так далее).

Так и новое «то что» тоже подвергается закону аналогии и начинает вести себя по шаблону других союзов.

Спровоцировать появление «то что» могли и закон аналогии, и тенденция к аналитизму — а может, они сработа-

ли вместе. Скорее всего, наши правнуки будут говорить *«то что»* вместо *«что»*, для них это станет нормой. И ничего ужасного в этом нет: просто система союзов станет немного разнообразнее и стройнее. Нам же остается только включать внутреннего лингвиста и радоваться, что на нашу долю выпало счастье наблюдать в реальном времени ни много ни мало рождение нового союза.

А вот говорить на русском аналитическом языке наши правнуки все же не будут. Тенденция к аналитизму, начавшись еще в древности, сейчас только набирает обороты. И никто не знает, приведет ли она когда-нибудь к потере словоизменения или заменится какой-нибудь другой тенденцией, но пока она, безусловно, значима.

Глава 3

ЗАИМСТВОВАНИЯ – ЗЛО ИЛИ ОБОГАЩЕНИЕ ЯЗЫКА?

«**Р**усский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. К чему говорить “дефекты”, когда есть “недочеты”, или “недостатки”, или “пробелы”?.. <...> Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»

Как вы думаете, кто автор этих слов?

Нет, не современный борец «за чистоту языка». Эти строки написал Владимир Ильич Ленин — в заметке «Об очистке русского языка» в 1919 или 1920 году²¹. То есть сто лет назад.

Испортился ли за это время русский язык? Нет. Изменился ли? Безусловно. Но хуже от этого он явно не стал.

В этой главе мы разберемся, какое место в языке занимают заимствования и так ли «непатриотично» использовать их в своей речи. А еще обнаружим, что многие слова, которые сегодня нам кажутся привычными и родными, на самом деле когда-то очень давно пришли из других языков и, возможно, раздражали людей точно так же, как сейчас кого-то раздражают «кейс» или «пойнт».

ГАЛЛОПЕРЕДОЗ

Прежде всего предлагаю вспомнить те периоды в истории русского языка, когда волна заимствований была куда мощнее, чем сейчас. При этом язык не просто выстоял, но стал еще богаче.

Так, в XVIII — начале XIX века люди были подвержены *галломании* — моде на все французское, в том числе и на язык. Помните длинные разговоры аристократов в «Войне и мире», написанные на французском языке? Или Татьяну из «Евгения Онегина», которая «по-русски плохо знала, // Журналов наших не читала // И выражалася с трудом // На языке своем родном» и поэтому писала письмо Онегину по-французски*?

Частой была и ситуация, когда в русскую речь вставляли французские слова за неимением точного аналога в родном языке. И речь идет не просто о заимствованиях, которые перешли в русский язык, встроились в его систему и переняли его грамматические показатели, как, например, какой-нибудь «*ноутбук*», который стал обычным существительным мужского рода 2 склонения и приобрел соответствующие окончания — «*ноутбука*», «*ноутбуку*», «*ноутбуком*» и так далее, да еще и поменял ударение (в английском он «*но́утбук*»). Речь именно о скачках с русского на французский, как это иронично делает Пушкин в том же «Евгении Онегине»:

Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut...** (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Шишков, которого здесь насмешливо упоминает Пушкин, — адмирал, писатель, публицист, министр народного

---

* Впрочем, Пушкин здесь имел в виду, скорее всего, то, что Татьяна плохо владела именно письменной русской речью: в быту дворяне обычно все же разговаривали по-русски. Но языком светских бесед и любовных посланий был действительно преимущественно французский.

** Comme il faut — благопристойность, благородство, хороший тон (франц.).

просвещения и известный пурист того времени. Он активно выступал против заимствований и ратовал за сохранение *славянизмов* — слов и выражений, пришедших из *церковнославянского языка* («*абие*», «*аще*», «*оный*», «*сие*», «*дебелый*», «*присно*», «*велеление*»), хотя сам употреблял далеко не все из них. Ему приписывают фразу — «*Хорошилище грядет из ристалища на позорище по гульбищу в мокроступах и с растопыркой*» («франт идет из цирка в театр по бульвару в галошах и с зонтиком»). Он ее, конечно, не говорил, но идеи Шишкова она, хоть и в гротескной форме, передает неплохо.

Если бы к Шишкову и его сторонникам прислушались, в русском языке не было бы таких заимствований из французского, как «*абажур*», «*аванс*», «*авантюра*», «*автограф*», «*автомат*», «*агроном*», «*ажитоаж*», «*ажур*», «*акварель*», «*аккомпанемент*», «*аксессуар*», «*акт*», «*аллея*», «*альбом*», «*альянс*», «*амплуа*», «*амулет*», «*ансамбль*», «*антракт*», «*антресоль*», «*антураж*», «*анфилада*», «*апартаменты*», «*аплодисменты*», «*апломб*», «*аранжировка*», «*аспирант*», «*ассортимент*», «*афера*», «*афиша*»...

Я сейчас перечислила заимствования XVIII — первой половины XIX веков только на первую букву алфавита (и то далеко не все), чтобы вы представили масштаб потока иностранных слов в то время.

Не было бы и многочисленных *калек* с французского, то есть слов и выражений, переведенных по частям или полностью:

— *впечатление* (от фр. *impression*, где *im* — «в», *presion* — «печатанье»)²²;

— *трогательный* (от фр. *touchant* — «трогательный», которое, в свою очередь, образовано от глагола *toucher* — «трогать, касаться»)²³;

— *насекомое* (от фр. *insecte* из лат. *insectum*, первонач. — «насеченное, с насечками [животное]»)²⁴;

— *дневник* (от фр. *journal* — «поденный», «ежедневный», от *jour* — «день»)²⁵;

— *утонченный* (от фр. *raffiné* — «очищенный, утонченный»)²⁶;

— *бросить в лицо* (в значении «прямо и смело высказать что-то неприятное» — от фр. *jeter à la face*)²⁷;

— *гадать на кофейной гуще* (от фр. *lire dans le marc de café*)²⁸;

— *сказать сквозь зубы* (от фр. *parler entre ses dents*)²⁹;

— *это делает честь кому-то* (от фр. *cela fait honneur à qn*)³⁰;

— *рыцарь без страха и упрека* (от фр. *chevalier sans peur et sans reproche*)³¹;

— *называть вещи своими именами* (от фр. *appeler les choses par leurs noms*)³²;

— *быть не в своей тарелке* (от фр. *n'être pas dans son assiette*)³³. Любопытно, что это выражение возникло из-за неправильного перевода слова *assiette*, которое значило не только «тарелка», но и «посадка, положение тела при верховой езде» — поэтому французская фраза переводится как «быть не в своем (обычном) положении», то есть «потерять равновесие, устойчивость».

Особенно претило Шишкову слово «*вкус*» в значении «чувство прекрасного» («у него хороший вкус», «музыкальный вкус», «одеваться со вкусом») — тоже калька с французского *goût*³⁴. В «Рассуждении о старом и новом российском слоге», самом известном своем труде,

Шишков посвятил слову «*вкус*» несколько страниц, потому что «каким образом можно себе представить, чтоб вкус, то есть чувство языка или рта нашего, пребывало в музыке, или в платье, или в какой иной вещи?»³⁵

Похоже на современные выпады против необычного использования слова «*вкусный*» («*вкусный текст*», «*вкусная история*»), не так ли? Признаюсь, что я и сама была к ним причастна — но осознав родство душ с Шишковым, поумерила прескриптивистский пыл. В конце концов, говорим же мы о ребенке, что он *сладкий*; о занудном человеке, что он *душный*; о решении, что оно *свежее*... Вот и «*вкусный текст*» — такая же, в сущности, метафоризация.

По сравнению с нынешней волной англицизмов, галлома-ния XVIII — начала XIX веков кажется настоящей катастрофой. Именно на французском дворяне рассуждали о политике и объяснялись в любви: русский язык казался для таких разговоров слишком грубым, к тому же не обладающим необходимой лексикой. Не писали по-русски и научные сочинения: основным языком науки была латынь, также выходили работы на французском и на немецком. Происходило это по двум причинам: во-первых, сочинения на иностранном языке были доступны для чтения зарубежным коллегам, а во-вторых, в русском языке долгое время просто не было нужной научной терминологии.

Языку угрожает опасность только тогда, когда на нем не получается выразить всякую мысль — и он вытесняется из некоторых сфер общения.

И в XVIII веке русский язык к такой тревожной ситуации приблизился (во всяком случае, в среде образованных людей). Но все равно выстоял.

И, как ни парадоксально, сделал он это в том числе благодаря заимствованиям. В русском языке действительно не хватало слов для выражения многих ставших актуальными в то время понятий, и заимствования, органично в него интегрированные, пополнили лексику и помогли носителям остаться именно в рамках русского языка, а не перейти полностью на иностранный.

Так что заимствования в разумных количествах — очень полезная вещь. Необоснованные обвинения в порче языка из-за них были всегда — но и заимствования тоже были всегда. Потому что заимствования — часть любого живого языка, носители которого не изолированы от внешнего мира.

Ненужные заимствования язык все равно отбросит, а нужные его только обогатят. Критик В. Г. Белинский мудро подчеркивает эту мысль, иронизируя над взглядами А. П. Сумарокова — поэта и видного пуриста XVIII века: «Сумароков смеется над словами: *фрукты, сервиз, антишамбера, камера, сюртук, суп, гувернанта, аманта, дама, валет, атут* (козырь), *роа* (король), *мокероваться, элож* (похвала), *принц, бурса, тоалет, пансив* (задумчив), *корреспонденция, кухмистр, том, эдиция, жени* (то есть *гений*; под *жени* Сумароков понимал остроумие), *бонсан* (здравый смысл; Сумароков переводит *рассуждение*), *эдюкация, манифик, деликатно, пассия**.

Однако ж если многие из этих слов вывелись из употребления, зато многие и остались; гений языка умнее писателей и знает, что принять и что исключить»³⁶.

---

* антишамбера — прихожая
аманта — любовница
мокероваться — насмехаться
бурса — духовное училище, семинария
кухмистр — придворный повар
эдиция — издание книги
эдюкация — воспитание, образование
манифик — великолепный

СЛОВА, КОТОРЫЕ ОКАЗАЛИСЬ «ПРИЕМНЫМИ»

Если заглянуть в этимологические словари, можно выяснить, что многие привычные нам слова, кажущиеся что ни на есть русскими, исконными, тоже когда-то давно были заимствованы.

хлеб

Возможно, многим из вас знакомы эти строки Сергея Михалкова из стихотворения «Быль для детей»:

«Нет! — сказали мы фашистам, —
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом “брот”».

Так вот: лингвисты любят над ними подтрунивать, потому что «хлеб» — заимствование. Да не откуда-нибудь, а из германских языков: в готском находим *hlaifs*, в древневерхненемецком — *hleib* с тем же значением³⁷. Сейчас в заимствование трудно поверить, потому что оно произошло очень-очень давно — еще в праславянскую эпоху, до разделения славянских языков.

Те, кому очень не по душе факт заимствования слова «хлеб», могут возразить: «Так что же, славяне свой хлеб печь не умели?» Но нет же, скорее всего, умели — просто германское слово, видимо, обозначало хлеб, изготовленный по другому рецепту или по новой технологии, которая была заимствована вместе со словом.

суп

Да, такое, казалось бы, традиционное русское блюдо и обязательная, по мнению наших бабушек, часть обеда — это заимствование XVIII века из французского, но восходит оно тоже к соответствующему слову из германских языков. На готском *supōn* — «приправлять»: получается, буквально суп — кушанье, сдобренное специями³⁸.

пельмени

А это заимствование из финно-угорских языков, где «пель» — «ухо», а «нянь» — «хлеб». Выходит, пельмени — это «хлебные ушки»³⁹.

помидор

Это слово восходит к итальянскому *pomo d'oro* («яблоко из золота») и исторически родственно «помаде»: помадой изначально называли лечебную мазь из яблоч⁴⁰. Второе название помидора — «*томат*» — еще экзотичнее: оно пришло, как и сам овощ, от ацтеков⁴¹.

огурец

Соленый огурчик — это ведь наше, исконное! Ан нет: название овоща позаимствовано у греков. Их ἄγουρος («агурос»), в свою очередь, образован от слова ἄωρος («аорос») — «неспелый», «несозревший»⁴². А ведь и правда: огурцы вкусны, только пока они не пожелтели, не созрели окончательно.

собака

Не совсем ясно, откуда к нам пришло это слово — скорее всего, из иранских языков. Но это факт: во времена князя Владимира его никто не знал. И четвероногих друзей, и нехороших людей тогда называли псами⁴³.

лошадь

И этого слова во времена первых русских князей еще не было. Если бы вы спросили у древнерусского воина: «Где твоя лошадь?» — он бы вас не понял. Тогда знали только слова «конь» и «кобыла», а «лошадь» — заимствование из тюркских языков, где «*алаша*» значит «конь, мерин»⁴⁴.

князь

Это давнее заимствование из германских языков (в праславянскую эпоху, то есть до разделения славянских языков, таких заимствований было довольно много). По-древневерхненемецки *kuning* — «старейшина рода» (от *kuni* — «род») ⁴⁵.

царь

А это слово — не что иное, как измененное веками употребление и переходов из языка в язык имя Гая Юлия Цезаря. Слово «*цезарь*» перешло в разряд нарицательных и стало употребляться как титул уже во время правления Октавиана Августа, его внучатого племянника. Из латыни слово проникло в другие европейские языки. Отсюда же, кстати, слова «*кайзер*» и «*кесарь*».

В древнерусском языке слово первоначально употреблялось в варианте **цѣсарь**, но позднее немного сократилось⁴⁶. На Руси правители периодически называли себя царями, но первым официальным «Царем Всея Руси» стал только Иван Грозный в 1547 году.

богатырь

Нет, это не тот, кто, по выражению Михаила Задорнова, «Бога тырит» (о подобных теориях читайте во второй части книги). «*Богатырь*» — заимствование из тюркских языков: могучего воина там называли «*багатур*»⁴⁷.

шлем

Ошеломительно, но «*шлем*», или, как сказали бы древнерусские богатыри, «*шелом*», заимствован из германских языков (в древнегерманском шлем звучал как *helmaʒ*, в готском как *hilms*) и в буквальном переводе обозначает «то, что защищает»⁴⁸. И да, «*ошеломить*» в первоначальном значении, по всей видимости, — «сильно ударить по шлему». Сравните с «*поразить*» — ведь это буквально «нанести удар», с «*потрясти*» — «несколько раз тряхнуть». Первоначально эти глаголы имели вполне конкретное значение физического воздействия, но позже приобрели значение «удивить»⁴⁹.

шапка

Слово «*шапка*» появляется в русском языке только около XIV века. А произошло оно от старофранцузского *chape* (в современном французском — *chapeau*), которое, в свою очередь, восходит к латинскому *cappa* — «головной убор»⁵⁰.

шуба

Сложно поверить, но у этого слова, буквально пропитанного духом русской зимы, южное происхождение: «*джубба*» — арабское название верхней одежды. Попало слово к нам благодаря европейским языкам. Как я уже отмечала, от этого же арабского слова, но через посредство других языков и с иными изменениями звуков, произошли «*юбка*», «*жупан*» и «*зипун*»⁵¹.

кафтан

Еще одно слово, которое пришло с Востока: в тюркских языках находим *kaftun* — «длинное верхнее платье, халат»⁵². Слово «*кафтан*» начало употребляться даже позже, чем «*шапка*», — только с XV века.

сарафан

И это слово пришло из тюркских языков, а туда попало из персидского, где *serāpā* — «почетная одежда»⁵³. Между прочим, у нас «сарафан» первоначально употреблялся в значении «длинный мужской кафтан». Например, в сарафане ходил царь Михаил Федорович.

терем

Название типично русской постройки — вероятнее всего, заимствование из греческого, где слово со значением «дом, жилище» произносилось как *térēmon* («те-ремнон»).

церковь

Надеюсь, читатели не обвинят меня в оскорблении чувств верующих, но... «церковь» — тоже заимствование от германского **kirkō* или **kirikō*⁵⁴, а оно, в свою очередь, от греческого *κυριακόν* («кюриакон») — «господнее»⁵⁵. В древних славянских текстах вы встретите не только слово «църкы» («церковь»), но и «кърькы»⁵⁶, и тогда родство этого слова с немецкой «кирхой» станет очевиднее. А соответствие «к» и «ц» в этих словах примерно такое же, как в «кайзере» и «царе».

изба

Вот уж, казалось бы, самое русское из русских слов! Тем не менее это заимствование из германских языков, где было слово **stuba* — «помещение с печью или баня»⁵⁷. Отсюда же современное немецкое слово *Stube* — «комната». Как и в случае с хлебом, заимствование совсем не значит, что славяне не строили избы: просто, видимо, избой называли какой-то новый вид постройки. Точнее, «истѣбой» — именно так сначала выглядело древнерусское слово.

Сложно поверить, но когда-то все эти слова были так же чужды нашим предкам, как многим сейчас — «хайп» или «газлайтинг».

И, вопреки устойчивому мнению, обилие давних заимствований из греческого, германских и тюркских языков во все не говорит о том, что у славян был низкий уровень культуры и они не знали предметов, обозначаемых иностранным словом. Поэтому поговорим о том, зачем вообще нужны заимствования.

НАМ ЧТО, СВОИХ СЛОВ НЕ ХВАТАЕТ?

Скорее всего, вы уже поняли: да, иногда действительно не хватает.

И вот в каких случаях мы заимствуем слова из других языков:

1. В родном языке нет аналога. Самый очевидный, но далеко не самый частый случай заимствования. Такие слова заимствуются вместе с предметом или явлением: когда в нашу жизнь приходит какое-нибудь иностранное изобретение, проще использовать то название, которое ему уже придумали на другом языке и под которым это изобретение стало известно в мире, чем сочинять свое. Например, так русский язык недавно заимствовал слова «мессенджер», «смартфон» или «хештег».

2. Аналог вроде бы есть, но он слишком неудобный. Громоздкий или труднопроизносимый. И тут вступает в силу закон речевой экономии: согласитесь, гораздо проще, особенно в устной речи, сказать «капслок» или просто «капс», чем употреблять словосочетание «прописные/большие буквы». Сказать «лайк» легче, чем «значок сердечка» или «кнопка “нравится”», «скрин» — проще,

чем «снимок экрана», «кейс» — куда быстрее, чем «случай из практики, который наглядно демонстрирует какую-либо теорию».

3. Аналог не вполне точно отражает то значение, которое есть у заимствования. «Ресепшен», вопреки утверждениям из пуристских словариков, — это не то же самое, что «приемная». «Фуд-корт» — не то же, что «столовая». А «презерватив», вопреки заявлениям *Владимира Жириновского*, — не «предохранитель».

Приведу его очень показательную цитату полностью:

«Постоянно звучат иностранные слова. Дилер — посредник, бутик — лавка, мутон — овчина, от французского “овца”. Трейдер, сейл — ну что это такое? Вот менеджер — это приказчик! Презерватив — предохранитель. Я бы и слово “парикмахер” заменил. Кафе, бар, ресторан? Закусочная — вот прекрасное слово! Забежал, закусил, все понятно»⁵⁸.

Ну, что тут скажешь? Очень своеобразное предложение от прежнего лидера либерально-демократической партии. Но почему-то не «свободно-народного собрания»...

4. Аналог есть, но он оброс неприятными или не вполне уместными оттенками значения. «Клинер» звучит куда более нейтрально, чем «уборщица»: когда говорят «уборщица», представляется измученная женщина в грязном халате, а «клинер» — будто бы специалист с инновационными средствами для удаления пятен и новейшей моделью пылесоса.

Или у слова «модель» не так давно появился и другой смысл (помимо значения «образец»): так стали называть девушку, которая демонстрирует одежду на модных показах. Это слово пришло на смену «манекенище», и не-

спроста: когда мы говорим *«манекенщица»*, представляется дама, демонстрирующая наряды в Доме культуры, а чтобы рассказать о Кейт Мосс или Наталье Водяновой, хочется использовать другое слово, не нагруженное такими «советскими» ассоциациями.

5. Аналог перегружен большим количеством разных значений. В таком случае проще заимствовать иностранное слово, чем точно переводить его и прибавлять к уже существующим смыслам еще один. Например, так было заимствовано слово *«сторис»* (или *«сториз»*; слова нет в словарях, поэтому пока никто не знает, как писать). Его можно было бы перевести как *«история»*, и некоторые так и делают, но тогда фразы вроде *«Как тебе мои истории?»* или *«Больше всего люди любят истории об обычной жизни»* начинают звучать слишком двусмысленно. *«История»* — очень **многозначное слово**: это и рассказ (*«рассказать смешную историю»*), и ход развития чего-то (*«история нашей дружбы»*), и наука (*«история Средних веков»*). Поэтому в блогерской среде все же чаще используют слово *«сторис»*: это отдельное конкретное явление, для которого хочется иметь свое название.

6. У аналога нет необходимой сочетаемости. Лингвист **Светлана Бурлак** в лекциях часто приводит в пример слово *«спонсор»*⁵⁹. Вроде как есть слово *«меценат»* (тоже заимствованное, но давно освоенное языком) — казалось бы, зачем еще и *«спонсор»*? Но проблема в том, что быть *«меценатом чего-то»* нельзя: не присоединяет это слово зависимые слова в родительном падеже (мы не говорим *«меценат галереи»* или *«меценат выставки»*).

Конечно, отличие мецената от спонсора еще и в том, что меценат оказывает помощь людям науки и искус-

ства безвозмездно, а спонсор выделяет деньги ради рекламы. «Пиво “Балтика” — меценат футбольного матча» звучит довольно странно.

Можно было бы, конечно, расширить значения и сочетаемость слова «меценат», но язык распорядился иначе: видимо, оказалось необходимым разграничить «мецената» и «спонсора».

7. Аналог не такой яркий и звучный. Словечки вроде «хайп» делают высказывание эмоциональнее и резче, а с привычными «шумихой» или «ажиотажем» такого эффекта достичь не получится.

Конечно, злоупотребление новыми заимствованиями (какой-нибудь «брифинг о нейминге и кейсах продакшена») может звучать комично. Но и совсем отказываться от заимствований тоже нецелесообразно: речь без них станет пресной, как овсянка на воде.

А вот таблички в пуристских пабликах о русском языке, на которых перечеркнуто какое-нибудь заимствованное модное слово и вместо него предложено употреблять только привычные исконные аналоги («хейтер — злопыхатель, завистник, недоброжелатель, ненавистник, злословец, разжигатель ненависти»), вызывают только усмешку: кажется, что «недоброжелатели и злословцы» должны быть непременно «в мокроступах и с растопыркою».

Глава 4

СЛЕНГ – НОРМ ТЕМА ИЛИ ОТСТОЙ?

«**Л**ол кек», «рарный айтем», «сасная тян»... Услышав нечто подобное в речи подростков, многие взрослые негодуют, воздевают руки к небу и восклицают примерно следующее: «Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым *грамматикам*, можно ли так коверкать русский язык?»⁶⁰

Между тем это написал еще в 1828 году критик *М. А. Дмитриев* — да не о чем-нибудь, а о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Испокон веков в каждом поколении обязательно находят ся те, кто ругает молодежь и считает, что она деградирует. И, конечно, якобы одно из ярких проявлений деградации — молодежный сленг. Удивительно, как человечество еще не вернулось к обезьяньему образу жизни⁶¹.

И гораздо меньше распространена такая позиция, как у лингвиста *Максима Кронгауза*:

«А я, например, завидую всем этим “колбасить не по-детски”, “стопудово” и “атомно”, потому что говорить по-русски — значит не только “говорить правильно”, как время от времени требует канал “Культура”, но и с удовольствием, а значит, эмоционально и творчески (или, может быть, сейчас лучше сказать — креативно?)»⁶².

А ведь если посмотреть на сленг под таким углом, окажется, что это очень интересный пласт лексики, созданный действительно небанально.

КАК ОБРАЗУЕТСЯ МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ?

На всякий случай определимся с терминами.

Сленг, или *жаргон*, — это речь отдельной социальной группы, объединяющей людей по признаку профессии (например, жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства в XIX в.), интересов (жаргон геймеров) или возраста (молодежный жаргон).

В более широком смысле сленг — это элементы разговорной речи, не совпадающие с нормой литературного языка и обычно экспрессивно окрашенные, часто грубовато-фамильярные.

| Молодежный сленг — это творчество, игра и эксперимент.

И формироваться он может множеством разных способов.

1) Метафорика, то есть перенос значения с одного понятия на другое из-за их сходства:

— *личинус* (ребенок): сравнение маленького человека с личинкой;

— *ваниль* (избыточная чувственность и романтичность): сравнение чувственности со сладкой пряностью;

— *раки* (неопытные, плохие, «криворукие» игроки): уподобление людей неповоротливым членистоногим с большими клешнями — «руками»;

— *душный, душнила* (скучный, неприятный человек, моралист, зануда): общаться с ним так же тяжело, как находиться в душном помещении.

2) Расширение или изменение значения слова:

- *затащить* (победить);
- *запилиить* (сделать публикацию в соцсети);
- *ор* (смех), *орать* (смеяться);
- *жесть* (ужас / выражение крайнего удивления).

3) Звукоподражание:

- *кек* (смешно): по одной из версий, подражание звуку смешка;
- *мимими, ня* (что-то милое): от звуков, которые издают персонажи в японских мультфильмах.

4) Заимствование из других языков (прежде всего из английского):

- *соулмейт*: от англ. *soul mate* (родственная душа);
- *рарный айтем*: от англ. *rare item* (редкая вещь);
- *чекнуть*: от англ. *check* (проверить);
- *краш*: от англ. *crush* (раздавить, сломать) — человек, в которого кто-то безответно влюблен, предмет обожания;
- *триггер*: от англ. *trigger* (спусковой крючок, триггер) — событие или другой внешний стимул, который резко переключает эмоции, вызывает болезненные воспоминания, обнажает психологические травмы;

— *сасный* (классный, привлекательный): от англ. *sassy* (нахальный), которое изменило значение;

— *го* (давай, давайте, идем: «го в кино», «го играть»): от англ. *go* (идти);

— *кун* и *тян* (юноша и девушка): от японских именных суффиксов;

— *чапалах* (пощечина): скорее всего, от армянского слова с тем же значением.

5) Заимствование из тюремного и блатного аргот:

— *зашквар* (унижение, позор; что-то вызывающее пренебрежение): от «*зашквариться*» — коснуться «опущенного», низшего члена тюремной касты, даже прикосновение к которому считается позорным;

— *мочить* (бить);

— *наезжать* (обвинить, предъявить претензии, действовать агрессивно).

6) Усечение слов (иногда с добавлением суффикса), превращение выражений в аббревиатуры:

— *паль* («паленое», то есть подделка);

— *норм* (нормально);

— *всм* (в смысле);

— *реал* (реально) — в значении согласия;

— *падра* (подруга);

— *сиги* (сигареты);

— *инфа* (информация);

- *дноклы* (одноклассники);
- *жиза* (жизненно);
- *уник* (университет);
- *надик* (подъезд);
- *ЛП* (лучшая подруга);
- *ЧС* (черный список);
- *ЛС* (личные сообщения);
- *МЧ* (молодой человек).

7) Добавление суффикса, часто с экспрессивным значением:

- *годнота* (что-то хорошее, качественное): от *годн(ый)* + суффикс *-от(a)*;
- *орировать* (смеяться, хохотать): от «*орать*» в значении «смеяться» + суффикс *-ирова (ть)*;
- *сорян* (извини): от англ. *sorry* + суффикс *-ян*.

8) Замена слова другим, похожим по звучанию:

- *шпора* (шпаргалка);
- *пекарня* (компьютер, от «ПК — персональный компьютер»);
- *плойка* (игровая приставка PlayStation).

Зачастую сленг образуется несколькими способами сразу. Например, «*лол*» — это и заимствование, и аббревиатура: слово образовано от англ. *laugh out loud* («громко смеяться») или *lots of laughs* («много смеха»). «*Лавэ*» («деньги») — заимствование из цыганского, и, скорее всего, сначала слово появилось в блат-

ном аргю. А в «оре» или «жести», помимо изменения значений слов, можно разглядеть небанальные метафоры: скрытое сравнение смеха с криком, сложной ситуации и сильной эмоции — с металлом. «Жест» даже можно встроить в один ряд с похожими и совсем не жаргонными метафорическими выражениями, в основе которых — ассоциации с железом, сталью, металлом: «*стальной характер*», «*стальные нервы*», «*железная воля*», «*железная логика*», «*железный занавес*», «*металл в голосе*», «*пройти через (огонь, воду и) медные трубы*». Это еще раз показывает, что в сленге нет ничего странного или ужасного, он — такая же часть языка, как и нейтральная лексика.

А ЗАЧЕМ МОЛОДЕЖИ СВОИ СЛОВА?

Подростковый сленг закономерен, естественен и... как ни странно, необходим.

Во-первых, сленг «помогает подросткам подчеркнуть свою инаковость, отделенность от «мира взрослых». И, если поразмышлять, такой словесный выход протеста — самый безобидный из всех, что можно придумать.

Во-вторых, жизнь подростков действительно во многом не похожа на жизнь взрослых. У молодежи другие интересы и ценности, которые требуют словесного выражения.

И в-третьих (и в самых важных), сленг — заключительный этап освоения языка. Подростку «хочется уже по-настоящему его освоить, почувствовать, что это родной язык, что он им именно владеет, а для этого ему нужно как-то язык помять, порастягивать, посмотреть, где его границы растяжимости, — ведь мы можем это делать только с родным языком. Здесь очень важный

механизм — это творческий подход к языку, эксперимент. Поэтому дети пробуют разные формы, разные модели словообразования, смысловые ходы»⁶³, — говорит лингвист *Ирина Левонтина*.

Бороться со сленгом не нужно, да и бесполезно — как бесполезно бороться, например, с зимой. Да, она может кому-то не нравиться (холодно, неудобно, темнеет рано) — но отменить ее все равно не выйдет. И как зима приходит каждый год в положенное ей время, так и с каждым поколением подростков появляется новый сленг.

Да, именно новый. Большинство жаргонных словечек очень быстро устаревают, так что тем, кого они раздражают, не нужно бояться: лет через 10 уже вряд ли кто-нибудь будет говорить: «*Кек, азаза*». Возможно, они даже успели устареть, пока эта книга готовилась к публикации. Правда, на смену этим словам обязательно придут другие.

СЦИТ В ХЛЕВУ, А КОРОВА У ЛОКОМОТИВА

Чтобы убедиться в изменчивости молодежного сленга, откроем «Словарь русского школьного жаргона XIX века» *Ольги Александровны Анищенко*⁶⁴, составленный на материале эпистолярной, мемуарной и художественной литературы.

Вот каким был сленг школьников в XIX веке:

Примерные, способные ученики — *башка*, *бонсю-жешка* (от фр. *bon sujet* — «хороший пример»), *медальон* (гимназист, окончивший школу с золотой медалью), *первак*, *сцит/сциенс* (от лат. *sciens* — «знающий»), *шиферница* (ученица, удостоенная особого знака отличия — шифра).

Отстающие ученики — *бородач* (второгодник), *безобе-дник* (оставшийся без обеда из-за того, что в наказание был оставлен после уроков в классе), *камчатник* (тот, кто сидит за последней партой), *мовешка* (от фр. *mauvais sujet* — «плохой пример»), *несцит*, *проскриптор* (от лат. *proscriptio* — «список осужденных на смерть или ссылку»), *чужестранка* (воспитанница, оставленная на второй год).

Гимназист — *говядина*, *грач* (видимо, это шуточные расшифровки литеры «Г» на пряжке гимназических ремней), *красильщик* (из-за красного канта на картузе — головном уборе с козырьком), *лягушка в кармане*, *сизяк* (из-за сизой шинели), *синий пуп* (из-за синего канта на картузе), *штукатур* (из-за белого канта на картузе).

Воспитанница института благородных девиц — *машерочка* (от фр. *ma chère* — «моя дорогая»: институтки часто так обращались друг к другу), *медамочка* (от фр. *mesdames* — «дамы»), *монастырка* (институт был учрежден при Смольном монастыре), *сувалка* (воспитанница, которая старается всегда ответить первой).

Педагоги и воспитатели — *зверь*, *локомотив* (директор), *тараканиус*, *амфибия*, *лукавый царедворец*, *классуха*.

Прогуливать — *казенничать*, *лытать*, *огуряться*, *проказачивать*, *ходить на ваган*.

Шпаргалка — *антидраль*, *антиплешь*, *говорящие программы*, *разведение клопов*.

Как видим, молодежный жаргон за 200 лет существенно изменился, хотя образовывался по тем же моделям (в нем много метафор, например). И точно так же, как и сейчас, в нем было много заимствований — только не из английского, а в основном из французского и латыни.

КАК СЛЕНГ... ОБОГАЩАЕТ ЯЗЫК

Многие привыкли считать сленг чем-то вроде языкового мусора, от которого лучше поскорее избавиться. Но на самом деле сленг — и не только подростковый, но и сленг в более широком смысле (как набор слов замкнутой группы людей и как экспрессивные элементы речи, не совпадающие с литературной нормой) — очень полезная штука! Он придает речи эмоциональность, которая в некоторых ситуациях бывает просто необходима.

Более того, сленг может проникнуть в литературный язык и... обогатить его.
Да-да: многие слова, без которых русский язык теперь сложно представить, когда-то были самыми что ни на есть жаргонными и подчас весьма грубыми.

Например, до XVI–XVII веков жаргонизмом было привычное нам слово «*глаз*».

Раньше в этом значении употреблялось только «*око*», а значение слова «*глаз*» в древних текстах — «блестящий шарик» (по одной из версий, оно родственно немецкому *Glas* и английскому *glass* — «стекло») ⁶⁵. В Ипатьевской летописи даже есть рассказ о том, как дети находят среди речной гальки «*глазки стеклянные*» ⁶⁶ — и, конечно, это именно шарики, а не следы деятельности древнерусского маньяка.

Глаза стали называть шариками из-за сходства, и это явно было очень экспрессивное жаргонное слово. До сих пор иногда можно услышать похожее выражение «*шары выкатить*» — примерно так же грубо когда-то

звучало и слово «*глаз*». Но постепенно оно потеряло свою сниженную стилистическую окраску и стало употребляться как абсолютно нейтральное.

Похожая история и у некоторых других названий частей тела.

Например, «*лоб*», по одной из версий, считается родственным словам «*луб*» («кора дерева», вспомните «избушку лубяную» из сказки) и «*лунить*» (в значении «сдирать, шелушить») с его производными «*вылуниться*», «*облуниться*», «*скорлупа*»⁶⁷. Поэтому исходное значение слова «*лоб*» — «твердая оболочка, скорлупа». Затем так стали называть череп, черепную коробку, и в древнерусских и старославянских памятниках письменности «*лоб*» представлен именно в этом значении⁶⁸. А потом слово было перенесено на верхнюю часть лица, вытеснив первоначальное «*чело*». Зато на память о «*челе*» осталось современное слово «*челка*»⁶⁹.

Итак, «*лбом*» долгое время называли всю черепную коробку. Но когда «*лоб*» переместился на верхнюю часть лица, на вакантное место пришел «*череп*». И сходство слов «*череп*» и «*черепок*» совсем не случайно: исходно «*череп*» — это и есть «*черепок*», глиняный осколок⁷⁰. И да, «*черепаша*» того же корня⁷¹.

Схожая история у немецкого и французского обозначения головы. Немецкое *Kopf* первоначально значило «чаша, сосуд для питья» и, возможно, родственно латинскому *cuppa* («чашка») ⁷². А французское *tête* произошло от латинского *testa* — «глиняный сосуд, черепок» ⁷³. Народы и языки разные — а логика похожая.

По такому же принципу голова или лоб по-русски могли бы называться «котелком»: говорим же мы «*котелок не варит*»? Но язык предпочел «котелку» «черепок», а почему — неизвестно.

Губы когда-то называли «уста́ми». Но потом прижилось новое название, и тоже относительно поздно: в древнерусских и старославянских памятниках письменности слово «губы» в таком значении еще не фиксировалось. Зато оно использовалось в значении «губка» (морское животное и спонж, сделанный из него) или «гриб» (последнее еще можно встретить в диалектах)⁷⁴. Губами называли и особые грибы в виде наростов на деревьях. Видимо, из-за сходства с ними и была названа часть лица. Остроумно, не так ли? И когда-то, наверное, обидно.

А «рот» родственен словам «рыть», «рыло». «Рот» исходно и буквально — «то, чем животные или птицы, разрывая, выкапывают пищу»⁷⁵. Представляете, насколько экспрессивным было это слово сначала? А теперь мы пользуемся им свободно.

В «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.)⁷⁶ вы найдете пометы «просторечие» и «простонародное» рядом со словами «былой», «быт», «бросить (дело)», «бедняга», «горожанин», «жадный», «задушевный», «затея», «знать» (знатные люди), «крыша», «класть», «молодежь», «назло», «назойливый», «намекать», «негодяй», «огласка», «отвага», «пачкать», «поддаваться», «поодаль», «радушный», «судить», «удаль», «удача», «этот»... Но сейчас эти слова тоже нейтральны, а некоторые даже воспринимаются как возвышенные. Даже такие устаревшие и, казалось бы, торжественные обращения «сударь» и «сударыня» помечены как просторечные, и неудивительно, ведь они — всего лишь сокращения от «государь» и «государыня».

Из жаргона нищих пришло слово «*двурушный*». Сейчас мы так можем сказать о двуличном человеке, а раньше «*двурушными*» называли попрошайки, которые, спрятавшись в толпе за другими нищими, просовывали между ними сразу две руки и получали подавание в двойном размере⁷⁷. А слово «*животрепещущий*», ставшее нейтральным или даже возвышенным, сначала появилось в жаргоне рыботорговцев, которые продавали еще живую и оттого трепещущую рыбу⁷⁸.

Еще совсем недавно, в середине XX века, старшее поколение очень раздражало одно словечко из молодежного сленга — «*пока*» в значении прощания. Воспринималось оно примерно так же, как если бы мы, прощаясь, сказали: «Сейчас!» или «Еще!», и было, по всей видимости, сокращением от «*прощай пока*».

Корней Чуковский так описывал свои впечатления об этом слове в книге «Живой как жизнь» (1962 г.):

«На меня, как на всякого моего современника, сразу в два-три года нахлынуло больше новых понятий и слов, чем на моих дедов и прадедов за последние два с половиной столетия. Среди них было немало чудесных, а были и такие, которые казались мне на первых порах незаконными, вредными, портящими русскую речь, подлежащими искоренению и забвению. Помню, как страшно я был возмущен, когда молодые люди, словно сговорившись друг с другом, стали вместо “до свиданья” говорить почему-то “пока”»⁷⁹.

А лингвист Максим Кронгауз, которого никак нельзя назвать пуристом, пишет в книге «Русский язык на грани нервного срыва» (2008 г.) о другом слове: «Я перестаю слушать человека, если он вдруг произносит не слишком грамотное слово *волнительный*»⁸⁰.

Дело в том, что слово «*волнительный*» появилось не так давно, вероятно, в жаргоне актеров. В образцовой же литературной речи следовало говорить только «*волнующий*». Показателен диалог из романа *Константина Федина* «Необыкновенное лето» (1945–1948 гг.):

«— Не знаю, не знаю! У меня такое чувство, что мы идем садом, охваченным бурей, все гнется, ветер свистит, и так шумно на душе, так волнительно, что...

— Ах, черт! Вот оно! — ожесточился Пастухов. — Выскочило! Волнительно! Я ненавижу это слово! Актерское слово! Выдуманное, не существующее, противное языку... какая-то праздная рожа, а не человеческое слово!...

Сейчас многим уже странно читать о такой неприязни к, казалось бы, обычному слову, хотя многие словари до сих пор закрепляют за ним помету «*разговорное*». Но разговорные слова — тоже часть литературной нормы. А еще слово «*волнительный*» встречалось у признанных писателей:

«Можно в толпе и при самом *волнительном* зрелище оставаться спокойным и радостным, и можно лежа в постели себя измучить своими мыслями, так что будешь задыхаться от волнения».

(Л. Н. Толстой, «Письма», 1894 г.)

«И в какую даль этот человек забрался, какие уже перевидал страны, и что он делает тут, ночью, в горах, — и отчего все в мире так странно, так *волнительно*».

(В. Набоков, «Подвиг», 1932 г.)

«Среди переулочной тишины, в оттепельном воздухе текла *волнительная* река пенистого яблочного аромата».

(Л. М. Леонов, «Скутаревский», 1930–1932 гг.)

Некоторые отмечают, что слово «*волнительный*» образовано не вполне корректно: прилагательные на *-ительный* обычно образуются от глаголов на *-ить* («оскорбить» — «оскорбительный», «губить» — «губительный», «язвить» — «язвительный», «удивить» — «удивительный» и так далее). От «*волновать*» же, по идее, должно было образоваться прилагательное «*волновательный*» (как от «нагреть» — «нагревательный», от «требовать» — «требовательный»).

Но «*волнительный*» — не единственная подобная аномалия. Есть еще и «*чувствительный*» от «*чувствовать*», и «*действительный*» от «*действовать*», и «*именительный*» от «*именовать*»... Ведь никто не предлагает отказаться от них?

Отчего же возникают претензии к «*волнительному*»? Видимо, как раз из-за его происхождения: пришедшее из актерского сленга, оно поначалу могло казаться слишком наигранным и жеманным. Но теперь эти ассоциации почти сошли на нет, и вряд ли кто-то скажет о важном событии: «*Это было очень волнующе*». Абсолютное большинство носителей языка предпочтет «*волнительно*».

К чему все эти истории слов? Я убеждена, что знание истории языка очень отрезвляет, успокаивает, устраняет алармистские настроения и увеличивает терпимость. Когда понимаешь, что множество слов, которые были раньше жаргонными и просторечными, мы сейчас употребляем свободно (и мир из-за этого не рухнет), начинаешь гораздо спокойнее относиться к сегодняшнему сленгу.

Так что keep calm and study linguistics.

Глава 5

ЭМОДЗИ, ОЛБАНСКИЙ И ОТМЕНА ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ: ИНТЕРНЕТ УБИВАЕТ ЯЗЫК?

Многих беспокоит не только сленг и заимствования, но и площадка, которая в последние десятилетия дает им проявиться во всей красе, — интернет. Блоги, социальные сети и мессенджеры — наша новая реальность, где часто можно встретить и отступающую от литературной нормы лексику, и непривычные странные сокращения, и специально исковерканную орфографию — а расставленные по всем правилам знаки препинания там, наоборот, редкость. Особенно точки, вместо которых стоят либо *эмодзи*, либо скобки)

Кажется, что интернет — какое-то особое пространство, которое будто бы провоцирует людей быть неграмотными и постепенно «убивает язык».

Но, конечно, все совсем не так просто. Интернет — действительно особое пространство, в котором появились уникальные, до нашего времени не существовавшие формы коммуникации. Что они из себя представляют и какие у них особенности, разберемся в этой главе.

НЕ УСТНАЯ И НЕ ПИСЬМЕННАЯ

Мы привыкли к тому, что речь четко делится на *устную* и *письменную* — в школах до сих пор дают именно такую классификацию. Между тем уже лет двадцать, то есть почти все то время, пока существует интернет в привычном нам понимании, эта классификация не вполне актуальна. Все потому, что появилась интернет-коммуникация, которую невозможно отнести к какой-то из двух крайностей.

Формально речь в интернете — письменная. С другой стороны, она представляет собой запись быстрых и спонтанных диалогов, неформальных и необдуманных, из-за чего приобретает множество черт речи устной. Некоторые лингвисты даже называют тексты в интернете новым термином «*устно-письменная речь*»⁸¹.

Она существенно отличается от той письменной речи, которую мы привыкли видеть в литературе и публицистике. И это естественно, ведь у интернет-речи другой формат и другие задачи.

А что, если сравнить интернет-коммуникацию не с письменной речью, а с устной?

Попробуйте записать на диктофон устную неподготовленную речь человека, который изъясняется вполне понятно и грамотно (можно начать с себя), а потом расшифруйте аудиозапись и оформите речь в виде текста, ничего в ней не меняя. Если вы записывали не *Екатерину Шульман** или *Дмитрия Быкова***, вы будете очень удивлены тому, насколько «корявый» текст у вас получится: в нем будет много так называемых слов-паразитов, повторов, странных конструкций, грамматических неправильностей. И да, в 99% случаев этот текст композиционно, синтаксически и грамматически будет

---

* Признана Министерством юстиции РФ иноагентом.

** Признан Министерством юстиции РФ иноагентом.

ничем не лучше тех сообщений в мессенджере, которые принято считать образцами «безграмотной» интернет-коммуникации.

А удивлены вы будете потому, что в устной речи мы почти не замечаем всех этих «огрехов». Наше восприятие устроено так, что мы их буквально пропускаем мимо ушей, и это позволяет нам не терять суть сообщения.

Эти «неправильности» (в разумном количестве) вполне естественны. Например, для устного русского языка чрезвычайно характерно начинать сообщение не «с места в карьер», а с вводного слова, союза («и», «а», «но» и так далее) или каких-нибудь «*вот*» или «*ну*», которые дают мысли необходимый «разгон».

Нормальные и так называемые слова-паразиты, если их не очень много. Лингвисты уважительно именуют их **«дискурсивными словами»**: от слова **«дискурс»** — то есть «связный текст, произносимый в определенной ситуации и с определенными задачами»⁸²; это «речь, погруженная в жизнь»⁸³. Дискурсивные слова ничего не добавляют к содержанию текста, но помогают строить дискурс и делают его связным, а заодно могут сообщать информацию о говорящем — его состоянии, настроении, отношении к сообщаемому и собеседнику. Дискурсивные слова могут выполнять много важных функций, например:

- «*в общем*» и «*в принципе*» обобщают высказывание;
- слово «*ну*» часто помогает выждать время, точнее выразить мысль и дать собеседнику сигнал, что мы обдумываем высказывание, подбираем слова — то есть относимся к разговору ответственно;
- выражение «*на самом деле*» привлекает внимание и сообщает, что мы сейчас скажем что-то важное или даже противоречащее тому, что говорили прежде.

«Идеальная», «стерильная» речь без шероховатостей и дискурсивных слов может звучать слишком искусственно, механически – и поэтому вызывать отторжение и недоверие. На современных курсах ораторского искусства даже рекомендуют оставлять в речи немного дискурсивных слов в качестве нотки естественности.

Но письменная фиксация ярко подсвечивает все речевые погрешности. Пропустить их мимо взгляда, как мимо ушей, уже не получится, оттого и возникает так много претензий к речи в интернете. Но появляются они главным образом из-за неоправданных ожиданий: многие ждут, что интернет-общение будет соответствовать нормам обычной письменной речи — но ведь это разные коммуникативные жанры.

Каковы же особенности языка интернета и какие черты устной речи он заимствует? Давайте разбираться.

ЭМОДЗИ: ЯГОДИЦЫ ИЛИ СЕРДЕЧКО?

Прежде всего интернет-коммуникация стремится передать интонацию, мимику и жесты, чего традиционная письменная речь сделать почти не может. Поэтому лингвист Максим Кронгауз сказал об интернет-речи так: «Это не испорченная письменная речь, это обогащенная письменная речь, обогащенная тем, чего в письменной речи не хватает»⁸⁴.

Чтобы обозначить в интернет-речи мимику и жесты, появились новые инструменты коммуникации вроде эмодзи — картинок, изображающих эмоции говорящего: 😊 😊 😊 🙌
👍 🙌

До их появления мы пытались передать настроение с помощью *смайликов* — или, если говорить более научно, *эмоти-*

конов — пиктограмм из доступных печатных символов. Например: :- (улыбка), :-Р (показывать язык), %) (сумасшедшая улыбка), :/ (недоумение, скепсис). Некоторые были довольно изощренными — можно сказать, творческими:

~(_8^(I)	Гомер Симпсон (один из персонажей мультфильма «Симпсоны»)
@} —>—	Цветок, роза
{:€	Ктулху — фантастическое морское чудовище, похожее на осьминога

Но иногда из-за разных трактовок эмотиконов возникают курьезы. Например, что значит такой символ?

<3

Кто-то думает, что это грудь, ягодицы, фаллос или даже выпускание газов. Но вообще-то это всего лишь невинное сердечко.

Эмодзи гораздо более однозначны, но и с ними иногда возникают проблемы. Например, до сих пор ведутся споры о том, что обозначает этот эмодзи:

Благодарность? Просьба? Молитва? А многие уверены, что ладони эти принадлежат разным людям и первоначальный смысл эмодзи — «дай пять».

Некоторые эмодзи могут стихийно переосмысляться, приобретать в отдельных сообществах новые смыслы. Так, изображение статуи с острова Пасхи стало обозначать каменное лицо, или так называемый покерфейс, — лицо, не выражающее эмоций.

И еще одна проблема эмодзи — они могут по-разному отображаться на разных устройствах. Будьте осторожны, когда посылаете какие-нибудь редкие и необычные эмодзи: вы можете послать другу забавного клоуна, а он получит героя фильма ужасов вроде Джокера или Пеннивайза.

НЕ ПОВЫШАЙ НА МЕНЯ ШРИФТ!

В интернете особое значение приобрели *прописные буквы, или капслок*. Раньше с них начинали предложение, из них составляли аббревиатуры, но теперь большие буквы используют для обозначения разговора на повышенных тонах. В связи с этим даже появилась шутливая фраза, которую я вынесла в подзаголовок.

Впрочем, иногда капслоком просто выделяют наиболее значимые слова или заголовок текста — но даже это многих раздражает или задевает, настолько закрепились ассоциации между прописными буквами и агрессией. Поэтому будьте **ОСТОРОЖНЕЕ** с капслоком.

Есть и противоположная тенденция: многие, наоборот, не ставят прописные буквы в тексте — даже в начале предложения. В последние годы, однако, автокорректор большинства телефонов нивелирует эту особенность интернет-коммуникации.

ОГОВОРКИ ЗАЧЕРКИВАНИЕ

Еще один очень любопытный прием в интернет-речи — *преднамеренное зачеркивание*. Например, такое: «И первое, куда идет любой турист в европейском городе, — это ~~кабак~~ конечно же, старый город»⁸⁵. Оно имитирует оговорку: пишущий сначала якобы говорит что-то не то, что-то, что он сказать

не планировал. Но именно это «не то» оказывается акцентированным, ведь оно не просто написано, но еще и выделено чертой (или словом «зачеркнуто»).

На таком приеме обычно строится ирония или языковая игра, к примеру: «Каждый блогер должен ~~посадить~~ дерево написать книгу!» Случайная цитата из интернета, но как же в тему.

* * *

«Ну хорошо, с чертами устной речи в интернет-коммуникации разобрались. В них вроде бы и впрямь нет ничего страшного. А что с сетевой орфографией и пунктуацией? Они-то ужасны!» — скажет пурист.

Да, какие-нибудь «*вообщем*» или «*тимболы*»^{*} — действительно эдакие орфографические мутанты. Но ведь они — не особенность интернет-языка и легко могут встретиться и в записке, написанной от руки.

Каковы же специфические черты именно сетевой орфографии и пунктуации?

ПАДОНКИ И ОМГ

Лет двадцать назад в интернете часто разговаривали на так называемом *языке падонкафф*, или *олбанском*, особенностью которого было изощренное коверканье слов («*аф-фтар жжот*», «*апстену*», «*низачот*», «*зайчег*»). У «падонкафф» даже был свой «*Манифезд антиграматности*». Вот отрывок из него:

---

^{*} В грамотной записи это «в общем» и «тем более». Впрочем, у «вообщем», кажется, есть шансы со временем стать нормой, настолько часто оно стало встречаться. В конце концов, согласно этимологическому словарю А. Е. Аникина, слово «вообще» тоже произошло в результате слияния предлога «*въ*» и наречия «*обыче*» («вместе», «в целом»).

«Па мери савиршенства кампютырных спилчекирав русский изык ишо болще патеряит сваих нипасредствинности и абаяния.

Паэтому все художники рускава слова далжны бросить вызав убиванию нашива живова изыка биздушными автаматами! Главный Принцип нашева великава движения ПОСТ-КИБЕР гаварит: “Настоящие искусство новава тысичулетия — это то что ни можыт делать кампютыр а можыт делать тока чилавек!!!”

“Биз грамотичискай ашипки я русской речи ни люблю!”, писал наш лудший паэт Аликсандыр Сиргеич Пушкин.

Эти слава мы бирем дивизом на наш флак В БАРЬБЕ С ЗАСИЛИЕМ БИЗДУШНОЙ КАМПЬЮТЫРНОЙ ПРАВИЛНАСТИ каторую нам навязывают гацкие роботы-акуппанты!!!!»⁸⁶

По словам Максима Кронгауза*, «у людей, использовавших “язык подонков”, было ощущение, что это игра в интернет и есть возможность игровой свободы. В интернете эти люди были крутыми хулиганами, ругались матом, говорили на смелые темы, а в жизни это были такие скромные ботаники»⁸⁷. Но теперь выросло другое поколение, для которого интернет — важная часть жизни, а общение в интернете уже мало отличается от реального.

Однако на рудименты олбанского можно наткнуться и сейчас: то и дело в диалогах всплывают «кагбэ», «ящитаю», «памагити», «узбагойся», «девачьки» или «штош», часть которых пришла из мемов. Но это именно отдельные словечки, весь текст так никто уже не пишет.

---

* Цитата была опубликована в интернет-СМИ «Бумага», которое было признано Министерством юстиции РФ иноагентом.

Теперь чаще, чем отголоски «падонкаффского», можно встретить другие орфографические особенности, характерные только для интернет-общения:

— повтор гласных, чтобы передать их интонационное растягивание: «*это так миииило*», «*нуууу не знаю*», «*мне ооочень нравится*». Впрочем, могут растягиваться и согласные: «*ну плиззз*», «*ммммм, как вкусно*». В классическом оформлении повторяющиеся буквы должны отделяться дефисами («*ну-у-у*»), но в интернете этого почти никто, конечно, не делает: писать без дефисов быстрее и проще;

— отражение редукции (усечения, сокращения некоторых звуков при произнесении): «*эт*» («это»), «*пасип*» («спасибо»), «*канеш*» («конечно»);

— аббревиатуры, некоторые из которых уже стали самостоятельными словами: «*кмк*» («как мне кажется»), «*имхо*» (ИМНО — сокращение от англ. *in my humble opinion* — «по моему скромному мнению»), «*емнип*» («если мне не изменяет память»), «*омг*» (от англ. *oh my god* — «о мой бог»). Такие сокращения выглядят довольно органично при непринужденном, неофициальном общении.

Но все это не ошибки, а элементы интернет-сленга, языковая игра и опять же стремление дополнить сообщение элементами устной речи. И эти особенности, в отличие от ошибок, вводятся в текст намеренно.

ДОБРОГО ВРЕМЕНИ СУТОК И СПС

Явление совсем другого порядка — сокращенные формулы вежливости: «*спс*» («спасибо») и «*дд*» («добрый день»). А вот они часто вызывают недоумение или раздражение, потому

что в таком виде перестают выполнять свою главную функцию — подчеркивание уважения к собеседнику.

И если *«спасибо»* еще довольно часто встречается и в дружеской переписке, где бывает вполне уместно сократить его до *«спс»*, то выражение *«добрый день»* используют только при достаточно формальном общении с малознакомыми или вообще не знакомыми людьми. В такой ситуации *«дд»* создает впечатление, что нормально поздороваться человеку просто лень. Оправдать его использование можно, пожалуй, только тогда, когда объем сообщения ограничен.

Не вполне оправданным выглядит и приветствие *«доброго времени суток»*.

Выражение это появилось в 90-е, то есть в начале распространения интернета. Это не продукт естественного развития языка, а искусственный конструкт, созданный из-за своеобразно интерпретированных правил вежливости. Те, кто его использует, объясняют, что сообщение, отправленное, скажем, днем в одном часовом поясе, доставляется мгновенно и может быть прочитано собеседником из другого часового пояса, где уже наступил вечер. Писать в таких случаях *«добрый день»* этим людям кажется неуместным и невежливым (хотя это не так, *«добрый день»* — универсальное приветствие, где значение слова *«день»* давно стерто, да и *«день»* имеет еще и значение *«сутки»*), вот и была придумана новая полужутливая приветственная формула. Правда, есть еще слово *«здравствуйте»*, но его любители *«доброго времени суток»* почему-то избегают — то ли оно кажется им слишком обычным, то ли его тяжело правильно написать.

А ведь в доинтернетную эпоху адресат тоже мог получить и прочесть обычное бумажное письмо когда угодно, но почему-то изобретать новое приветствие никому тогда в голову не приходило.

Мало того что *«доброго времени суток»* — выражение, решающее несуществующую проблему, оно еще и граммати-

чески странно построено. При приветствии принято употреблять существительные в именительном падеже («*доброе утро*», «*добрый день*», «*добрый вечер*»), а родительный используется в пожеланиях при прощании («*доброй ночи*», «*удачи*», «*хорошего дня*»). Получается, «*доброего времени суток*», если отвлечься от содержания и посмотреть только на форму, подходило бы прощаниям, а не приветствиям⁸⁸. Однако здесь можно возразить, что не так давно (возможно, примерно в одно время с «*добрым временем суток*») в ночных эфирах на радио и телевидении стало распространяться «*доброй ночи*» тоже в качестве приветствия. Также все чаще можно наткнуться на приветствия «*доброего утра*» или «*доброего дня*» в мессенджерах и блогах. Может быть, мы имеем дело с формированием новой нормы.

Но проблема «*доброего времени суток*» еще и в том, что оно часто используется при довольно официальной коммуникации, требования к которой очень высоки. Общаясь с друзьями или знакомыми, мы все же пишем «*привет*», а «*добрые сутки*» возникают в обращениях к малознакомым людям, зачастую даже в деловой переписке, а такого рода коммуникация предполагает соблюдение формальностей.

«*Доброего времени суток*» фактически заменяет традиционные этикетные формулы приветствия, а этикет — это крайне консервативная область: трансформации в ней образованный собеседник может воспринять или как неграмотность, или как фамильярность. По сути, поприветствовать делового партнера или клиента «*добрым временем суток*» — примерно то же самое, что написать ему «*спасибочки*» или «*вечер в хату*».

Кроме того, сегодня выражение «*доброего времени суток*» воспринимается как заезженный штамп из девяностых и раздражает очень многих. Поэтому рекомендую быть с ним осторожнее, особенно если хотите не просто поболтать, а обратиться к кому-то с деловым предложением.

Хотя кто знает: быть может, лет через сто «*доброго времени суток*» настолько прочно обоснуется в языке, что все написанное в предыдущих абзацах будет восприниматься как пуристское брюзжание. Этому, правда, препятствует тот факт, что выражение используется почти исключительно в письменной речи и лишено ключевого канала распространения — устного. Но язык умнее нас — и, быть может, «*доброго времени суток*» ему действительно зачем-то нужно. Поживем — увидим.

ОБЕСТОЧИВАНИЕ

Пунктуация в интернете тоже имеет свои особенности, и одна из самых ярких — отсутствие точек в конце сообщения.

Есть мнение, что это явный показатель безграмотности: ну как же так, ведь точка — обычный знак препинания, не ставить его — значит нарушить пунктуационную норму!

На самом деле «обесточивание» в интернете имеет другие причины. Во-первых, ставить точку бывает некогда из-за скорости обмена сообщениями (ну или просто лень). А во-вторых, в интернет-диалогах этот знак препинания приобрел дурную репутацию: сегодня для многих точка в конце сообщения — это знак обиды или холодности.

Я проводила в инстаграме* опрос, в котором поучаствовало около двух тысяч человек, — и выяснилось, что почти половина из них интерпретируют короткие, отрывистые сообщения без смайликов и с точкой в конце как нежелание продолжать общение. Почти половина — это много! Вдумайтесь: отправляя сообщения с точкой, вы с вероятностью почти 50% будете выглядеть в глазах собеседника как сноб или очень обидчивый человек. Вы точно этого хотите?

---

* Социальные сети Facebook и Instagram запрещены на территории Российской Федерации на основании осуществления экстремистской деятельности.

Гораздо безопаснее не ставить в конце предложения ничего: рамка сообщения в мессенджере и так покажет, что оно закончилось.

Правило об обязательной точке в конце предложения известно даже первоклассникам, и если человек действительно его не знает, то ему лет пять-шесть — фактически или метафорически. В таком случае другие ошибки и стиль сообщения обязательно это обнаружат, и отсутствующая точка будет наименьшим из зол.

Поэтому отсутствующая точка в подавляющем большинстве случаев — это не безграмотность, это скорее формирование нового сетевого этикета.

Цель языка — коммуникация, и, если в определенных ситуациях старые приемы оформления письменной речи уже ее затрудняют и делают сообщения двусмысленными, не повод ли это пересмотреть норму и сделать ее необязательной?

Это как с левосторонним движением. Да, в большинстве стран (во всяком случае, в Европе и Америке) движение правостороннее, но в Великобритании было бы странно на нем настаивать. Приезжая туда, вы оказываетесь совсем в другом пространстве с иными правилами, под которые безопаснее и правильнее будет просто подстроиться. Так вот, интернет — это такое же другое пространство.

Часто в интернет-коммуникации люди не просто не ставят точку в конце, но вместо нее используют смайлик-скобку — вот такой) Иногда даже в продублированном несколько раз варианте))) Именно такой смайлик — сокращение от эмодикона :-)) — заменил точку и стал знаком нейтрального дружелюбного сообщения — причем совсем необязательно бодрого и веселого.

По сути, это тоже новая норма сетевой пунктуации: место точки в конце сообщения занял другой знак препинания.

Как отмечает Максим Кронгауз в одном из интервью, «смайлики стали очень важным элементом общения. Смайлик обычно ставят в конце предложения — более того, это стало так привычно, что его отсутствие настораживает. Особенно если мы говорим о людях моложе тридцати. Они, если не видят в конце предложения смайлика, думают, что собеседник на них обижен. То есть нейтральным стало наличие смайлика, а не его отсутствие»⁸⁹.

А в твиттере (да уже и не только) появился особый смысл у множества скобок-смайликов, поставленных одна за другой — вот так))))))))) Теперь это знак раздражения или сумасшедшей, истерической улыбки: «О боже, опять это, как же все достало)))))))))».

Интересно, что сокращенные смайлики — отличительная особенность именно русскоязычных диалогов. Носители русского языка иногда используют их в переписке с иностранцами, чем однозначно выдают свое происхождение и иногда приводят собеседников в недоумение.

Уже не в диалогах мессенджеров, а в текстах постов (часто серьезных, глубокомысленных — или претендующих на эти характеристики) в разных соцсетях недавно появилась еще одна интересная особенность — пропуск точек в конце абзаца. Причем с остальными точками в середине абзаца все в порядке — их нет именно в конце

Выглядит это так, как в предыдущем абзаце. Возможно, это имитация общения в мессенджере — чтобы создать иллюзию диалога с подписчиками. А может, такой прием призван подчеркивать искренность, некоторую исповедальность,

впечатление «потока мыслей». Такое оформление текста даже чем-то напоминает поэзию с ее переходом от строчки к строчке — только здесь переходы от абзаца к абзацу. А еще ощущение незавершенности абзаца заставляет читать текст дальше — так что, возможно, это еще и прием удержания внимания.

ИНТЕРНЕТ = БЕЗГРАМОТНОСТЬ?

Очень распространена идея о том, что интернет-общение якобы ведет к безграмотности.

В действительности же в этом утверждении поменялись местами причина и следствие: наоборот, те, кто уже был неграмотным, просто явили это в интернете. Не было бы интернета — они писали бы точно так же, просто этого почти никто бы не видел.

А вот с подрастающим поколением уже сложнее. Не приводит ли общение в мессенджерах к тому, что у них падает уровень грамотности? Этот вопрос еще недостаточно изучен, но теоретически это возможно. Если у ребенка хорошая зрительная память и он постоянно видит неправильные написания, это действительно может определенным образом повлиять на грамотность — но только в том случае, если: а) ребенок переписывается только с неграмотными собеседниками; б) он делает это гораздо чаще, чем читает хорошо написанные тексты.

Но это уже вопрос не интернет-общения как такового, а воспитания ребенка, его окружения и привычек. Что мешает ему в том же интернете читать качественные СМИ, научно-популярные сайты и блоги, переписываться с грамотными и интересными людьми?

Интернет — это всего лишь инструмент, и воспользоваться им можно по-разному. Такой же инструмент, как, к примеру,

нож: ножом можно порезать хлеб — а можно убить человека, но обвинять в преступлении нож будет глупо.

Но вернемся к взрослым. Интересно то, что даже очень образованные и грамотные люди нет-нет да и пропустят запятую или напишут какое-нибудь «*щас*» в сетевых диалогах. Почему?

Дело в переключении *регистров**. Мы разговариваем с друзьями не так, как с начальником, — и оформляем речь в интернете не так, как документ или деловое письмо. И это нормально.

Странно выглядит, наоборот, речь интернет-пользователя, который сочиняет длинные предложения с множеством осложняющих элементов, использует исключительно высокий стиль и всегда пишет «*Вы*» с *большой буквы***. Да, это уместно в деловой переписке или в личном письме очень уважаемому человеку, но при общении с другом в мессенджере или в комментариях под постом в социальных сетях вполне логично переключить регистр. Грамотный человек тем и отличается от неграмотного, что умеет это делать: знает, какой регистр более уместен в конкретной ситуации, и пользуется языком во всем его многообразии. Иначе есть риск превратиться в гоголевских дам города N, которые «отличались необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях» и никогда не говорили: «я *высморкалась*», «я *вспотела*», «я *плюнула*», а только лишь: «я *облегчила себе нос*» или «я *обошлась посредством платка*».

---

* Регистр в лингвистике — разновидность языка, которую говорящий выбирает в зависимости от ситуации общения.

** О «Вы» подробнее рассказано в главе 7.

Глава 6

ЧЕРНОЕ КОФЕ, ДОГОВОР, ЗВÓНИТ – ТАК ЛИ ЭТО БЕЗГРАМОТНО И ЧТО ПРОИЗОШЛО С ЭТИМИ СЛОВАМИ В 2009 ГОДУ?

«В 2009 году чиновники узаконили безграмотность! “Кофе” сменило пол, а “договóр” стал “*до́говором!*”»

Наверняка вы слышали подобные рассуждения. Быть может, и сами произносили что-то в этом духе.

Правда в том, что все описанное выше в патетичной цитате — не более чем раздутая газетная утка.

Никто не пытался, вопреки кликбейтным заголовкам, проводить «реформу языка». Это в принципе невозможно: язык приказам не подчиняется. Реформировать можно только оформление языка на письме: графику, орфографию, пунктуацию. Но на сам язык такие реформы не оказывают никакого влияния.

Так что же случилось в 2009 году на самом деле?

ДУТАЯ «РЕФОРМА»

1 сентября 2009 года в силу вступил приказ Минобрнауки № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского лите-

ратурного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». Как и следует из названия, приказ лишь утверждал список словарей, рекомендованных Межведомственной комиссией по русскому языку, — и в нем не было и речи о том, что вводятся какие-то новые языковые нормы или что другими словарями пользоваться нельзя.

Среди рекомендованных оказался «Орфографический словарь» Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. К. Чельцовой. Почему именно он, а не, например, более полный «Орфографический словарь» В. В. Лопатина и каковы были критерии отбора, сказать сложно.

После выхода приказа некоторые журналисты взяли в руки словарь Букчиной и, по всей вероятности, стали открывать его на страницах с теми словами, которые обычно привлекают много внимания. Открыли книгу на слове «*договор*» — и увидели в нем двойное ударение, на первом и на последнем слоге. Перелистнули на «*кофе*» — а там все еще ужаснее: рядом с ним стоит запись «*м. и с.*».

Словарь Букчиной не был первым современным словарем, в котором была предпринята попытка убрать помету «разговорное» у «*кофе*» среднего рода. Еще раньше это произошло в 2003 году в «Толковом словаре русского языка» под редакцией *Д. В. Дмитриева*, и в нем даже встречается такой пример употребления: «*Вам одно кофе?*» Но мало кто это заметил — и немудрено, ведь словарь не попал ни в какой приказ.

В том же «приказном» списке 2009 года числился еще и «Словарь ударений» И. Л. Резниченко — и в нем рядом с «*дóговором*» помета «разг.» уже стояла. А это значит, что такое ударение допустимо только в непринужденной разговорной речи, но никак не в выступлениях, которые должны соответствовать строгой литературной норме. В их число входят, к примеру, ответы у доски, так что двоечникам, во-

преки заявлениям пуристов, радоваться все же не пришлось. И по поводу «кофе» тоже: в том же словаре Резниченко рядом с ним стоит только помета «м.» и запись после восклицательного знака: *«вар. сред. рода неуместен в строгой лит. речи»*.

Да и в «Орфографическом словаре» Букчиной статьи «кофе» и «договор» были очень быстро отредактированы, а ударение «дóговор», по заверениям составителей, и вовсе оказалось опечаткой. Уже в издании 2011 года статьи выглядят так:

ко́фе, нескл., м. и с. (разг.)

догово́р (2 м); мн. догово́ры и догово́ра (разг.), Р. догово́ров

«Но в разговорной-то речи говорить “дóговор” и “вкусное кофе” разрешили — а это уже поблажки, и дали их именно сейчас! А вот в наше (читай — советское) время могли подписать только “догово́р” и пили лишь “настоящИЙ кофе”, и никаких послаблений норм не допускалось!» — говорят пуристы.

Что ж, посмотрим, что о «договоре» и «кофе» говорит авторитетный в советские годы толковый словарь Д. Н. Ушакова.

Откроем первое издание 1935–1940 годов — и найдем «кофе» среднего рода с пометой «разговорное». У «дóговора» стоит помета «просторечное», но то, что слово в такой форме есть в словаре, уже само по себе показательно.

Другой известный словарь советского времени — толковый словарь С. И. Ожегова — более консервативен по отношению к «кофе» и не фиксирует у него средний род, зато более демократично обходится с «договором». В первых изданиях присутствовал только вариант «догово́р», зато в издании 1960 года появился и «дóговор» без каких-либо помет, т. е. как равноправный вариант. Правда, в следующих изданиях у него появилась помета «разг.» — но напомним, что разговорные слова и выражения входят в литературную норму.

С. И. Ожегов вместе с другими лингвистами, С. Г. Бархударовым и А. Б. Шапиро, был редактором еще и орфографического словаря русского языка. И в изданиях 60-х годов в этом словаре тоже появляется «*дóговор*» без помет. Видимо, шестидесятые годы были временем равноправия «*дóговора*» и «*дoгoвóра*».

Получается, ничего нового и радикального с русским языком в 2009 году не произошло. Реформы не было, безграмотность никто не узаконил.

Но почему журналисты стали искать в словарях именно «*кофе*» и «*дoгoвóр*»? И почему именно этим словам всегда достается столько внимания?

СЛОВА РАЗДОРА

Дело в том, что «*кофе*» и «*дoгoвóр*» — не просто слова. Наряду с формами глагола «*звонить*» («*звонít, а не звóнит!*») они стали словами-маркерами, или так называемыми **социолингвистическими индикаторами** — языковыми единицами, указывающими на социальный статус и образованность говорящего. Проще говоря: «Скажи мне, какого рода “кофе”, и я скажу, кто ты!»

Употребить слово-индикатор не так, как положено с точки зрения строгой литературной нормы, — значит, по мнению многих, расписаться в собственном невежестве, хотя «ошибки» в других словах почти всегда остаются незамеченными. Можно сказать «*куркума́*» (хотя в словарях она «*курку́ма*») или «*до сколькí*» (хотя единственная норма пока — «*до скóльких*») — и почти никто ничего не заметит. Но стоит в «образованном» обществе произнести «*звóнит*», как на вас сразу же косо посмотрят (и это в лучшем случае).

Некоторые употребления становятся показателями высокого социального статуса и культурного уровня не потому, что они с точки зрения языка «лучше» или логичнее. Наобо-

рот, часто они языковой логике противоречат — и именно знание «исключений» считается окружающими как показатель грамотности.

Не будь эти слова индикаторами, нормы их использования давно бы изменились. Иными словами, если бы образованные люди не договорились, что нельзя говорить *«вкусное кофе»*, *«звóнит»* и *«дóговор»*, эти употребления давно бы стали приоритетными, ведь они соответствуют тенденциям развития языка.

Давайте подробно и беспристрастно рассмотрим историю слов, которые принято считать мерилom грамотности. Гарантирую: это поможет снизить градус осуждения тех, кто использует их не так, как того требуют пуристы.

В НАЧАЛЕ БЫЛО КОФЕ*

Есть такое популярное рассуждение: сначала слово *«кофе»* использовали правильно и грамотно — в мужском роде, и только в XX веке «необразованные неучи» все чаще стали «подгонять» его под другие несклоняемые существительные и употреблять в среднем роде. А лингвисты-вредители пошли у них на поводу и узаконили «неграмотный» средний род.

Второе очень распространенное мнение: слово сначала вошло в русский язык в форме *«кофий»* или *«кофей»*, а впоследствии видоизменилось и превратилось в *«кофе»*, но мужской род унаследовало, именно поэтому правильно говорить только *«вкусный кофе»*.

Наконец, третья популярная гипотеза состоит в том, что слово *«кофе»* должно быть мужского рода, так как это *«напиток»* и род слова *«напиток»* должен переноситься и на *«кофе»*.

---

* Здесь «в начале» написано отдельно, так как это аллюзия на первую фразу Евангелия от Иоанна, где представлено именно раздельное написание.

Какая же из этих трех точек зрения верна?
Никакая. Давайте разбираться.

Первое упоминание напитка в тексте на русском языке, которое удалось обнаружить, содержится в переводе рецепта, который прописал лекарь Самюэль Коллинз монаршему пациенту — царю Алексею Михайловичу — еще в 1665 году. Сам рецепт написан по-латыни, а на русский язык его перевел дьяк Лукьян Голосов, используя форму «кафе» и употребив ее в среднем роде: «Изряднее ко отончению воспособляет вареное кафе, персяном и турком знаемое <...> и изрядное есть лекарство против надмений, насморков и главоболений»⁹⁰.

О том, как употреблялось слово «кофе» и другие его варианты («кофий» [«кофей»], «коф», «кофь», «кофа»), можно узнать очень просто — открыв Национальный корпус русского языка⁹¹.

Из Корпуса мы узнаем, что форма «кофе», видимо, распространилась раньше, чем «кофий»/«кофей»: первое упоминание о «кофе» в Корпусе относится к 1716–1718 годам, а о «кофии» — к 1734 году⁹².

И употреблялось слово «кофе» гораздо чаще. В текстах корпуса XVIII–XIX веков «кофе» встречается 2121 раз, а «кофий» и «кофей» в совокупности — всего 805⁹³. Что ж, рассмотрим отдельно тексты XVIII века, когда эти слова только начали распространяться в русском языке: «кофе» встречается 104 раза, а «кофий»/«кофей» — только 60⁹⁴. Из этих данных становится ясно, что версия о приобретении словом «кофе» мужского рода под влиянием «кофий» или «кофей» сомнительна.

Не было и «золотого времени», когда трава была зеленее, мороженое вкуснее, а «кофе» — только мужского рода. Коле-

бание рода у слова «*кофе*» наблюдалось с самого начала его употребления в русском языке. Причем, судя по примерам из корпуса текстов XVIII века, сначала у «*кофе*» преобладал именно средний род.

Вот статья «Описание церемонии» из журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»* (январь — июнь 1755 года):

«Наконец *поднесено* посланнику *кофе*, а после и трем чиновным его туркам».

Это первый пример из Корпуса, где понятен род «*кофе*», и он средний.

Следующий подобный пример находим у Сумарокова:

«Да и *кофе* намнясь то же почти *показывало*; по картам на ту же статью выходило».

(А. П. Сумароков, «Вздорщица», 1770 г.)

«*Намнясь*» значит «намедни», и речь идет о гадании по кофе.

Но в 80-е годы XVIII века на арену выходит мужской род «*кофе*» и постепенно начинает вытеснять средний.

Читаем анонимный трактат «О воспитании и наставлении детей» (1783 г.):

«Если варится для детей особенно *слабое кофе*, то вред от оногo состоит только в том, что *он* слабит без нужды желудок, как то делает всякий теплый и водяной напиток».

Видим в одном предложении и средний род, и мужской.

---

* Первый в России ежемесячный научно-популярный и литературный журнал, издававшийся Петербургской Академией Наук в 1755–1764 годах.

А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1779—1790 гг.) использует уже мужской род:

«Рука моя задрожала, и *кофе* пролился».

Но другой писатель того же времени — Н. М. Карамзин — предпочитает средний:

«Зато мы с италиянцем пьем в день чашек по десяти *кофе*, которое везде находили».

(«Письма русского путешественника», 1793 г.)

В XIX веке мужской род слова «*кофе*» преобладал, но встречались и исключения: например, у Д. Н. Мамина-Сибиряка:

«*появилось кофе* в серебряном кофейнике».

(«Приваловские миллионы», 1883 г.)

К рубежу XIX—XX веков колебание по роду снова становится заметным. Не брезговали средним родом и классики XX века, которых никак не упрекнешь в неграмотности или незнании родного языка:

«Но *кофе* горячо и крепко, день наступает ясный, морозный».

(И. А. Бунин, «Нобелевские дни», 1933 г.)

«Я пил мелкими глотками *огненное кофе*».

(В. Набоков, «Отчаяние», 1936 г.)

«*Кофе* в чашке стояло на письменном столе».

(М. А. Булгаков, «Записки покойника», 1936—1937 гг.)

«Предметы вывоза — марихуана, // цветной металл, *посредственное кофе*».

(И. Бродский, «Заметка для энциклопедии», 1975 г.)

Впрочем, в последнем примере средний род, возможно, выбран намеренно, с целью обыграть его ассоциацию с плохим качеством напитка, потому что в другом стихотворении Бродского «*кофе*» уже «он»:

«Я сидел в пустом корабельном баре,
пил *свой кофе*, листал роман».

Еще один аргумент в пользу мужского рода у «*кофе*» — аналогия со словом «*напиток*» — тоже несостоятелен. Да, иногда родовые понятия влияют на род слова: «*бри*» мужского рода, потому что это сыр, «*салями*» женского, потому что это колбаса... Но здесь мы имеем дело не с правилом, а лишь с нестрогой закономерностью, исключений из которой масса.

Если слово «*напиток*» повлияло на «*кофе*», то куда пропало это влияние в других словах? Например, почему у «*виски*» или «*бренди*» мужской и средний род равноправны, а «*какао*», согласно литературной норме, и вовсе только среднего рода? Впрочем, иногда — вероятно, под влиянием «*кофе*» — в реальной практике появляется и «*вкусный какао*».

И почему у названий видов кофе — «*эспрессо*», «*капучино*», «*глясе*», «*латте*» — даже с точки зрения словарей возможен и средний, и мужской род?⁹⁵

Более вероятной причиной колебания рода у «*кофе*» можно считать влияние иностранных языков.

Слово «*кофе*» могло быть заимствовано несколькими путями одновременно: из английского *coffee*, нидерландского *koffie*, немецкого *Kaffee* или французского *café*. В нидерландском, немецком и французском это слово мужского рода; в английском же грамматического

рода как такового нет, поэтому и внести свою лепту он здесь вряд ли мог. Да и нидерландский, немецкий и особенно французский в XVIII–XIX веках влияли на русский в большей степени, чем английский. Образованные дворяне (и по совместительству главные потребители кофе) того времени обязательно изучали иностранные языки и, возможно, перенесли из них род слова «кофе».

В русском же языке существительные на *-о/-е* традиционно относятся к среднему роду: *окно, крыльцо, золото, бедро, пятно, солнце, ложе, зрелище, подобие, столетие, прошлое* и так далее. Слово «кофе» из этой закономерности еще в XVIII веке начало выбиваться — возможно, поэтому и появились формы «кофий»/«кофей»: наращение звука могло быть попыткой преодолеть несоответствие окончания *-е* тяге слова к мужскому роду. То есть не мужской род «кофе» появился под влиянием форм «кофий»/«кофей», а, наоборот, формы «кофий»/«кофей» могли появиться из-за тяги слова к мужскому роду. Возможно, буква «й» в конце возникла еще и под влиянием слова «чай».

Но к концу XIX — началу XX века формы «кофей»/«кофий» стали ощущаться как сниженные, просторечные, свойственные речи простолюдинов и постепенно были вытеснены из литературного языка.

А средний род слова «кофе» стал в это время восприниматься, напротив, как употребление верное! В книге В. Долопчева «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи», изданной в 1909 году, «кофе» мужского рода вынесен в словарную статью в качестве одной из таких неправильностей, а «кофе» среднего рода — в качестве образца⁹⁶.

Другие несклоняемые заимствованные существительные на *-о/-е* тоже часто поначалу имели в русском языке мужской род, но потом поменяли его на средний, потому что он логиче языка соответствует больше, — например, слова «*пианино*», «*фортепиано*», «*купе*», «*жабо*», «*пальто*», «*какао*»:

«Квартиру она нашла премиленькую <...> приобрела восхитительную каретку, *прелестный пианино*».

(И. С. Тургенев, «Дворянское гнездо», 1856—1858 гг.)

«А теперь позвони-ка, пожалуйста, брат Николай Петрович, мне пора пить *мой какао*».

(И. С. Тургенев, «Отцы и дети», 1862 г.)

«Он отпер одну дверь, и я увидел большую комнату с четырьмя колоннами, *старый фортепьяно* и кучу горюху на полу; пахло холодом и запахом сырья».

(А. П. Чехов, «Жена», 1892 г.)

«Это был худошавый, высокий человек, гораздо постарше первого; он почти весь был одного цвета, на нем был *светло-зеленый пальто*».

(А. И. Герцен, «Поврежденный», 1851 г.)

«Лакей посадил розовый салоп в *блестящий купе*, потом вскарабкалась в него медвежья шуба, дверцы хлопнули» (М. Ю. Лермонтов, «Княгиня Лиговская», 1836—1837 гг.).

Здесь «*купе*» употреблено в значении «карета».

Возможно, некоторые читатели даже помнят, как поменялся род у слова «*метро*», которое тоже было мужского рода, так как это сокращение от «*метрополитен*». В 30-е годы даже выходила газета под названием «Советский метро», а еще наверняка многие слышали «Песню старого извозчика», где есть такие слова:

Я ковал тебя железными подковами,
Я коляску чистым лаком покрывал.
Но *метро сверкнул* перилами дубовыми,
Сразу всех он седоков *околдовал*.

Все эти существительные поменяли род легко и безболезненно — так, что почти никто на это не обратил никакого внимания.

Сопротивляется только «кофе». Точнее, не он сам, а бережно охраняющие его мужской род пуристы. Возможно, причина такой настойчивости в том, что кофе долгое время был недоступен малообеспеченным людям и воспринимался как «особенный» иностранный продукт — прежде всего для состоятельных аристократов, которые достаточно умны и образованны для того, чтобы запомнить и правильно употреблять слово — исключение из правил, подчеркивающее экзотичность напитка. До сих пор такие представления отражены в анекдотах, где «кофе» среднего рода обязательно низкопробный и невкусный, а мужского — качественный и настоящий, например: «Вам кофе натуральный или растворимое?»

Но с точки зрения языка «кофе» среднего рода, конечно, намного логичнее.

МЫ ТАК НЕ ДОГОВАРИВАЛИСЬ

А теперь о «договоре». Или «дóговоре»?

Если вас очень коробит второй вариант, предлагаю посмотреть на старые нормы произношения подобных существительных мужского рода, которые оканчиваются на согласный: «*возду́х*», «*возгла́с*», «*призра́к*», «*клима́т*», «*насмóрк*», «*скульпто́р*», «*фундаме́нт*»⁹⁷. Чтобы в них убедиться, можно посмотреть на стихи XVIII–XIX веков. Почему на стихи? Потому что их ритм и рифма помогают услышать ударение:

С одной страны гром,
С другой страны гром,
Смутно в *возду́хе*!
Ужасно в ухе!
(В. К. Тредиаковский, «С одной страны гром...» |
«Описание грозы, бывшая в Гаге», 1726—1727 гг.)

О вы, чувствительные души!
Развесьте уши,
Разиньте рот,
Дыхание свое сколь можно притаите
И песне жалкой сей внемлите...
Но нет, немного погодите,
Мне должно сделать здесь *возгла́с*:
Ведь я отделаюсь тотчас.
(П. П. Сумароков, «Лишенный зрения Купидон»,
1791 г.)

Уже далече зрю в курении и мраке
Нагого тела вид, не явственный в *призра́ке*.
(М. В. Ломоносов. «Начало моего великого труда...» |
«Петр Великий», 1760—1761 гг.)

Во всей вселенной их единый стал *клима́т*:
В ней прежде был эдем, а ныне стал в ней ад.
(В. И. Майков, «Елисей, или Раздраженный Вакх»,
1769 г.)

Не на уме,
Так на письме
Ты корото́к!
Никак *насмóрк*
Тому виной!

И, ангел мой,
Хоть нос распух,
Да крепок дух!
(В. А. Жуковский, «К Плещееву», 1812 г.)

О Незнакомец! Вам поэму в сотню тысяч
Строк посвящу... Да что! Поэма — вздор.
Я с удовольствием готов бы был вас высечь...
Из мрамора, когда б я был *скульптор*.
(Д. Д. Минаев, «О Незнакомец! Вы учеников-птен-
цов...», 1883 г.)

Все с нами бывшие британски,
Сибирски и американски
Древесны, злачны семена
С благоговением грядой мы посадили
И славы *фундамент* растущий заложили...
(Н. А. Львов, «Да будет вашею рукою...» | «Ботани-
ческое путешествие на Дудорову гору 1792 года мая
8-го дня», 1792 г.)

Предчувствуя возражения, сразу скажу: нет, поэты не использовали какие-то странные ударения в угоду ритму — как и сейчас не вставляют в стихи слова вроде «*кошкá*» или «*крóвать*». Да, когда-то действительно говорили «*возглас*» и «*фундамент*».

Но если кто-то так скажет сейчас, мы посмотрим на этого человека с недоумением. А ведь было время, когда современные варианты произношения резали слух. Просто в этих словах довольно давно прошел одинаковый фонетический процесс — сдвиг ударения к началу слова. Теперь этому же процессу подвергается и «*договор*».

Произношение «*договора*» с ударением на первом слоге постепенно проникает не только в речь, но и в стихи:

Но ты не пугайся. Я *дóговор* наш не нарушу.
Не будет ни слез, ни вопросов, ни даже упрёка.
(О. Берггольц, «Ничто не вернется. Всему предназначены сроки...», 1949 г.)

Известный лингвист **Кирилл Горбачевич** в статье «Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка)» писал:

«Можно ожидать, что в будущем установится именно такое произношение: *дóговор, твóрог, плáнер* и т. п. Хорошо это или плохо? Автору этих строк новое ударение режет слух. Но что стоят вкусовые оценки перед объективными закономерностями развития языка! Ведь многое, что казалось разрушительным для языка и вызывало гневное осуждение, впоследствии оказывалось необходимым и даже благотельным»⁹⁸.

В словах *«творог»* и *«планер»*, кстати, многие словари (например, «Орфоэпический словарь» Резниченко) уже допускают двойное ударение без каких-либо помет: *«творóг»* и *«твóрог»*, *«планёр»* и *«плáнер»*. По-видимому, то же ждёт и *«дóговор»*.

ПО КОМ ЗВОНИТ ЯЗЫКОВАЯ ЛОГИКА

Еще один «индикатор безграмотности» — формы *«звóнит»*, *«звóнишь»*, *«звóнят»* и другие производные глагола *«звонить»*. Между тем они тоже появлялись в стихах известных поэтов:

Нежно под трепетом ангельских крыл
Звóнят кресты безымянных могил.
(С. Есенин, «Синее небо, цветная дуга...», 1916 г.)

Отовсюду летят и мчатся,
Звóнит провод, скрипит подпруга, —
Это стягиваются домочадцы,
Что не знали в лицо друг друга.
(Н. Асеев, «Русская сказка», 1927 г.)

Появление варианта «*звóнит*» вполне оправданно и логично — и сейчас вы поймете почему.

Снова обратимся к поэзии и посмотрим, как раньше употребляли другие глаголы на *-ить* в стихах:

Потомку предков благородных —
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не *варíт* обеда мне.
(А. С. Пушкин, «Жалоба», 1823 г.)

Он сладко ест, и пьет, и спит,
Кури́т и весь свой век зевает,
Тем больше в свете знаменит,
Чем больше в неге утопает.
(Г. Р. Державин, «Милорду, моему пуделю», 1807 г.)

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учи́т российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
(М. В. Ломоносов, «Ода блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года», 1739 г.)

Час, обеты исполняя,
Веки счастьем *дарíт*;

Гименей все уясняя,
Чистым пламенем горит.
(В. К. Тредиаковский, «Снесшийся с кругов небес-
ных...», 1751 г.)

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят.
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их *губят*.
(М. В. Ломоносов, «Бугристы берега, благоприятны
влаги...», 1748–1754 гг.)

Где, разливаясь в долах злачных,
Едва струи свои *катят*
И, как в стекле, в водах прозрачных
Предметов разных кажет вид.
(А. П. Беницкий, «Сияющая в лучах серебристых...»,
1805 г.)

Сам бог ведет, и кто противу?
Кто ход его *остановит*?
Как Океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?
(М. В. Ломоносов, «Пою наставший год: он сла-
вен...», 1763 г.)

Как видите, многие глаголы с ударным *-ить* — такие же, как «звонить» — тоже когда-то имели ударение на окончании во всех формах настоящего и будущего времени. В XVIII — начале XIX века говорили «варит», «курит», «учит», «дарит», «губит», «катит», «остановит» — но никому не пришло в голову эти нормы законсервировать. Теперь мы произносим эти слова иначе, а старое ударение нам кажется странным.

Но попробуем задать себе вопрос: чем принципиально отличается от этих слов пресловутое «звóнит»? Да ничем.

Помимо «звонит», за ударение на окончании держатся и другие глаголы (во всяком случае, в словарях). Так, например, литературной норме до сих пор соответствуют только варианты «врúчит», «сверлúт», «сорúт», «облегчúт», «окружúт», «убыстрúт», «включúт». Причем, в отличие от произношения «звóнит», признанного в некоторых словарях (например, в том же «Орфоэпическом словаре» Резниченко) разговорным, варианты этих глаголов с другим ударением помечены в словарях как неправильные или отсутствуют вовсе.

Вспомним, как в песенке из мультика про пластилиновую ворону (автор стихов — Эдуард Успенский) пелось о подарке, который «сразу врúчат, а может быть, вручáт», и эти варианты воспринимались нами как равноправные. Но на самом деле по литературной норме «подарок вручáт» — и никак иначе.

Русское ударение и его фиксация в словарях — вещь порою загадочная. Например, сказать «окрúжит» нельзя, а «крúжит» — вполне. Другая песня, известный вальс со словами «Ах, как крúжится голова, как голова кружúтся», норме уже соответствует: действительно, словари разрешают и так и эдак.

Но если кто-то скажет «облэгчит» или «врúчит», это в большинстве случаев пройдет незамеченным. Многие сейчас, полагая, даже удивлены, что так, оказывается, с точки зрения словарной нормы говорить нельзя. Эти формы почти никому не режут слух — в отличие от разрешенного словарями «звóнит», хотя перемещение ударения здесь абсолютно такого же порядка.

НОРМЫ-МАРКЕРЫ КАК КОСТЮМ

Итак, употребления «дóговор», «звóнит» и «вкусное кофе» — это вовсе не мифическая «порча языка», а всего лишь следование логике его развития, стремление к стройности его системы.

Тем не менее призыв отказаться от этих индикаторов и срочно перейти на «дóговор» и «звóнит» — другая крайность. Все же слова-индикаторы выполняют важную социальную функцию: помогают отличить «своих» от «чужих». Точно так же, как одежда, макияж или соблюдение правил этикета.

Если вы идете по улице и хотите спросить кого-нибудь, как пройти в библиотеку, вы скорее обратитесь к опрятно и несколько консервативно одетому человеку, чем к мужчине в растянутых трениках, шлепанцах и футболке с символикой группы «Красная плесень». Но ведь с точки зрения удобства, защиты от ветра и пыли, прикрытия интимных частей тела (то есть основных функций, которые должна выполнять одежда) существенной разницы между одеждой этих людей не будет. Второй «наряд», пожалуй, в плане удобства даже выигрывает. Но он позволяет сделать о человеке определенные выводы не в его пользу (совсем не обязательно верные, но тем не менее).

Большинство канонов в одежде откровенно надуманны: люди просто договорились, что выйти из дома в костюме и при галстuke нормально, а в растянутых трениках — уже как-то не очень. Хотя вообще-то все это довольно абсурдно (для чего нужен галстук — кусок ткани, болтающийся на шее?), но никто не спешит эти правила нарушать. А все потому, что они служат важным средством дифференциации и самовыражения.

Точно так же и с нормами-маркерами. Мы не спешим от них отказываться, хоть они и неудобны, потому что эти нормы помогают понять, что перед нами за человек (хотя опять же, как и в случае с одеждой, выводы могут быть слишком поспешны).

Но не будем забывать, что ходить всегда и везде в костюме и галстукe тоже довольно странно. Обычно люди переодеваются во что-то более удобное и расслабленное, когда приходят домой или на встречу с друзьями.

Так и в речи нужно уметь «переодеваться», переключать регистры. В том числе использовать, когда это уместно, разговорные слова и конструкции — и не корить себя за случайно прорвавшееся в речь *«черное кофе»*.

Только не доводить «переодевание» до абсурда: рваная и грязная одежда даже для дома не годится — уж лучше выбросить.

А еще нужно учитывать, что мода меняется. То, что раньше казалось в одежде неприемлемым, теперь во всех смыслах в порядке вещей. Так и *«кофе»* среднего рода, *«дóговор»* и *«звóнит»* тоже, скорее всего, когда-нибудь вытеснят нынешние нормы, потому что стремление языка к унификации и логичности очень сильно — сильнее, чем наши попытки его остановить.

Глава 7

«ЭЙ, ВЫ! Я ИЗВИНЯЮСЬ. ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ КУШАТЬ»: КАК ОСТАТЬСЯ ВЕЖЛИВЫМ И НЕ ПОПАСТЬ ВПРОСАК

«**В**_ы» (с большой буквы), «*извиняюсь*», «*присаживайтесь*» и «*кушать*» — слова, которые многие используют, чтобы быть вежливыми. Но есть целая категория людей, которых эти слова раздражают: мол, нет в них ничего вежливого, а вот безграмотное — еще как есть.

Действительно ли «*извиняюсь*» — ошибка, потому что так мы «извиняем себя»? Правда ли, что «*кушать*» — то ли холопское, то ли мещанское слово и сейчас использовать его можно только по отношению к женщинам и детям? Верно ли, что «*присаживаться*» можно только в спортзале или на очень короткое время, а к одному человеку следует обращаться только на «Вы» с большой буквы?

Разбираемся в этой главе.

КАК ПРАВИЛЬНО «ВЫКАТЬ»?

В советской школе вопрос о «*вы*»/«**Вы**» решался просто: при обращении к нескольким людям использовали местоимение с маленькой, строчной буквы, к одному человеку — с боль-

шой, прописной. Многие люди пишут именно так по сей день всегда и везде, даже в комментариях социальных сетей. Причем комментарии эти вежливостью могут вовсе не отличаться: «Сразу видно, что *Вы* дурак», например.

Но что говорят о распределении строчной и прописной буквы современные словари и справочники?

Их рекомендации достаточно расплывчаты. «*Вы*» с прописной буквы рекомендуется использовать:

— в личных письмах, а также в письмах делового, официального характера, в документации: «Уважаемый Иван Иванович, сообщаем *Вам*, что...»;

— в анкетах, рекламных листовках (при вежливом обращении к одному неконкретному лицу): «Где *Вы* проживали раньше? Состав *Вашей* семьи»;

— при записи титулов: «*Ваше* Величество», «*Ваше* Высочество»⁹⁹.

Это все. В остальных случаях уместно использовать строчную букву. Особенно при обращении к нескольким лицам: использование прописной в этом случае — и вовсе ошибка, поэтому так нелепо выглядят вывески в духе «все для *Вас*» на магазинах (да, даже если владелец думает, что обращается к каждому покупателю в отдельности).

Как видите, рекомендации справочников не очень конкретны. Так много споров о «*Вы*» и «*вы*» возникает именно из-за этого — и из-за того, что справочники не отражают реалий современной коммуникации, например, особенностей языка интернета.

Почему же в школе многих учили, что нужно всегда писать «*Вы*» при обращении к одному человеку? Возможно, потому, что дети-школьники по определению на «*вы*» обычно

с кем-то значительно старше и выше по положению, и в этом случае большая буква вполне уместна для подчеркивания уважения и дистанции.

Еще одна причина, почему в советское время школьное правило было таким простым: тогда было не так уж много форм письменного общения, и почти во всех них большая буква была действительно уместна. Даже личное письмо, в котором требовалось употребить местоимение *«вы»*, почти всегда предполагало определенную дистанцию между пишущим и получателем. Кому можно было написать такое письмо? Далекому родственнику, с которым автор письма никогда не общался близко; известному человеку (писателю, актеру, режиссеру), которому хочется выразить признательность; чиновнику, начальнику, высокопоставленному человеку, к которому нужно обратиться с просьбой.

Люди же, находящиеся примерно на равных позициях без большой дистанции (коллеги, например), переписывались редко. Конечно, официальная рабочая переписка существовала — но далеко не в таких масштабах, как сейчас, ведь мессенджеров и электронной почты тогда не было. Письменно обсуждались, как правило, формальности — но в такой официальной переписке и *«Выкать»* вполне закономерно. Но если требовалось быстро решить рабочий вопрос, прибегали, конечно, не к письмам (это долго и неудобно) — гораздо чаще общались лично или по телефону. А такого жанра, как быстрый обмен сообщениями между коллегами, практически не было. И уж тем более не существовало аналога нынешнего трёпа в соцсетях. Малоознакомые или незнакомые люди в режиме реального времени о всяких мелочах письменно просто не болтали.

Рабочая переписка в мессенджере или комментарии соцсетей — новые жанры, которые в правилах не отражены. Так какую букву выбрать?

На самом деле у нас есть пример письменной фиксации разговоров подобного плана, и он знаком любому образованному человеку с детства.

Это классическая литература: герои Пушкина, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова очень часто друг с другом на «вы» — и везде в их диалогах стоит строчная буква.

Кто-то возразит: «Книги-то старые — наверное, поэтому там и написано все не так, как пишут сейчас». Но старые книги перепечатываются в соответствии с современными правилами орфографии: сейчас в книгах вы не найдете ни «еров», ни «ятей», ни устаревших написаний вроде «*итти*» вместо «*идти*». А выбор строчных и прописных букв — такое же орфографическое правило. Которое, кстати, с XIX века особо и не менялось. Посмотрите на прижизненное издание знаменитого пушкинского «Я вас любил...»: там стоит маленькая буква¹⁰⁰. Или на сохранившиеся письма Льва Толстого друзьям и знакомым: он тоже предпочитал строчную¹⁰¹.

Некоторые люди считают «вы» по отношению к одному человеку признаком низкого уровня речевой культуры и страшно оскорбляются, когда видят строчную букву в обращениях к себе. Но заподозрить низкий уровень речевой культуры можно у них самих: получается, они не открывали книги классиков, если не знают, что «вы» со строчной тоже возможно. И не интересовались рекомендациями экспертов-филологов, не пытались задать вопрос о «Вы» справочной службе русского языка. А ведь если бы задали, получили бы ответ, подобный размещенному на «Грамоте.ру»:

«Употребление местоимения *вы* вместо *ты* при обращении к одному лицу само по себе уже представляет проявление уважительного отношения к этому лицу. Окончательное решение о написании *Вы* с прописной (для подчеркивания этого уважительного отношения) принимает автор текста»¹⁰².

Возможно, такие люди никогда не читали интервью в серьезных изданиях — а ведь почти во всех принято писать «*вы*» в диалогах именно с маленькой буквы. И не знают, что в выражении «*быть с кем-то на “вы”*» тоже словарями закреплено написание со строчной¹⁰³.

Сегодня «*Вы*» с большой буквы — это подчеркивание скорее не уважения, а дистанции. Возможно, поэтому оно так часто возникает в жарких интернет-дебатах, в которых об уважении никто явно не думает. Скорее там возникает стремление «отделиться» от собеседника, псевдовежливость на грани сарказма или лицемерное соблюдение формальных этикетных реверансов ради того, чтобы избежать обвинений в грубости. «Никого не хочу обидеть, но у *Вас* еще молоко на губах не обсохло, чтобы мне возражать. Всего *Вам* доброго», — пишет человек, маскируя оскорбление с помощью «*Вы*» и пожеланий добра.

Хочу, чтобы меня поняли правильно: само по себе написание «*Вы*» с прописной буквы даже в интернет-комментариях ошибкой считаться, конечно, не может. В конце концов, правилами это не запрещено. Неправомерно лишь обвинение собеседника в неграмотности, если он пишет местоимение со строчной.

И в то же время «*Вы*» с прописной буквы в мессенджерах и комментариях часто выглядит эдаким анахронизмом. Все же дистанция, которую и предполагает «*Вы*», в такого рода общении стерта, поэтому и большая буква смотрится неуместно, ведь интернет-общение гораздо больше напоминает диалоги в книгах классиков, чем уважительное личное письмо или тем

более формальный документ. Если снова проводить ассоциацию с одеждой, «*Вы*» с прописной, к примеру, в комментариях фейсбука — как человек в костюме и при галстукe на дружеской вечеринке. В принципе, почему бы и нет — но многим это покажется слегка пафосным или слишком официальным.

Но это не значит, что в соцсетях нужно «тыкать» с порога: это другая крайность, которую многие примут за неуместное панибратство. Золотая середина — «*вы*» со строчной — в большинстве случаев будет удачнее всего.

И чего точно делать не стоит, так это писать «*Вы*» по отношению к множеству людей, даже если это, например, очень уважаемые клиенты. Возможно, кому-то из них это и покажется вежливым, но грамотный человек увидит здесь лакейство и заискивание.

ФИЛОЛОГИ? САДИТЕСЬ. ОСТАЛЬНЫЕ – ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ

Часто ли, придя, к примеру, в кафе, мы слышим от официанта: «Садитесь, пожалуйста»? Нет, в 99% случаев он скажет «*присаживайтесь*». То же самое произнесет и доктор в своем кабинете, и администратор в отеле, и радушный хозяин.

Но многим филологам такое выражение не нравится.

Среди них бытует мнение, что «*присаживайтесь*» значит либо «выполните гимнастическое упражнение, согнув колени», либо «сядьте на короткое время или в неудобной позе». И то и другое неуместно по отношению к гостю, поэтому говорить «*присаживайтесь*» якобы неправильно и нетактично.

Причины употребления «*присаживайтесь*» вместо «*садитесь*» такие филологи видят в языковом суеверии: переносное значение слова «*сесть*» — попасть в тюрьму, поэтому люди его избегают и заменяют на «*присаживайтесь*». Можно вспомнить крылатую фразу из фильма «Иван Васильевич меняет профес-

сию», где Жорж Милославский в ответ на предложение сесть за докторскую диссертацию отвечает: «*Сесть* я всегда успею». Похожую логику филологи и журналисты усматривают у тех, кто заменяет «*садитесь*» на «*присаживайтесь*».

«Укоренившаяся на уровне генов несвобода диктует языку свои правила... Отвратительное “*присаживайтесь*” вместо нормального “*садитесь*” теперь уже навеки. Страна, проявившая такую недюжинную, заведомо неразрывную спайку политики и криминала, элиты и криминала, телевидения и криминала, жизни и криминала, не может позволить себе говорить “*садитесь*”», — пишет публицистка Екатерина Барабаш¹⁰⁴.

«Понять людей можно: в стране, где в XX веке, бывало, полстраны сидело, тюремная тема и тюремная терминология были повседневностью. <...> Неужто у всех обязательно предполагать криминальное прошлое или настоящее? Нет, конечно. И если вы предлагаете гостю стул или кресло, скажите просто: *садитесь*, пожалуйста. Забудьте вы об этом “*присаживайтесь*”, уродливое оно»¹⁰⁵, — а это слова журналиста и филолога Марины Королёвой.

В общем, некоторые филологи очень не любят слово «*присаживайтесь*».

Но давайте посмотрим в толковые словари и на примеры употребления слова в Национальном корпусе.

Почти во всех известных толковых словарях (в словаре Ушакова, «Малом академическом словаре», словаре Ожегова и Шведовой, словаре Кузнецова) полноценной статьи для слова «*присаживаться*» мы не найдем. Будет лишь сказано, что это форма несовершенного вида от глагола «*присесть*», причем только от второго его значения: «сесть на короткое время». Первое же значение — «опуститься, согнув колени» — обра-

зует другую форму несовершенного вида — *«приседать»*, и повелительное наклонение от него будет звучать как *«присядь»*, *«присядьте»*, а вовсе не *«присаживайся»*, *«присаживайтесь»*.

Отдельную статью о слове *«присаживаться»* можно обнаружить в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой. И вот какие у него значения:

1. Садиться (обычно ненадолго, на короткое время).
2. Садиться возле кого-либо, чего-либо, рядом с кем-либо, чем-либо; подсаживаться¹⁰⁶.

Это все. И обратите внимание на второе значение, мы к нему еще вернемся.

Итак, значение «сесть на корточки» у слова *«присаживаться»* отсутствует, гимнастические упражнения оно явно не подразумевает. Одной претензией к слову меньше.

Теперь посмотрим в Национальный корпус и... Обнаружим там около четырехсот употреблений слова *«присаживайтесь»* и больше ста — слова *«присаживайся»*. Во множестве произведений их произносят и крестьяне, и мещане, и купцы, и профессора, и дворяне, и даже князья. И речь во многих цитатах идет вовсе не о том, что человека приглашают сесть совсем ненадолго или в неудобной позе.

Причем многие примеры будут из литературы второй половины XIX — первой трети XX века, когда о широком распространении тюремной и криминальной терминологии речи не было. Слово *«садитесь»* тогда тоже употреблялось (и, надо сказать, гораздо чаще, чем *«присаживайтесь»*), то есть о мотиве появления слова *«присаживайтесь»* как замены слову *«садитесь»* из-за тюремных или еще каких-нибудь неприятных ассоциаций вряд ли можно говорить. Просто, по всей видимости, слово *«присаживайтесь»* было частичным синонимом для *«садитесь»* и выражало несколько иные оттенки значения.

Конечно, анализ цитат несколько усложняется тем, что форма «*присаживайтесь*» в принципе не может быть употреблена в авторской речи (при описании автором каких-то ситуаций и в обращении к читателям), поэтому в некоторых случаях сложно судить, действительно ли слово привычно и нейтрально для автора или оно используется только для создания речевого портрета персонажа. Но все же разнообразие контекстов позволяет судить о том, что слово широко использовалось представителями разных социальных групп, а значит, едва ли было сниженным, жаргонным или просторечным и скорее осознавалось как нейтральное:

«— Коллега! Какими судьбами? — заговорили они. — И вас загнало сюда ненастье? Милости просим! *Присаживайтесь*».

(А. П. Чехов, «Первый дебют», 1885—1886 гг.)

Чехов приводит здесь речь провинциальных юристов.

«Пожилой, солидный господин, не вставая, сдержанно-вежливо наклонил голову. — *Присаживайтесь*-ка! — сказала хозяйка опять так, словно хотела сказать: “Ну, наконец-то, вот теперь все пойдет прекрасно”».

(И. А. Бунин, «Учитель», 1894 г.)

«— *Присаживайтесь* сюда, Маргарита Васильевна, — указала хозяйка на маленький булевский диванчик и, отодвинув японский столик, на котором лежал желтый томик нового романа Золя, опустила сама в кресло».

(К. М. Станюкович, «Жрецы», 1897 г.)

«— Да вы *присаживайтесь*, госпожа Шварц... И Ракитин пододвинул кресло хозяйке... — О, не беспокойтесь, *monsieur*...»

(К. М. Станюкович, «Дождлся», 1901 г.)

«— Милости просим *присаживайтесь*... — пригласил игумен гостей».

(И. Ф. Наживин, «Вне жизни», 1902 г.)

«— *Присаживайтесь*, Петр Алексеевич, — говорил мне капитан Буксгевден, когда на столе почтовой станции в станице появлялся пыхтевший самовар. — Покорно благодарим-с, и здесь посидим! — говорил я, садясь вдали на кончик стула и принимаясь пить чай совсем по-московски».

(П. А. Кропоткин, «Записки революционера», 1902 г.)

«С т о р и ц ы н. Это ты, Модест? *Присаживайся*, голубчик...»

(Л. Н. Андреев, «Профессор Сторицын», 1912 г.)

«Деникин тяжело приподнялся с лавки, протянул навстречу руку: — Михаил Григорьевич, *присаживайтесь*. Может быть, чайку?»

(А. Н. Толстой, «Хождение по мукам», 1928 г.)

«“*Присаживайся* и все говори”, — сказала она, плюхнулась в кресло, тут же привстала, подобрала под себя ногу и уселась опять».

(В. В. Набоков, «Подвиг», 1932 г.)

«Д ол г о р у к о в. Осторожнее, место занято.

Б о г о м а з о в. Ба! Князь! Да вы, как видно, отшельник?

Д ол г о р у к о в. Вы тоже. Ну что же, *присаживайтесь*».

(М. А. Булгаков, «Александр Пушкин», 1939 г.)

«— Очень приятно. Снимайте шляпку и *присаживайтесь* чай пить».

(И. А. Бунин, «Три рубля», 1944 г.)

Обратите внимание, что эту фразу говорит не посторонний персонаж, а рассказчик, который у Бунина почти всегда наделен авторскими чертами, он дворянин и аристократ. А если вспомнить, с каким педантизмом Бунин относился к выбору слов, вряд ли можно заподозрить, что слова рассказчика здесь имеют комический оттенок — да и из всего тона рассказа это ясно¹⁰⁷.

И таких примеров сотни.

Очевидно, что слово «присаживайтесь» на рубеже XIX–XX веков уже было в ходу и часто употреблялось в значении «садитесь, подсаживайтесь, присоединяйтесь». Судя по контекстам, оно не считалось ни неграмотным, ни просторечным, ни ироничным.

И если мы заглянем в популярный словарь того времени, «Краткий толковый словарь русского языка» **П. Е. Стояна** (1913 г.), то найдем там слово «*присаживаться*» с одним-единственным значением — «садиться к, подле, при»¹⁰⁸.

Противники слова «*присаживайтесь*» говорят о том, что оно может значить только «сесть на короткое время», так как в этом слове проявлено следующее значение приставки *при-* — действие, совершенное не до конца (как в «*приоткрыть*», «*приглушить*», «*приболеть*», «*прилечь*»), а значит, «*присаживаться*» можно только на короткий срок, и предлагать это гостям или посетителям невежливо.

Но глаголы с суффиксом *-ива-*, подобные «*присаживайтесь*», обычно обозначают продолжительное действие («*заготовить*» — «*заготавливать*», «*закончить*» — «*заканчивать*», «*упорядочить*» — «*упорядочивать*», «*обменять*» — «*обменивать*»). То есть, если отталкиваться от внутренней формы слова, оно изначально должно было значить не кратковременное действие, а, наоборот, длительное. Да, внутренняя

форма слова содержанию соответствует далеко не всегда, и «*присаживаться*» можно и на короткий срок — но судя по примерам из Корпуса, это совсем необязательно. И в современных толковых словарях (Ефремовой и Кузнецова) у значения «сесть ненадолго» прибавилось уточнение «обычно». А «обычно» не значит «обязательно» и «всегда».

Значение «сесть ненадолго» скорее свойственно похожему глаголу без суффикса *-ива-* — «*присесть*» («*присядь*», «*присядьте*»). А у слова «*присаживайтесь*» ярче просматривается другое значение той же приставки *при-* — приближение (как в словах «*присоединиться*», «*прибавить*», «*прийти*»), что и отражено в словарях Стояна и Ефремовой и в примерах из литературы. «*Присаживаться*» («приближаться») можно к человеку, к компании, к столу — так что это слово по отношению к гостям кажется вполне уместным.

Впрочем, когда администратор в какой-нибудь фирме говорит посетителям: «*Присаживайтесь*», он не имеет в виду, что они должны придвинуться к нему для беседы или сесть ближе к столу. Но изменение значения и сочетаемости слова в этом случае хоть и есть, но совсем небольшое. И ведь такие перемены в языке — обычное дело.

Например, сколько копий было сломано в спорах о слове «*переживать*» в значении «волноваться»! Раньше оно обязательно требовало дополнения («переживать *лишения*», «мысленно снова переживать *юность*»), а в 60–70-е годы XX века вдруг начало повсеместно употребляться само по себе. Тогда это слово называли пошлым и безвкусным, его употребление считалось страшной речевой ошибкой. *Нора Галь* в книге «Слово живое и мертвое», впервые изданной в 1972 году, писала:

«Примерно так “вошло в язык” безграмотное “переживать” в значении “волноваться, огорчаться”. Сначала словечко это было одной из примет пошлой, ме-

шанской речи, оно могло прозвучать в едкой пародии Аркадия Райкина, вложенное в уста какой-нибудь обывательницы: “Ах, я так переживаю!” А потом началась цепная реакция. Спортивный комментатор восклицает: “Мы переживаем за наших ребят!” — и слышат его миллионы болельщиков»¹⁰⁹.

И кто сейчас помнит об этом? Слово *«переживать»* в этом значении прочно вошло в обиход, хотя многие словари и сохраняют при нем помету «разговорное». Думается, то же ждет и *«присаживаться»* в значении «сесть, расположиться поудобнее».

Так что же произошло с *«присаживайтесь»*? Почему на рубеже веков оно свободно употреблялось в текстах, а теперь его так невзлюбили? Неизвестно. Причем отвергать это слово, судя по всему, стали именно в последние десятилетия. В классических советских научно-популярных книгах о языке (Чуковского, *Успенского*, *Шанского*, Галь, Колесова) негативных характеристик этого слова нет.

Да, вполне вероятно, что сейчас частота употребления слова *«присаживайтесь»* выросла по сравнению со словом *«садитесь»* из-за тюремных ассоциаций с последним, и именно это филологов и раздражает. Хотя, думается, многие носители языка избегают слова *«садитесь»* не из-за жаргонного значения, а из-за того, что у него несколько изменилась стилистическая окраска. Оно перестало быть совершенно нейтральным и приобрело немного повелительную интонацию — например, почти каждый школьный урок начинается с фразы «Здравствуйте! *Садитесь*». Это слово стало восприниматься как приказ от вышестоящего к нижестоящим, а точной, но более вежливой замены ему не нашлось, вот люди и выбирают самое близкое по значению *«присаживайтесь»*. Но что же в этом плохого?

Избегание слова «*садитесь*» из-за значения «садитесь в тюрьму» — конечно же, несусветная глупость, это даже не обсуждается. Но само по себе это еще не делает слово «*присаживайтесь*» неграмотным, неправильным или уродливым. Да, отказываться от «*садитесь*» странно — но точно такая же крайность, как представляется, — отказ от «*присаживайтесь*», ведь оно имеет довольно богатую традицию употребления.

Но пока будьте осторожны с его использованием, особенно если ваш собеседник — филолог.

ЗАПРЕЩАТЬ НЕЛЬЗЯ КУШАТЬ

Еще одно слово, которому очень не повезло, — «*кушать*».

Кажется, для пуристов это самый изощренный лингвистический маркер. Если с какими-нибудь «*кофе*» или «*звонит*» все просто (нужно только выбрать «правильный» род или ударение), то вокруг «*кушать*» правил и условностей в разы больше, причем некоторые из них противоречат друг другу.

Кому-то «*кушать*» кажется возможным только при вежливом приглашении к столу, в обращении к гостям («*Кушайте, гости дорогие!*»), в других же контекстах — слащавым, подобиострастным, манерным.

Особенно много возражений по поводу употребления глагола в первом лице («*я кушаю*»): оно рассматривается как проявление жеманства и мещанства.

Некоторые добавляют, что слово «*кушать*» допустимо только в речи женщин и детей.

А кто-то и вовсе считает, что слову «*кушать*» не место в русском языке.

Но не все с этим глаголом так просто, как представляется пуристам. Если присмотреться к истории глагола «*кушать*», яростное его отторжение покажется уже не таким обоснованным.

Для начала посмотрим, почему пуристы не любят многострадальное «*кушать*».

Обычно они подкрепляют свои суждения выдержками из словарей и публикаций советского и постсоветского времени.

Например, в «Толковом словаре» Ушакова читаем:

«Кушать, аю, аешь, *несов.* (к скушать), *что*. Есть, принимать пищу (употребляется в форме повел. накл. и инф.)* при вежливом или ласковом приглашении к еде, иногда к питью. *Кушайте, пожалуйста, пирог! Пожалуйста кушать! Садитесь чай кушать!* | То же, во всех формах, кроме 1-го лица, употреблялось в подобострастно-вежливом выражении (о господах, высоких особах и т. п.; дореволюц. простореч.). *Барыня кушают.* || То же — о себе и о всех (обл.). *Я такого мяса не кушаю*»¹¹⁰.

Итак, словарь Ушакова, впервые вышедший в 1935–40-х годах, но для многих пуристов по-прежнему авторитетный, называет глагол подобострастным дореволюционным просторечием, а в литературной речи считает допустимыми только формы повелительного наклонения («*кушай*», «*кушайте*») и инфинитива («*кушать*») при приглашении к еде. Формы «*кушаю*», «*кушаем*», «*кушаешь*», «*кушаете*», «*кушает*», «*кушают*» и другие у Ушакова помечены как «областные», то есть диалектные и не соответствующие норме.

Современные словари обычно обходятся со словом «*кушать*» чуть мягче; во всяком случае, они уже не называют его просторечным и подобострастным. Однако их авторы продолжают подчеркивать, что этот глагол употребляется только

---

* Повел. и инф. — повелительное наклонение и инфинитив («*кушай*», «*кушайте*», «*кушать*»).

при вежливом приглашении к еде. Появилось, по сравнению со словарем Ушакова, и некоторое ужесточение — особое указание на недопустимость употребления в нормативной речи форм 1 лица («*кушаю*», «*кушаем*»). Это отражено в новейшем толковом словаре Кузнецова:

«Кушать — есть, принимать пищу. Употр. в формулах вежливого приглашения к еде (в нормативной речи в 1 л. не употр.). *К. подано! Пожалуйста к. Кушайте, пожалуйста! Кушай поскорее! (ребенку)*»¹¹¹.

Впрочем, некоторые источники (например, «Словарь трудностей», подготовленный Ю. А. Бельчиковым и О. И. Ражевой, на портале «Грамота.ру») говорят о том, что хоть форма 1 лица и «квалифицируется как проявление мещанства в речи», «придает речи манерность, некоторую слащавость», но все же может употребляться — впрочем, только в речи детей и женщин о себе¹¹². Вот такой языковой сексизм.

Огромное количество ограничений пуристы объясняют «лакейским прошлым» глагола: якобы он был свойственен только речи прислуги и встречался главным образом в выражении «*кушать подано*».

Эта позиция прослеживается в высказываниях писателей и публицистов советского времени.

Так, советский филолог и писатель Лев Успенский на таком основании призвал не употреблять слово «*кушать*» вообще:

«Не следует говорить “кушаю, кушаем” про самого себя; здесь обязательно простое “есть”, не содержащее в себе решительно никакого оттенка грубости, как чудится некоторым. Можно, но отнюдь не желательно употреблять глагол “кушать” в других лицах, и там впол-

не прилично обойтись нейтральным: “вы едите? а ты ешь раков?” — и т. д. А всего лучше просто *исключить это жантильное, лакейское словечко из своего языка*»¹¹³.

С ним солидарен Виталий Бианки:

«Когда мы хотим быть изысканно вежливыми, мы употребляем слово “кушать”: “Дорогие гости, пожалуйста кушать!” Отсюда это слово перескочило и на обыденную речь: “Ты уже покушал?” — “Я покушал”. Подчеркиваем: даже о себе мы начинаем говорить: “Я кушаю”, “Мы кушаем”. И получается смешновато: больно пышно. <...>

У нас не великосветское общество. Да, по правде сказать, и в великосветском-то обществе это слово употребляли главным образом *лакеи*: “Кушать подано!” <...>

И к чему нам это *нелепое, какое-то сюсюкающее слово* — так и хочется, произнося его, сложить губы трубочкой: “кюшать”, — когда имеется у нас хорошее, здоровое слово “есть”»¹¹⁴.

Бианки выразил частую претензию к слову «*кушать*»: оно кажется многим сюсюкающим. Но на деле такая позиция очень субъективна: ведь мало кто морщится от однокоренных «*вкушать*» и «*кушанье*».

Но действительно ли слово «*кушать*» употребляли только лакеи и всегда ли оно вызывало такое отторжение? Советским писателям и лингвистам было не так просто об этом судить, потому что в их время не было Национального корпуса, да и словари XVIII–XIX века были не так доступны — зато сейчас мы благодаря интернету находим их в пару кликов.

Посмотрим же в старые словари и тексты.

Вот что говорит о слове «*кушать*» и его производных «Словарь Академии Российской» (1792 г.):

«Кушаю, ешь, кушать. Гл. д.* учтиво говоря 1) Ем, пью. 2) Берется также вместо: обедаю или ужинаю. *Они теперь кушают*»¹¹⁵.

Глаголы «покушать», «скушать» также объясняются через производные глагола «есть»:

«Скушать, скушал, скушаю, гл. д. Съесть. *Скушать яблоко*»¹¹⁶.

А вот что пишет «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847 г.):

«Кушать, шаю, шаешь, гл. д. 1) Учтивное выражение, значащее: *есть и пить. Он без салата жареного гуся не кушает*. 2) Обедать и ужинать. *Господа кушают в полдень и вечером*»¹¹⁷.

Оба словаря подчеркивают учтивость слова, но при нем нет каких-либо помет, указывающих на недопустимость его отдельных форм или каких-либо контекстов употребления. Более того, в числе возможных форм приведена и форма первого лица, а от примеров «*скушать яблоко*», «они *кушают*», «он не *кушает*» (это ведь о мужчине!) современных пуристов бы передернуло.

А может, в таких старых словарях просто не ставились стилистические пометы?

Это не так: в обоих словарях есть пометы «просторечное», «простонародное» и другие. Если бы нужно было подчеркнуть у слова особый «лакейский» или «мещанский» флер, авторы словарей непременно бы это сделали.

---

* Сокращение «Гл. д.» расшифровывается как «глагол действительный».

А если мы посмотрим в Национальный корпус, то увидим, что слово «кушать» в XIX веке употребляли люди разных сословий, а вовсе не только лакеи, и необязательно при приглашении гостей к столу. Использовали его и известные писатели – причем не только для речевой характеристики персонажей, но и в авторской речи и даже в письмах. Это говорит о том, что «кушать» в то время было обычным, нейтральным словом, использовать которое было совсем не зазорно.

Приведу примеры:

«Спроси у Дельвига, здоров ли он, все ли, слава богу, пьет и *кушает* — каково нашел мои стихи к нему и пр.».

(А. С. Пушкин, «Письмо Л. С. Пушкину», 1822 г.)

«Он *кушал* с аппетитом и мало говорил с тремя членами своей фамилии, обращаясь довольно часто к стоявшим за ним придворным».

(А. И. Тургенев, «Дневники», 1825–1826 гг.)

«Иностранец *кушал* и пил охотно и не мог нахвалиться пирожками изделия хозяйки».

(Н. И. Греч, «Черная женщина», 1834 г.)

«Профессор принялся *кушать* с наслаждением, дочь его — с явным удовольствием; один барон прихлебывал с горестным чувством».

(В. А. Соллогуб, «Аптекарьша», 1841 г.)

«Если с нырка содрать кожу, выскоблить начисто его внутренности, хорошенько выполоскать, помочить часа два в соленой воде и потом зажарить, то рыбного за-

паху останется очень мало, и у кого хорош аппетит, тот может *кушать* его с удовольствием».

(С. Т. Аксаков, «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», 1852 г.)

«Гусар выиграл, и пошли *кушать*».

(Л. Н. Толстой, «Записки маркёра», 1855 г.)

«Что касается меня, я нашел много живости и разговоров на обедах; недоверия не заметил: все *кушают* с большою доверчивостью и говорят без умолку».

(И. А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», 1855 г.)

«Князь поблагодарил и, *кушая* с большим аппетитом, стал снова передавать все то, о чем ему уже неоднократно приходилось говорить в это утро».

(Ф. М. Достоевский, «Идиот», 1869 г.)

«Характерно, что убийца после совершения преступления пил вино и *кушал* бисквиты — остатки того и другого были найдены на столе со следами окровавленных пальцев».

(Л. Андреев, «Мои записки», 1908 г.)

«Против него твердо поместился, разложив локти по столу, пожилой, лысоватый человек, с большим лицом и очень сильными очками на мягком носу, одетый в серый пиджак, в цветной рубашке “фантазия”, с черным шнурком вместо галстука. Он сосредоточенно *кушал* и молчал. Варава, назвав длинную двойную фамилию, прибавил: — Наш редактор».

(М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», 1925–1936 гг.)¹¹⁸

И это, разумеется, далеко не все примеры со словом «*кушать*», использованном вовсе не по отношению к гостям. У слова «*кушать*» в XIX веке таких ограничений в употреблении, как

сейчас, явно не наблюдалось. И уж точно оно не было «лакейским» или «жантильным», как на этом настаивают пуристы.

Формы слова «*кушать*» встречаются в основном корпусе более 6000 раз¹¹⁹, причем используются они вплоть до сегодняшнего дня. Уже один этот факт не позволяет просто «исключить это жантильное, лакейское словечко из своего языка», как предлагал Успенский.

А что с формами первого лица — «*я кушаю*», «*мы кушаем*»?

Они встречаются действительно реже, чем другие формы, и часто служат для передачи речи «людей из народа». Показателен в этом смысле отрывок из письма В. Г. Короленко, где он описывает свой разговор с нищим крестьянином. «Чего же вы сами-то *едите*?» — спрашивает писатель. «А чего! Покормит баба чем — *покушаю*, а не то — и так живу»¹²⁰, — отвечает крестьянин. И слово «*кушать*» здесь вовсе не выступает показателем мещанства или важничанья — нет, это обычное, простое, народное слово.

А как обаятельно звучит оно в устах героя повести Н. Лескова «Детские годы», художника Лаптева:

«— Что вы делаете? — спросил я. — А *воздухец кушаю*: вы разве не чувствуете, какой воздух? Ведь это, батенька, почкой пахнет, а в почке весь эликсир жизни»¹²¹.

Но в нейтральных контекстах формы первого лица тоже используются, в том числе в авторской речи и в дневниках:

«Почиваем, *кушаем* превосходную рыбу ежедневно, в ухе, в пирогах, холодную, жареную».

(И. А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», 1855 г.)

«А то хожу повеся нос, что не мешает мне, однако же, исправно *кушать* и почивать, ношу с собой везде томящую меня скуку».

(И. А. Гончаров, «Письма», 1842–1859 гг.)

Здесь нет формы 1 лица, но Гончаров говорит о себе. Вообще Гончаров часто использовал слово «кушать» в разных контекстах.

«Кормили нас, впрочем, на славу: подавали чай, завтрак, кофе, обед, и жандармы уже угощали нас, сетовали, что мы мало *кушаем*».

(С. В. Ковалевская, «Воспоминания детства», 1890 г.)

Здесь Ковалевская передает рассказ Ф. М. Достоевского об аресте.

«Я *кушал*, но чувствовал, что сколько ни старайся, сытым все же не будешь».

(В. В. Брусянин, «В стране озер», 1916 г.)

«Сегодня бойцов накормили клецками, массаами ходят за гнилой прошлогодней картошкой на поле. Все пекут из нее лепешки. Я ее, конечно, уже *кушаю*».

(Н. Ф. Белов, «Дневник», 1941 г.)

«Впервые за последние два года я *скушал* столь крупную порцию мороженого».

(В. Н. Гельфанд, «Дневники, 1941–1943 гг.», 1941–1943 гг.)

Дороги — хлебушек и мука!

Кушаем — дырку от кренделька.

(М. И. Цветаева, «Дороги — хлебушек и мука...», 1918 г.)

Нам подают китайский чай.

Мы оба *кушаем* печенье;

И — вспоминаем невзначай

Людей великих изречения...

(Андрей Белый, «Случится то, чего не чаешь...» | «Вячеславу Иванову», 1916 г.)

Любил глагол «*кушать*» и часто использовал формы 1 лица А. П. Чехов:

«Меня 10-го апреля выпустили из клиники, и теперь я опять сижу дома, *кушаю* и утешаю своих родителей».

(А. П. Чехов, «Письма Александру Павловичу Чехову», 1897 г.)

«Однажды А. П. купил живую утку и, пока шли домой, всю дорогу теребил ее, чтобы она как можно громче кричала. — Пускай все знают, — говорил он, — что и мы тоже *кушаем* уток».

(М. П. Чехов, «Антон Чехов на каникулах», 1904–1929 г.)

«Как некий Цынцынатус, я провожу все время в труде и *кушаю* хлеб свой в поте лица».

(А. П. Чехов, «Письма Александру Павловичу Чехову», 1892 г.)

«В то время как я живу в Западной Европе с аристократами и *кушаю* устриц и тюрбо, ты должен есть чечевицу и помнить, кто ты есть».

(А. П. Чехов, «Письма Александру Павловичу Чехову», 1897 г.)¹²²

Итак, в XIX веке слово «*кушать*» было более-менее нейтральным. Но на рубеже XIX–XX веков отношение к слову меняется, и это начинают отражать словари.

В кратком толковом словаре П. Е. Стояна (1913 г.) все по-прежнему:

«Кушать что — проглатывать, разжёвывать, = есть. Пить, выпивать: *они изволят чай кушать*»¹²³.

В словаре присутствуют пометы «нар.» («народное»), «непр.» («неправильно»), но возле слова «*кушать*» их нет.

А вот автор изданного примерно в те же годы «Словаря неправильностей» В. Долопчев, напротив, очень радикален: он относит слово «*кушать*» именно к неправильностям и предлагает заменять его на «*есть*», причем в любых формах и контекстах. Он приводит примеры «Собака *кушает* быстро» и «*Кушать* хочешь?»¹²⁴ в качестве ошибочных; правда, никак не объясняет свои рекомендации.

Что же произошло?

Вероятно, в речи образованных людей изменилась стилистическая окраска слова.

«*Кушать*», судя по Корпусу, в XVIII–XIX веках был глаголом вполне нейтральным, хоть и более вежливым, чем «*есть*». Но постепенно в языке интеллигенции градус учтивости «*кушать*», видимо, начинает расти, и слово продвигается выше по стилистической лестнице, становится еще более вежливым и учтивым.

Скорее всего, из-за этого и возникли претензии к форме первого лица («*кушаю*»): если слово высокое и учтивое, то оно начинает осознаваться как не вполне удачное и слишком вычурное по отношению к себе.

Например, Георгий Иванов в автобиографическом эссе «Закат над Петербургом» (1953 г.) пишет:

«Сказать “я блистал” так же невозможно, как “я кушал”. Известно, что глагол “*кушать*” спрягается так: я ем, ты *кушаешь*, вы *кушаете*...»¹²⁵

Похоже высказывается Корней Чуковский в книге о русском языке «Живой как жизнь» (1962 г.):

«Очень коробило меня заносчивое выражение *я кушаю*. В мое время то была учтивая форма, с которой человек обращался не к себе, а к другим.

— Пожалуйста *кушать*!

Если же он говорил о себе: “я *кушаю*” — это ощущалось как забавное важничанье»¹²⁶.

С другой стороны, в речи крестьян и малообразованных людей со словом «*кушать*» не произошло ничего. Его продолжали использовать как нейтральное, недаром в многочисленных примерах литературы второй половины XIX–XX веков оно вложено в уста людей из народа. Но сам факт того, что это слово «из низов», тоже отвращал от него тех, кто хотел похвастаться своим образованием.

В советское же время нелюбовь к «*кушать*» была закреплена борьбой против «мещанства», в том числе языкового. Авторы книг о языке и культуре речи считали своим долгом высказаться против слишком, по их мнению, манерных и слащавых слов, ведь советскому человеку слишком учтивым быть не пристало. Тогда же возник миф о «лакейском» прошлом слова «*кушать*» — вероятно, просто из-за известности фразы «*кушать подано*».

В итоге глагол оброс просто немыслимым количеством противоречивых ограничений. Вряд ли найдется еще одно такое же слово, которое нельзя было бы использовать 1) в первом лице; 2) мужчинам и/или о мужчинах; 3) вообще в любых контекстах, кроме вежливого обращения к гостям. И сама уникальность этих ограничений говорит о том, что для языка они неестественны.

Сейчас стихия языка явно прорывает
пуристскую плотину: слово «кушать» звучит
все чаще, и очень многие люди, в том числе
образованные, уже не чувствуют, что с ним
что-то не так.

И напомним, ограничения по поводу «*кушать*» не проникли в язык людей «из народа», а сейчас по отношению к их речи, к счастью, презрения становится уже меньше. Граница между литературной нормой и просторечием размывается — и это не хорошо и не плохо, это просто факт.

Я провела опрос в моем блоге (а меня читают образованные люди, которые интересуются языком) и спросила, как читатели относятся к слову «*кушать*». Результаты оказались очень красноречивы:

41% (1236 человек) — «люблю, использую в разных контекстах»;

39% (1163) — «использую иногда, но с ограничениями»;

16% (483) — «не использую, но в речи других слово не раздражает»;

4% (116) — «ненавижу “кушальщиков”».

Отдельный опрос я сделала для тех, кто использует слово с ограничениями. Какие же это ограничения?

40% (390 человек) — «использую “кушать” только с родными и друзьями»;

35% (341) — «использую только с детьми»;

19% (191) — «не использую формы 1 лица»;

6% (63) — «говорю “кушать” только гостям при вежливом приглашении к столу».

Судя по опросу, реальное употребление слова совсем не соответствует даже современным словарным рекомендациям: мало кто использует его только при вежливом приглашении

к столу и избегает форм первого лица. Большинство употребляет глагол «*кушать*» без ограничений или считает скорее домашним, интимным словом, предназначенным для друзей, семьи или детей.

Алексей Пивоваров*, автор ютуб-канала «Редакция», в фильме о тиктокерах отметил¹²⁷, что все они говорят «*кушать*» вместо «*есть*». И ведь это очень разные молодые люди: как из обеспеченных семей, так и из бедных, как имеющие высшее образование, так и школьники.

Похоже, на наших глазах окраска слова «*кушать*» снова меняется: стилистические качели качнулись в обратную сторону, и наблюдать за этим чрезвычайно интересно. Да, слово пока еще нельзя назвать нейтральным, но движение его к нейтральности заметно и неуклонно.

Об этом в книге «Лингвистические детективы», впервые изданной в 2002 году, написал Николай Шанский — видный советский и российский лингвист, доктор филологических наук, автор словарей:

«Кажется очень субъективным и произвольным наклеиваемый иногда ярлык неправильности даже по отношению к личным формам этого глагола <...>. Право же, никакой манерности и тем более слащавости формы *кушаю, кушаешь, кушает* и т. д. сами по себе не имеют. В их недоброжелательной оценке со стороны говорящих (а не только справочников по практической стилистике русского языка) в свое время сказалось отношение народа к господам (ведь господа не ели, а кушали!). Но с тех пор, как и во многих других словах, в глаголе *кушать* постоянно происходит процесс стилистической нейтрализации, стирающий в нем этот особый “неприязненный” обертон.

---

* Признан Министерством юстиции РФ иноагентом.

Современная речевая практика, в том числе и практика печати, свидетельствует, что слово *кушать* постепенно становится самым обыкновенным и привычным синонимом слова *есть*»¹²⁸.

Конечно, такое положение вещей может раздражать тех, кому со школьной скамьи прививали ненависть к «*кушать*», — но, возможно, их немного смягчит тот факт, что его использовали Гончаров, Достоевский и Чехов: получается, для этого глагола происходит, по сути, возвращение к истокам.

И ситуация с «*кушать*» совсем не уникальна. Мещанскими, манерными и жеманными в советское время, как я уже отмечала, считались слова «*волнительный*» и «*переживать*» (в значении «волноваться»), но сейчас они употребляются свободно. Похоже, такая судьба ждет и «*кушать*».

Вы можете любить или, наоборот, ненавидеть и не использовать слово «*кушать*». И то и другое нормально и имеет свои причины. Главное — не переносить эмоции по поводу слова на людей, не навязывать им свою точку зрения и не осуждать их за то, что они говорят иначе.

«ДИКО ИЗВИНЯЮСЬ»

Не меньше противников и у слова «*извиняюсь*». О нем тоже существует устойчивый миф: мол, «*сь*» — это сокращение от «*себя*»; выходит, «*извиняюсь*» означает «извиняю себя», поэтому и говорить так невежливо.

Представление это широко распространилось силами советских борцов за чистоту языка. Например, писатель и переводчик Борис Тимофеев-Еропкин в книге «Правильно ли мы говорим?» писал:

«“Извиняюсь”... Чрезвычайно распространенная небрежность речи... Ведь “извиняюсь” может означать только “извиняю себя”, то есть “считаю нормальным, что я вас толкнул”, например. Надо решительно изжить слово “извиняюсь”, заменив его словами “извините”, “виноват”, “простите”»¹²⁹.

Но в подобных рассуждениях есть одно крайне уязвимое место.

Действительно, изначально постфикс *-ся (-сь)* был отдельным словом — краткой формой винительного падежа местоимения *«себя»* — а потом «прилепился» к глаголам. Но значение его в качестве постфикса существенно расширилось: например, в проекте русской корпусной грамматики¹³⁰ выделяется по крайней мере 11 значений *-ся*, причем некоторые из них еще и распадаются на подтипы.

Перечислять здесь их все не имеет смысла, назову лишь наиболее частотные и очевидные:

- 1) Да, значение направленности действия на себя остается одним из основных и проявляется главным образом в глаголах, обозначающих уход за телом: *«бриться»*, *«мыться»*, *«умываться»*, *«одеваться»*, *«причесываться»* — а также в некоторых других словах, например, *«смотреться»* (в зеркало) и *«хвалиться»*.
- 2) Но в глаголах вроде *«изучаться»*, *«строиться»*, *«закрашиваться»* проявлено совсем другое значение — значение пассивного залога. Когда мы говорим, что здание строится, мы совсем не имеем в виду, что здание строит само себя; мы подразумеваем, что его строят какие-то люди, которых в высказывании можно не упоминать.
- 3) А в глаголах *«целоваться»*, *«обниматься»*, *«ругаться»*, *«советоваться»* постфикс *-ся* употребляется в значении взаимного действия.

- 4) Постфикс *-ся* может обозначать и чьи-то постоянные свойства: «собака *кусаётся*», «лошадь *лягается*», «корова *бодается*». Корова не бодает саму себя — она лишь часто совершает свойственное ей действие, а направлено оно на других.
- 5) Посмотрите на употребления «чашка *разбилась*», «дверь *открылась*», «компьютер *включился*». Здесь в постфиксе реализовано значение действия, которое происходит будто бы само по себе, без участия активного субъекта.
- 6) А «*извиняться*», думается, ближе всего к глаголам, характеризующим субъект, который совершает действие, но при этом не воздействует на самого себя как на объект: «*броситься* (на амбразуру)», «*двигаться* (вперед)», «*потянуться* (от удовольствия)», «*запасаться* (продуктами)», совершенно безосновательно ненавидимое многими «*убираться* (в комнате)». Тут *-ся* обозначает скорее не «себя», а «самому, самостоятельно».

Чтобы почувствовать разницу с глаголами первой группы, имеющими значение «*-ся = себя*», посмотрите на пары:

причесывать — причёсываться

бросить — броситься

Действия, обозначенные глаголами «*причесывать*» и «*причёсываться*», абсолютно идентичны, просто в качестве объекта выступает либо посторонний человек, либо сам деятель. Но в любом случае действие будет тем же: деятель возьмет в руки расческу и будет проводить ею по волосам — либо чужим, либо своим.

Во второй же паре действия глаголов различны. «*Бросить* (мяч)» значит «оттолкнуть его руками в сторону», а вот «*броситься* (на амбразуру)» вовсе не значит «толкнуть самого себя руками на амбразуру».

Так и «*извиняюсь*» вовсе не значит «извиняю себя». Скорее «сам, самостоятельно прошу извинений».

Может, в этом «сам» и кроется проблема? «*Извиняюсь*» — «я сам прошу извинений, а уж извините вы меня или нет, мне будто бы все равно». Если рассуждать подобным образом, получается, что когда мы говорим «*извините*», то мы обращаемся к *собеседнику*, просим *его* нас извинить и акцентируем наше внимание на нем: (*вы*) извините. А когда говорим «*извиняюсь*», подчеркиваем лишь *свое* действие, делаем акцент на себе: (*я*) извиняюсь. И это вроде бы как-то невежливо.

Такое объяснение нелюбви к «*извиняюсь*» выглядит куда логичнее мифа про «извиняю себя».

Но...

Как тогда быть с этикетными формулами «*прошу прощения*», «*приношу свои извинения*»?

Здесь ведь то же самое: не «(*вы*) простите», а «(*я*) прошу прощения», не «(*вы*) извините», а «(*я*) приношу извинения». Но словосочетания «*прошу прощения*» и «*приношу извинения*» не ощущаются как невежливые и, кажется, ни у кого не вызывают отторжения — хотя и звучат обычно чуть более официально, чем «*простите*».

И «*извиняюсь*», и «*прошу прощения*», и «*приношу извинения*» по сути — **перформативы**, то есть высказывания, эквивалентные действиям. Этим они отличаются от обычных слов, которые просто описывают действительность. Например, говоря «я кушаю» (да, я использовала этот глагол специально), мы просто констатируем факт того, что сейчас принимаем пищу. Произнося же «*клянусь*» (это классический пример перформатива), мы тем самым связываем себя клятвой. Точно так же

с помощью фраз «*поздравляю*», «*я требую*», «*объявляю вас мужем и женой*» мы не просто рассказываем о своих действиях, но совершаем их.

Чаще всего перформативы, как вы уже заметили, — это глаголы в форме 1 лица единственного числа настоящего времени (то есть отвечающие на вопрос «(я) что делаю?»). Поэтому использовать «*извиняюсь*» в этой функции для языка вполне естественно и закономерно.

Советский лингвист **Афанасий Селищев** считал, что «*извиняюсь*» в современном употреблении появилось только в XX веке. Вот что он писал в книге «Язык революционной эпохи»:

«Со времени войны (1914 г.) в России вошел в широкое употребление словесный знак вежливости-извинения “извиняюсь” (“извиняюс”). По основе и по форме это образование употреблялось и раньше. “Опять тысячу раз извиняюсь, что сбиваюсь с прямой дороги в сторону” — писал Гончаров. “Извиняюсь, что не ответил никому до сих пор” — в “Дневнике писателя” Достоевского. Отличие от теперешнего “извиняюсь” заключалось в том, что “извиняюсь” в речи Гончарова, Достоевского и других находилось в сочетании с другими словами в предложении и имело обычное реальное значение, — значение выражения извинения, искреннего, иногда глубокого раскаяния, что подчеркивалось словами “1000 раз” и т. п. Посредством этой формы извиняется и взволнованный чеховский дядя Ваня. “Ну, ну, моя радость, простите... Извиняюсь (целует руку)”. Совсем не то по своему реальному и формальному значению теперешнее “извиняюсь”: оно употребляется отрывочно, вне сочетания с другими словами, служит

формальным словесным знаком, произносимым при определенных обстоятельствах, — знаком, мало соответствующим этим обстоятельствам: полного значения просьбы здесь не выражается»¹³¹.

Стоп... Но чем же «*извиняюсь*» дяди Вани отличается от сегодняшнего? Только степенью искренности? Ну так она зависит не от слова, а от человека, который его употребляет.

Формальных же, грамматических отличий нет вовсе. У Чехова точно такое же одиночное, отрывочное слово, как и в современных контекстах. У Достоевского, на самом деле, тоже, ведь его «*извиняюсь*» образует отдельное предложение в составе сложноподчиненного. Да и «*1000 раз*» после «*извиняюсь*» у Гончарова тоже выглядит слабым оправданием. Сдается мне, если точно такую же фразу кто-то произнесет сегодня, пуристы на него накинута тотчас же.

Судя по Национальному корпусу, «*извиняюсь*» употребляется довольно давно, и использовали его люди как малообразованные, так и вполне интеллигентные. Вот несколько цитат:

«— *Извиняюсь* только, что вчера не могла приехать, потому что была в домашнем маскараде».

(А. Ф. Писемский, «Комик», 1851 г.)

Это слова актрисы, «*извиняюсь*» звучит в комическом контексте.

«— Я вам *извиняюсь*, но я здесь ни на кого не сержусь, — продолжал гость горячею скороговоркой, — я четыре года видел мало людей...»

(Ф. М. Достоевский, «Бесы», 1871–1872 гг.)

Произносит инженер Кириллов; впрочем, Достоевский характеризует его речь так: «Говорил отрывисто и как-то не грамматически, как-то странно переставлял слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннее».

«— Я очень *извиняюсь* и прошу подождать...»
(Д. В. Григорович, «Столичный воздух», 1873 г.)
А это говорит обеспеченная дворянка.

«— *Извиняюсь*... Публично прошу прощения... Сгораю от стыда на пятидесяти кострах!..»
(А. П. Чехов, «Безотцовщина», 1878 г.)
Слова сельского учителя.

«— Не моя вина, что вышло так пошло, мерзко... *Извиняюсь*... Я робко взглянул на жену и увидел больше, чем мог ожидать при всей моей мнительности».
(А. П. Чехов, «Оба лучше», 1884—1885 гг.)
Слова рассказчика — видимо, обедневшего дворянина.

«Я спокойно положил мою книжку в карман и отвечал: “Я *извиняюсь*!”»

Н. С. Лесков, «Чертовы куклы», 1890 г.)

Это отрывок из письма художника, прототипом которого был, скорее всего, Карл Брюллов, — но надо признать, что образ этот описан Лесковым иронично.

«— *Извиняюсь*... Мне показалось, у вас тут... кутеж...»
(Максим Горький, «Трое», 1901 г.)

Произносит социалистка Софья Медведева, очень «правильная» идейная девушка.

«— *Извиняюсь*, я, может быть, говорю резко, но от этих слов веет чем-то затхлым, недоброжелательным, и я не люблю их».

(Н. Д. Телешов, «Между двух берегов», 1903 г.)

Слова иностранного офицера, который прекрасно говорит по-русски.

«— *Извиняюсь*, что побеспокоил».

(Л. Н. Андреев, «Профессор Сторицын», 1912 г.)¹³²

Говорит биолог, профессор Телемахов, причем произносит он это слово по ходу пьесы несколько раз.

Мы точно не знаем, как относились к слову «*извиняюсь*» до революции. Словарей тогда было немного; а в тех, что были, нет никаких примечаний о форме «*извиняюсь*». По-видимому, оно употреблялось в XIX веке довольно свободно (хотя и, надо признать, совсем не так часто, как «*извините*»), но усилиями советских нормотворцев стало восприниматься как «мещанское».

До сих пор это слово так и не стало нейтральным, хотя словарные пометы к нему смягчились: в 30-е годы в словаре Ушакова оно еще было помечено как просторечное, нежелательное в речи образованного человека, а в более современных словарях оно обычно признается разговорным — то есть допустимым в непринужденной речи, но неуместным в официальной обстановке.

Один из самых новых толковых словарей, «Большой толковый словарь» под редакцией С. А. Кузнецова, и вовсе называет слово «*извиняюсь*» вежливым (хотя помета «разговорное» в нем все равно присутствует):

«Извиняюсь, в зн. межд. Разг. (обычно в вопросе). Вежливая форма обращения к кому-л. *И.*, это не ваш сын? *И.*, я опоздал»¹³³.

Так в чем же причина нелюбви к «*извиняюсь*»? Неясно, ведь формальных, объективных причин для неприязни нет. Видимо, дело только в сложившейся языковой традиции, в усилиях борцов за чистоту речи и в устойчивости мифа об «*извиняю себя*». Формулы вежливости, как уже выяснилось в разговоре о «*доброего времени суток*», — крайне консервативная область, изменения в которой приживаются достаточно долго, и, возможно, «*извиняюсь*» просто пока не успело вернуть себе место под языковым солнцем.

Значит ли все это, что нужно срочно начать говорить «*извиняюсь*», чтобы восстановить справедливость? Нет, не зна-

чит. Так уж сложилось, что слово, хоть и несправедливо, но приобрело сомнительную репутацию, от которой ему теперь не так легко будет избавиться. Впрочем, процесс этот уже запущен, и в непринужденной беседе сказать другу «*извиняюсь*» вполне уместно даже с точки зрения словарей. А вот в официальной обстановке не стоит: слово по-прежнему остается разговорным. Но уж что делать точно не нужно, так это клеймить тех, кто его использует. Так что, когда вы слышите очередное «*извиняюсь*» и начинаете закипать, вспомните о Достоевском и Чехове. Полегчает, по себе знаю.

УБИРАТЬСЯ МОЖНО ТОЛЬКО ВОН?

И раз уж я упомянула необоснованную критику слова «*убираться*», давайте поговорим и о ней, хотя напрямую к теме вежливости это не вполне относится.

Почему-то многие убеждены, что «*убираться*» можно только вон, а в квартире или в доме грамотные люди только «*убирают*».

Отчего возникло такое убеждение, совершенно непонятно. Посмотрим на тексты из Национального корпуса:

«Это было кротчайшее и незлобивейшее существо в мире; она стряпала, *убиралась* по дому, берегла хозяйские крошки и всем, кому чем могла, служила».

(Н. С. Лесков, «Житие одной бабы», 1863 г.)

«“А в спине-то у тебя пуля сидит”, — сказал Ванюша, *убиравшийся* в комнате».

(Л. Н. Толстой, «Казаки», 1863 г.)

«Воспитанники встают рано и сами, все вместе, *убираются*, чистят камеры и, когда надо, моют полы».

(Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя, 1876 год», 1876 г.)

«Свекровь *убиралась* в избе и ничего не видела».

(Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Озорник», 1896 г.)

«С раннего утра суета, кутерьма, подумаешь, к Рождеству *убираются*, а это готовятся к обыску».

(М. М. Пришвин, «Дневники», 1918 г.)

«Нынче ветрено, светлый, прекрасный день. *Убирался*, запаковывал черный сундук».

(И. А. Бунин, «Дневники», 1911–1919 гг.)

«Лозовский посмотрел на улицу, на снег, на небо, заботливо, как это делают по утрам холостяки, оглянул комнату, — и, прежде чем пойти умываться, в пижаме и лаковых ночных туфлях, стал *убираться* в комнате».

(Б. А. Пильняк, «Повесть непогашенной луны», 1926 г.)

«Не похоже ли это удивление на наивный разговор домашних хозяек, которые, изо дня в день *убираясь* в квартире, неизменно восклицают: “Откуда только проклятая пыль берется?”»

(Анатолий Мариенгоф, «Мой век, мои друзья и подруги», 1956–1960 гг.)

«Поздним вечером, когда Таня *убиралась* в госпитале, он сбежал от нее».

(Валентин Распутин, «Живи и помни», 1974 г.)

«Она держалась так прекрасно, что по ней было заметно, что она живет общей для всех женщин жизнью — то есть стирает, *убирается*, готовит, ходит по магазинам».

(Людмила Петрушевская, «Стена», 1988 г.)

«В доме, как и прежде, *убиралась* Марина».

(Виктор Астафьев, «Пролетный гусь», 2000 г.)¹³⁴

Как видите, слово «*убираться*» свободно употребляется с середины XIX века и до наших дней. И обратите внимание: я на-

меренно привела примеры только авторской речи, а не речи героев, где слова могут использоваться для показа характера — например, свидетельствовать о недостаточной образованности персонажа. Но нет: авторы используют слово «*убираться*» сами, причем не только в художественных текстах, но и в дневниках.

Но диванные лингвисты, разумеется, лучше понимают красоту языка и обладают более тонким стилистическим чутьем, чем Толстой, Достоевский или какой-то там Бунин.

Для них, видимо, больший авторитет — автор дамских детективов Татьяна Устинова. Как отметила лингвист Светлана Друговейко-Должанская в статье «Как правильно “убираться”», едва ли не в каждом детективе Устиновой «*убираюсь*» произносит наиболее противная героиня¹³⁵. Вот как писательница устами одного из героев романа «На одном дыхании» транслирует свои лингвистические предпочтения:

«Девушка кивнула и опять высморкалась.

— Еще на какой! Я там и пыль сама стираю, и *убираюсь* сама!

— *Убираю*, — машинально поправил Дэн Столетов, грамотей и умник, и Прохоров с девицей посмотрели на него с изумлением.

— А что? — перепугался Дэн. — Что такое? Правильно говорить “я *убираю*”, а не “я *убираюсь*”».

А что по поводу «*убираюсь*» думают словари? Может быть, у слова «*убираться*» действительно есть только одно значение — «уходить»? Или значение «наводить порядок» помечено в них как просторечное, грубое или вульгарное?

Нет. Во всех современных словарях, да и в классических советских — и Ушакова (это 30-е годы), и Ожегова (а это 50-е), значение «наводить порядок» есть —

как и «уходить». Но в обоих значениях слово помечено всего лишь как «разговорное»*, а разговорные слова и выражения входят в литературную норму, их только не рекомендуется использовать в документах и в официальной обстановке. А в непринужденной неформальной беседе — пожалуйста.

Итак, слово «убираюсь» используется в литературе, содержится в словарях без ограничительных помет... И если против «извиняюсь» или «кушать» хотя бы высказывались известные авторы в книгах о культуре речи, то об «убираюсь» ни у Селищева, ни у Чуковского, ни у Норы Галь, ни у Колесова, ни у Льва Успенского нет ни строчки.

Так что утверждение о том, что говорить «убираюсь» неправильно, — не более чем миф.

Но чем же тогда люди обосновывают свою ненависть к этому слову? Почему многих еще в школе учили, что говорить и писать «я убираюсь» — преступление против русского языка?

А основания-то у мифа весьма хлипкие. Точнее, несуществующие.

Аргумент 1. «-Ся»/«-сь» значит «себя», поэтому «убираюсь» — это «убираю себя».

Этот аргумент был подробно разобран выше в разговоре о слове «извиняюсь». У глагола «убираться» значение действия, которое совершается самостоятельно или в своих интересах — как у «двигаться», «потянуться» и того же «извиняться».

---

* Впрочем, именно в словаре Ожегова значение «наводить порядок» помечено как разговорное, а вот «уходить» — как просторечное.

Аргумент 2. У «убираться» есть неприятное значение: убираться можно «вон».

Так-так, что-то мне это напоминает...

Нельзя писать *«бесплатный»*, потому что это «бесплатит». Пусть будет *«безоплатный»*.

Нельзя говорить *«последний раз»*: а вдруг он и правда станет последним, потому что Вселенная тебя не так поймет? Только *«крайний раз»*!

Все это — популярные мифы, которые возникают из-за непонимания, что для языка нормальны многозначность и омонимия. *Омонимы* — это слова, которые одинаково звучат и пишутся, но имеют совершенно разные значения — например, «лук» съедобный и «лук», из которого стреляют. Или, если уж брать глаголы, *«планировать»* дела и *«планировать»* в воздухе. Похожее явление — *многозначные слова*, как «драма» — пьеса в театре и «драма» — тяжелое событие.

В конце концов, у «убирать» тоже есть неприятные значения — «удалять» или даже «убивать» («убийца старался убрать свидетеля»). И что теперь?

Товарищи пуристы, вы предлагаете исключить из языка все омонимы и многозначные слова?..

Аргумент 3. Зачем нужно «убираться», если есть нормальное слово «убирать»?

Затем же, зачем машине нужно *«мчаться»*, когда она может *«мчать»*, лампе — *«светиться»*, когда она может *«светить»*, паникеру в пандемию — *«запасаться»* гречкой, хотя он мог бы ее *«запасать»*. Для разнообразия! Мы же хотим, чтобы язык был великим, могучим, богатым и прочее? Так для этого ему нужна вариативность.

А еще «убирать» и «убираться» хоть и совпадают по смыслу, но отличаются по употреблению. «Убирать» нужно обязательно «что-то» или «где-то», и на вопрос «Что делаешь?» нельзя просто ответить «Убираю». То есть можно, но высказывание будет неполным или неясным без контекста. Надо бы пояснить: «убираю комнату», «убираю в квартире», «убираю мусор».

А если не нужно или не хочется пояснять? Если запрос только на описание действия? Тут-то на помощь и приходит «убираться»:

— Что делаешь?

— Убираюсь.

И объяснять ничего не требуется.

Ситуация с «убирать»/«убираться» похожа на употребление глаголов «ругать»/«ругаться». Смысл практически одинаков, но «ругаем» мы обычно кого-то, а вот «ругаться» можно и безадресно.

В общем, аргументы пуристов не выдерживают никакой критики.

Я никого не призываю говорить «убираться», «извиняюсь», «кушать» и «присаживайтесь». Если вам не нравятся эти слова, вы можете с чистой совестью их не использовать. Но зачем распространять мифы вроде «убираться можно только вон» или «кушают только лакеи»?

Чтобы что? Чтобы почувствовать себя избранным хранителем чистоты русского языка и возвыситься над простыми людишками, которые — о ужас — кушают и убираются в своих убогих жилищах?

По мне — так себе цель.

Глава 8

ФОТОГРАФКА, БЛОГЕРША, ВРАЧИНЯ: ФЕМИНИТИВЫ – ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НАД ЯЗЫКОМ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Примерно в 2015–2016 годах в речи многих феминисток, а затем и в некоторых СМИ появилась новая тенденция — обозначать профессии женщин исключительно с помощью феминитивов*, причем не только старых и общеизвестных («спортсменка», «актриса», «официантка»), но и, например, тех, которые вынесены в заголовок.

А кто-то пошел еще дальше и вместо уже существующих феминитивов стал использовать новые: например, «авторка», «блогерка» и «писателька» вместо «авторши», «блогерши» и «писательницы». Также некоторые активистки начали

---

* Феминитивы (или, как иногда пишут в научной литературе, феминативы) — это любые существительные женского рода, служащие для обозначения женщин. Обычно они образуются от основы существительного мужского рода присоединением суффикса — показателя женскости. Феминитивы могут обозначать не только профессию, но и род занятий («студентка», «комсомолка», «активистка»), национальность («русская», «англичанка», «китаянка»), религиозную принадлежность («христианка», «буддистка», «мусульманка»), титул («королева», «графиня», «принцесса») и так далее.

употреблять неологизмы, выходящие за рамки обозначения профессий: «людиня», «человечица», «ребёнка», «персонажка», «игрокиня», «товарищка».

Конечно, внедрение целого пласта новой лексики мало кого оставило равнодушным — тем более что не так давно те же феминистки боролись против феминитивов и за одинаковое с мужчинами обозначение.

Тема феминитивов поделила людей на два противоборствующих лагеря, которые до сих пор не могут услышать друг друга и спорят до хрипоты: одни готовы поставить на феминистках клеймо ограниченных борцов (или *борчих?*) с ветряными мельницами, походя уничтожающих русский язык; другие настолько яростно отстаивают новшество, что готовы обвинить тех, кто назовет женщину по старинке *автором* или *врачом*, в косности, женоненавистничестве и сексизме.

Лингвисты же не за и не против — они наблюдают. Лингвисты разве что за естественное развитие языка.

Насколько новые феминитивы этому развитию соответствуют? Односложно тут не ответишь, поэтому давайте рассмотрим аргументы тех, кто настаивает на их введении. Какие-то доводы придется опровергнуть, а с какими-то — согласиться.

Надеюсь, рассмотрение всех за и против может помочь неопределившимся не идти на поводу у моды или у отрицания любых языковых новшеств, а принять осознанное решение, употреблять новые феминитивы или нет.

Аргумент 1

«Язык определяет сознание и действительность, это доказали лингвисты Сепир и Уорф. Равноправие начинается с языка: вводя феминитивы, мы показываем значимость женщин и тем самым улучшаем их положение в обществе. Ведь чего нет в языке, того нет и в реальности».

Язык и мышление, разумеется, связаны — далеко не всегда очевидно и напрямую, но все же.

Вот только что на что влияет? Язык на мышление или мышление на язык? Что в этой паре первично? А вот это уже очень сложный вопрос.

В опубликованных в тридцатых годах прошлого века работах Эдуарда Сепира и Бенджамина Уорфа, чьими именами названа гипотеза, которую сторонники феминитивов очень любят брать на вооружение, действительно есть размышления на тему того, что «язык определяет мышление».

Но эта теория по-прежнему остается только гипотезой (и до сих пор называется *гипотезой лингвистической относительности* или *гипотезой Сепира — Уорфа*). В такой строгой первоначальной формулировке, которую я привела, она не подтвердилась¹³⁶.

Взаимодействие языка и сознания очень сложно измерить — и еще сложнее установить, где причина, а где следствие. Проблема их связи пока оказывается столь же неразрешимой, как классическая загадка про курицу и яйцо.

Было много попыток проверить влияние языка на мышление, но сделать это экспериментально оказалось очень затруднительно. Впрочем, некоторые эксперименты действительно показали прямое влияние языка на мышление — но только в отдельных областях и весьма незначительное. К примеру, один из экспериментов¹³⁷ (с очень небольшой выборкой — всего 50 испытуемых) показал, что носители русского языка чуть быстрее различают голубой и синий цвета, чем носители английского языка, где для обозначения обоих цветов используется одно слово *blue*. Но речь идет только о считанных долях секунды — а вовсе не о том, что

носители английского плохо различают или совсем не различают эти цвета.

В русском языке тоже нет отдельного однословного названия, например, для цвета слоновой кости, мы используем для его обозначения только описательный оборот. Значит ли это, что в России этот цвет не замечают, редко используют, избегают в одежде? Конечно нет. Вполне возможно, эксперименты бы показали, что носители русского языка различают белый и цвет слоновой кости на доли секунды медленнее, чем синий и голубой, — но речь будет только о долях секунды, а не о полном неразличении. Это большая разница.

Сторонники же феминитивов настаивают именно на неразличении, незаметности женщин в России на том основании, что для их обозначения в русском языке не используются (или слишком мало используются) отдельные слова. А вот употребление феминитивов якобы способно положение женщин радикально улучшить.

Но, к сожалению или к счастью, так язык не работает.

Идея сделать роль женщины в обществе более явной и видимой понятна, похвальна и правильна, но использовать для этой цели новые феминитивы кажется весьма наивной затеей. Тем более что история лингвистики не знает случаев, когда точно и однозначно было бы доказано, что сознательное системное изменение в языке повлекло изменения в реальности (а не наоборот).

Поясню наивность апелляции к гипотезе Сепира — Уорфа на конкретном примере.

Давайте представим, что группа активистов решила приблизить наступление настоящей демократии в России — и не как-нибудь, а с помощью трансформации конкретной области грамматики.

В русском языке есть категория *одушевленности/неодушевленности*. Это именно грамматическая категория, а не

смысловая: существительное называется одушевленным не потому, что обозначает кого-то живого (хотя в большинстве случаев это действительно так), а при условии, что у него совпадают формы винительного и родительного падежей множественного числа (у слов мужского рода 2 склонения — еще и единственного числа). У неодушевленных же существительных форма винительного падежа множественного числа совпадает с формой именительного.

На первый взгляд звучит сложно, но на самом деле все логично. Вспомните вопросы упомянутых падежей:

Именительный падеж: *кто? что?* («есть кто-то, есть что-то»)

Родительный падеж: *кого? чего?* («нет *кого-то*, нет *чего-то*»)

Винительный падеж: *кого? что?* («вижу *кого-то*, вижу *что-то*»)

Два вопроса винительного падежа не похожи друг на друга, зато совпадают с вопросами других падежей: вопрос «кого?» (который мы задаем к одушевленным существительным) — как в родительном, а «что?» (вопрос к неодушевленным) — как в именительном. И точно так же, как вопросы, будут совпадать и сами формы слов:

Винительный падеж = Родительный падеж → одушевленное

Винительный падеж = Именительный падеж → неодушевленное

Логично, правда?

Поэтому мы говорим:

«вижу котов» («котов» — такая же форма, как в родительном падеже: «нет котов»);

«вижу столы» («столы» — такая же форма, как в именительном падеже: «есть столы»).

Из этого мы делаем вывод, что «кот» — одушевленное существительное, а «стол» — нет; в противном случае мы говорили бы «вижу коты» и «вижу столов».

Обычно одушевленность/неодушевленность совпадает с понятием живое/неживое. Обычно, но не всегда.

Например, к неодушевленным существительным относятся названия растений и грибов, а еще... слова «душа» и «организм» («вижу души, вижу организмы», а не «душ, организмов»).

А к одушевленным — названия некоторых игровых карт и шахматных фигур («валет», «дама», «король», «ферзь», «слон», «конь»), слова «мертвец», «покойник», «снеговик» («вижу мертвецов, покойников, снеговиков»).

И вот что особенно раздражает наших придуманных активистов (вы еще про них не забыли?): в русском языке слово «народ»... неодушевленное, ведь правильно говорить: «Вижу народ, вижу народы».

Так вот откуда все беды! Вот почему народ в России невидим! Вот отчего невозможна у нас настоящая демократия — в переводе с греческого «власть народа»: в русском языке закреплено презрение к народу и представление о том, что он — не живые люди, а безликая масса!

Поэтому активисты объявляют борьбу за одушевленность, которая избавит язык (а следовательно, реальность) от вредных стереотипов. Стоит только начать говорить «вижу народа, вижу народов» — и власти сразу начнут видеть в нас живых людей, и будет в России настоящее правовое демократическое государство, и мы увидим небо в алмазах!

Насколько продуктивна такая стратегия?

Проверить, влияет ли конкретно наличие или отсутствие феминитивов на положение женщины в обществе, довольно просто: можно посмотреть на языки, где феминитивов очень много или, наоборот, очень мало, и изучить, есть ли корреляция с тем, как в целом носители этих языков относятся к женщинам.

Так вот: корреляция не обнаруживается.

Очень много феминитивов в арабском языке, на котором говорят, например, в Ираке, Йемене, Египте или Саудовской Аравии. Да, женщины там могут занимать отнюдь не любую должность — но, если они кем-то работают, о них говорят с помощью феминитивов, которые образуются очень просто — добавлением буквы *ṣ* («*та марбута*», которая читается как [a]) к основе мужского рода. Но как при этом во многих арабских странах относятся к женщинам, говорить излишне.

Феминитивы характерны также для чешского или словенского; на волне фем-движения феминитивы во второй половине XX века стали активнее использоваться в немецком — но в целом в соответствующих странах отношение к женщинам куда более уважительное, чем в тех, где говорят на арабском.

И наоборот, феминитивов практически нет в финском языке — как и вообще категории грамматического рода. Там даже не различаются местоимения «он» и «она», и понять, о ком идет речь — о мужчине или о женщине, — без контекста невозможно. Но достаточно посмотреть на правительство Финляндии, которое на момент написания этой книги возглавляет женщина и в котором большинство постов тоже занимают женщины, чтобы убедиться, что отсутствие феминитивов им не мешает.

Отказ от феминитивов в последние годы происходит в английском языке. Вместо того, чтобы в пару к *policeman* или

fireman использовать *policewoman* и *firewoman*, появляются гендерно-нейтральные *police officer* и *firefighter*. Актриса Кейт Бланшетт выступила против гендерных наград на Венецианском кинофестивале и попросила, чтобы ее называли *actor*, а не *actress*:

«Я принадлежу к тому поколению, где слово “актриса” всегда употреблялось в уничижительном смысле. Я всегда называла себя актером»¹³⁸.

А словом 2019 года по версии американского словаря Merriam-Webster стало *they* — «они», которое теперь используется еще и как местоимение единственного числа (альтернатива *he* — «он» и *she* — «она») по отношению к людям любого гендера.

Феминитивы, как и любые другие языковые трансформации, менять реальность вряд ли способны. Но за что нужно сказать их сторонникам спасибо — так это за то, что они весьма ярким и необычным способом привлекли внимание к проблеме положения женщин. Впрочем, к сожалению, в восприятии некоторых людей еще и перевели ее в область комического.

Аргумент 2

«Может, феминитивы радикально и не изменят положение женщины, но они точно могут повысить их видимость в отдельных профессиях. Например, люди привыкли, что ученые — это мужчины. Поэтому, когда они читают о физике Х. Ламарр, думают, что это тоже мужчина, а ведь на самом деле Хеди Ламарр — женщина, которая ни много ни мало изобрела прототип мобильной связи. Получается, из-за отсутствия феминитивов у многих создается впечатление, что женщин-ученых нет или их очень мало».

А здесь соглашусь: иногда такая путаница действительно возникает.

«Математика по Петерсону, математика по Петерсону!
Известный учебник. А кто такой Петерсон?
Великий человек Петерсон!
Советский и российский педагог-методист,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры начального и дошкольного образования,
ведущий специалист кафедры стратегического проектирования РАГС при Президенте РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Но как же зовут этого нашего Петерсона?
Людмила Георгиевна его зовут.
Людмила Георгиевна!
Зачем нам феминитивы. Не нужны нам феминитивы».

Этот пост стал очень популярен в фейсбуке¹³⁹, потому что многие и впрямь изучают *«математику по Петерсону»* и *«английский по Бонку»*. А было бы верно изучать *«по Петерсон»* и *«по Бонк»*, потому что и Петерсон, и Бонк — женщины.

Не так давно произошел похожий казус: «Новая газета» написала в подзаголовке статьи, что нобелевскую премию по химии присудили Дженниферу Дудне и Эммануэлю Шарпентье¹⁴⁰. И Дудна, и Шарпентье — женщины, и даже их имена журналистов не смутили: если имя Эммануэль может быть как женским, так и мужским, то Дженнифер — только женским.

Да, феминитивы могли бы стать одним из способов избежать путаницы. Но не единственным и, увы, не всегда действенным.

Например, феминитивы бы не помогли Петерсон и Бонк. Большинство людей знали их не по текстам их биографий, а по фамилии и инициалам на обложке книги, где вообще нет обозначения профессии. А вот что действительно помогло бы идентифицировать их как женщин, так это прописанные на обложке имя и отчество.

Но гораздо лучше помогли бы «изменения в головах».

Очень верно сказано: в России многие люди привыкли, что ученые – это мужчины, поэтому и воспринимают неоднозначные фамилии ученых вне контекста как мужские. Но чтобы сломать эти стереотипы, одних феминитивов, как показывает пример арабского, недостаточно.

В английском или финском феминитивов мало — куда меньше, чем в русском. По фамилиям и даже именам носителей этих языков тоже далеко не всегда можно понять, какого человек пола. По идее, у финно- и англоговорящих подобная путаница должна возникать куда чаще — но проблемы положения женщин они почему-то решают неплохо.

Да и когда мы употребляем названия других профессий формально мужского рода, то представляем совсем необязательно мужчину. Часто в воображении возникает или абстрактный образ без четкой гендерной принадлежности, или тот, с кем у нас связаны яркие воспоминания, или человек того пола, который больше представлен в профессии (если действительно в этом есть серьезный перевес) — то есть руководствуемся не грамматическим родом, а вообще не лингвистическими факторами.

Я проводила опрос в сторис инстаграма, где сначала показала на отдельном слайде слово «врач», а потом спросила, кого представили подписчики. Результаты получились такими: 608 человек (17%) ответили «женщину», 1119 (31%) — «мужчину», 1883 (52%, заметное большинство) — «не знаю, абстрактного врача непонятного пола (халат, маску)». Многие писали, что представили конкретных мужчину или женщину — знакомого, родственника или своего врача. На проценты также повлияли культурные факторы: так, многие вспомнили доктора Айболита и профессора Преображенского. Таких ярких и известных женщин-врачей в литературе, увы, нет.

В другом эксперименте я дала подписчикам предложение «Возле детского сада стояли дети и воспитатель», а затем спросила, воспитателя какого пола они представили. И на этот раз 2568 человек (70,5%) сказали, что это женщина, и только 202 (5,5%) были за мужчину. 876 человек (24%) не задумались о поле воспитателя и не представили его вовсе.

Если уж на то пошло, иногда неплохо было бы повесить и видимость мужчин... Одна знакомая рассказала мне любопытную историю. Будучи совсем еще юной, она записалась на прием к *гинекологу Ткаченко А. П.* — и была очень неприятно удивлена, когда гинеколог оказался мужчиной, годящимся ей в деды. Ожидала-то она увидеть женщину, несмотря на то что слово «гинеколог» формально мужского рода. Пожалуй, это именно та ситуация, когда разделение маскулинитивов и феминитивов бы не помешало. Впрочем, опять же можно было бы обойтись расшифровкой имени и отчества врача.

Но главная проблема аргумента о видимости женщин еще и в том, что все-таки фамилий, которые можно интерпретировать и как женские, и как мужские, в русскоязычных текстах довольно мало. В большинстве же случаев сторонники новых феминитивов используют их там, где женщину и так прекрасно «видно»: например, в статье сайта «Афиша. Daily»¹⁴¹ мы читаем высказывания, сопровождаемые фотографиями авторов, по которым понятен их пол, и подписанные: «Дарья Благова, *редакторка* раздела “Отношения”», «Ника Голикова, *спецкорка*». Но неужели кто-то без феминитива бы не заметил, что Дарья и Ника — женщины?

В ситуациях же с нейтральной фамилией вроде Шарпен-тье почти всегда из контекста становится понятно, о человеке какого пола идет речь. Если, конечно, авторы текста, как журналисты «Новой газеты», что-нибудь не перепутают — но конкретно эти журналисты просто, по всей вероятности, торопились сообщить срочную новость и переводили ее с английского или другого языка, где пол даже из контекста понятен далеко не всегда.

Однако в русском языке есть интересный инструмент для «обнаружения» пола — *согласование по смыслу*. Речь идет о формах вроде «химик **сделала** открытие», «замечательная врач», «автор, уже известная читателям», «директор, которая **провела** совещание». В этих фразах на пол указывает не само название профессии, а окончания соседних, согласованных с ним слов. Такое согласование по женскому роду стало очень частотным и уже почти во всех случаях соответствует или строгой, или разговорной литературной норме¹⁴².

Итак, если мы хотим повысить видимость женщин в определенных профессиях, то придумывать для них отдельные слова — малоэффективная и редко действительно нужная тактика. Гораздо логичнее было бы что-то делать с реальностью, где женщин действительно не всегда «видно».

Аргумент 3

«Но формы “химик сделала открытие” или “замечательная врач” – это какое-то коверканье языка, как “большая дом”, “отличный машина” или “лёд растаяла”. “Велик могучим русский языка”...»

Почему же коверканье? У этих форм есть и логика, и прецеденты, и перспектива.

В русском языке есть любопытное грамматическое явление — *общий род*.

Слова общего рода — это слова на *-а* типа «умница», «неряха», «задира», «сирота», «коллега» и так далее. Они интересны тем, что могут употребляться по отношению как к женщинам, так и к мужчинам — а к кому именно, становится ясно не из окончания самого слова, а из окончаний других слов. Например, мы можем сказать о женщине «*моя чудесная коллега*», а о мужчине — «*мой чудесный коллега*». Это абсолютно нейтральные и нормативные конструкции, которые никого не коробят.

В последние лет сто к словам общего рода по типу употребления стали приближаться те названия профессий, которые используются для обозначения лиц обоих полов, — «врач», «доктор», «профессор», «директор» и так далее. Мы можем сказать «врач провела операцию», а можем — «врач провел операцию».

Но есть одно но: так мы поступаем с обозначениями профессий только в именительном падеже. С *косвенными* же падежами (всеми, кроме именительного) уже возникают проблемы, и этим от остальных слов общего рода названия профессий все же отличаются. Например,

быть благодарными *«профессиональной коллеге»* мы можем, ведь *«коллега»* — слово общего рода. А вот *«профессиональной доктору»* — еще нет: это словосочетание не соответствует языковой норме и, что называется, «режет слух». Когда произносишь подобные фразы, невольно осекаешься и запинаешься, думаешь, как лучше выразить мысль, — и понимаешь, что без перестройки всего предложения и избегания косвенного падежа это невозможно.

Для языка такая ситуация не типична. Это явное неудобство для говорящих, эдакий языковой баг*, и система точно будет стараться его устранить. На текущей стадии развития языка сделать это с помощью феминитива было бы проще: *«мы благодарны профессиональной докторке»* пока звучит грамматически логичнее, чем *«мы благодарны профессиональной доктору»*.

Впрочем, вполне вероятно, что только пока. Ведь сейчас в русском языке наблюдается тенденция к аналитизму, то есть, упрощенно говоря, к утрате словоизменения и к выражению грамматических значений вне слова, в контексте. Это видно, например, по утрате склонения числительными или топонимами на *-о*: подробнее об этом я уже писала во второй главе.

Приобретение названиями профессий свойств общего рода вписывается в эту тенденцию: род начинает выражаться не в самом слове, а вне его — и этот процесс тоже соответствует логике языка. Вполне вероятно, что косвенные падежи профессий тоже со временем подтянутся. Единичные случаи

---

* Баг — ошибка в компьютерной программе.

таких употреблений уже зафиксированы; так, мать поэтессы Ольги Берггольц, интеллигентная и образованная женщина, писала дочери еще в 1935 году:

«Я пригласила *эту врача* Радзянкову»¹⁴³.

И заметьте: это письменное, а значит, обдуманное, отрефлексированное высказывание.

Фразы «*врач сказала*», «*замечательная директор*» уже мало кого удивляют — хотя «*замечательная директор*», пожалуй, удивит большее число людей, чем «*врач сказала*», которое, кажется, уже воспринимается как почти нейтральное. Возможно, когда-нибудь — но уже не мы, а наши дети или внуки — привыкнут и к «*эту врача*».

А может, они привыкнут к «*директорке*» и «*врачине*», и им эти феминитивы будут казаться абсолютно естественными. Такое тоже вполне может случиться.

Аргумент 4

«Феминитивы просто логичнее, чем все эти “врач сказала”. Говорить о женщине с использованием слова мужского рода вообще как-то неестественно и странно».

С точки зрения человеческой бытовой логики, может быть, и странно. С точки зрения логики языка — ничуть.

Представление о непосредственной и непререкаемой связи грамматического рода с гендером, общественно-политической ситуацией и образом мыслей довольно наивно.

Просто приведу несколько любопытных фактов о грамматическом роде в разных языках.

- Начнем с того, что в половине языков вовсе нет грамматической категории рода. Например, в английском, китайском, турецком или финском. Да, грамматического рода в английском языке нет: по-русски мы скажем «*в комнате стоял красивый стул*», но «*в комнате стояла красивая ваза*», а по-английски — «*there was a beautiful chair in the room*» и «*there was a beautiful vase in the room*». Как видим, грамматической разницы между предложениями на английском нет, а простая замена существительных местоимениями *he* («он»), *she* («она»), *it* («оно») на отдельную грамматическую категорию все же не тянет — только на компонент лексического значения, тем более что *he/she* почти всегда используются исключительно по отношению к людям, а все остальное, даже животные, по умолчанию заменяется на *it*.

Отсутствие грамматического рода кажется нам очень странным, ведь реалии собственного языка мы подсознательно считаем необходимыми и универсальными — но они, конечно, таковыми не являются. Род нам представляется чем-то само собой разумеющимся только потому, что в большинстве языков Европы, которые более-менее нам известны, он есть. Но европейскими языками не ограничивается все языковое разнообразие.

А есть языки (например, африканские), где родов, или, как их еще называют, согласовательных классов, очень много, их количество иногда доходит до пары десятков: класс людей, животных, растений, предметов и так далее.

- В таком близком нам белорусском языке «*сабака*» («собака»), «*больш*» и «*стэп*» («степь») — слова мужского рода, а «*гусь*» и «*таполя*» («тополь») — женского.

- В украинском языке «*мужчина*» — это «*чоловік*», а «*женщина*» — просто «*жінка*». Поэтому некоторые далекие от лингвистики люди заявляют: «В украинском заложено неуважение к женщине!» Но знаете, как будет «*человек*» по-украински? «*Людина*». И это слово женского рода.
- А в немецком, например, слова *das Fräulein* («девушка», «госпожа») и *das Mädchen* («девочка», «девушка») — о ужас! — среднего рода. Значит ли это, что девушек и девочек в Германии приравнивают к вещам?
- И еще интереснее ситуация с родом в польском языке, где с существительными, обозначающими мужчин, другие слова во множественном числе согласуются по так называемой лично-мужской модели, а со всеми остальными (когда речь идет о женщинах, детях, предметах) — по... женско-вещной. И местоимений третьего лица множественного числа у поляков два — *oni* для мужчин и *one* для всех остальных: для женщин, детей, животных, неодушевленных предметов и так далее.

При этом феминитивы в польском языке используются шире, чем в русском, и у них более богатая традиция употребления, хотя сейчас о них тоже ведутся горячие споры. Но формы с суффиксом -к- вроде «*докторка*», «*редакторка*», «*профессорка*» естественны для польского языка — возможно, русские феминистки при их конструировании ориентировались именно на польские образцы.

- Русские слова «*личность*» и «*персона*» женского рода. Но оскорбится ли мужчина, если сказать о нем: «Он — неординарная *личность*»?

- В русском языке есть не только грамматический (согласовательный) род, но и так называемый **морфологический род**, который может не совпадать с согласовательным¹⁴⁴.

Например, слова «*мужчина*», «*папа*», «*дядя*», имена «*Фома*», «*Никита*», «*Коля*», «*Петя*» и так далее относятся к мужскому согласовательному роду: это значит, что глаголы, прилагательные и некоторые другие части речи будут согласовываться с ними в мужском роде: «*мужчина приехал*», «*мой дядя*», «*умный Никита*».

Но морфологический род у этих слов — женский, и это выражается в том, что они по типу склонения соответствуют словам женского рода (школьному первому склонению). Сравните, например, падежные окончания слов «*мужчина*» и «*коза*» (никого не хочу обидеть, особенно козу) и убедитесь в том, что они абсолютно одинаковы:

	Единственное число	Множественное число
И. п.	мужчина, коза	мужчины, козы
Р. п.	мужчины, козы	мужчин, коз
Д. п.	мужчине, козе	мужчинам, козам
В. п.	мужчину, козу	мужчин, коз
Т. п.	мужчиной, козой	мужчинами, козами
П. п.	мужчине, козе	мужчинах, козах

Как видите, род — это грамматическая условность и совсем не то же самое, что гендер. Кто-то считает, что называть женщину словом мужского рода — это очень странно, нело-

гично и унизительно. Но на самом деле это просто грамматика. Ничего личного.

Названия «мужской род», «женский род», «средний род» – тоже условность. Назвали бы роды согласовательными классами (чем они, по сути, и являются) номер 1, 2 и 3 – глядишь, и споров было бы меньше.

И вот еще один занимательный факт о русском грамматическом (согласовательном) роде.

Лингвисты давно обратили внимание на несимметричность оппозиции мужского и женского рода в русском языке. Дадим слово известному лингвисту, академику В. В. Виноградову:

«В категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. “человек” и отсутствие формы “человечица”). В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее»¹⁴⁵. (Эх, почитал бы Виноградов современные форумы — узнал бы, что «человечица» вполне себе существует.)

То есть слова мужского и женского рода нельзя назвать четко противопоставленными друг другу: женский род гораздо более маркирован, а мужской, как ни странно, — нейтрален и даже, можно сказать, грамматически слаб. Из-за этой «половой невыразительности» именно мужской род, вопреки своему названию, часто выступает вовсе не как показатель мужественности, а как указание на лицо независимо от его пола.

И не нужно делать из этого свойства вывод, что женщина с точки зрения языка и не человек вовсе, если для указания на общую идею лица выбран именно мужской род. Это было

бы слишком прямолинейно. Между грамматикой и реальностью нет такой четкой причинно-следственной связи (см. ответ на первый аргумент).

Например, *условное наклонение* в русском языке образуется присоединением частицы *«бы»* к глаголу в форме прошедшего времени: *«Было бы здорово, если бы мы могли иметь свой дом»* (обратите внимание на глаголы *«было»*, *«могли»*: формально они прошедшего времени). Значит ли это, что русские люди не верят в исполнение мечтаний, что они не умеют строить планы на будущее, а только оглядываются на прошлое? Ну нет же. Это только особенность грамматики, которая с реальностью не связана примерно никак. Так же обстоит дело и в случае с мужским родом.

Нейтральность мужского рода проявляется совсем не только в обозначениях профессий. Язык буквально пронизан им:

— Местоимения *«кто»*, *«кто-то»*, *«кто-нибудь»*, *«никто»*, *«некто»* и так далее — мужского рода, но используются они по отношению к человеку любого пола. Представим, что сестры разбили вазу; на шум приходит их мать и спрашивает: *«Кто это сделал?»* Не *«кто это сделала»*, а именно *«кто сделал»*, хотя она обращается к девочкам. Или преподаватель может сказать, что *«из первой группы на занятие никто не пришел»*, даже если в этой группе учатся только девушки. Мой маленький сын недавно спросил меня: *«Мама, а кто тебя родил?»* — и построил фразу грамматически безупречно, хотя родить по определению может только женщина. Просто сказать *«никто не пришла»* или *«кто родила»* по-русски (во всяком случае, в соответствии с литературной нормой) невозможно.

— При обращении к абстрактному собеседнику или в суждении о любом человеке тоже будут использовать-

ся формы мужского рода. Например, в статье об этапах детского развития может быть фраза: «Если ты *научился* читать в 4 года, это совсем не значит, что ты будешь читать лучше сверстников в 10 лет». «*Научился*», а не «*научилась*» — хотя речь идет о любом ребенке. Когда мы говорим: «Каждая сама себе хозяйка», мы имеем в виду только лиц женского пола, а вот сентенции вроде «*Каждый сам себе хозяин*» относятся уже к любому человеку — хоть к мужчине, хоть к женщине. Или вспомним булгаковское «За мной, *читатель!*». Женщины, чувствовали ли вы себя ущемленными в правах, когда читали «Мастера и Маргариту»?

— Пословицы и поговорки тоже часто содержат форму мужского рода как общекатегориальную. «*Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет*». «*Взялся за гуж, не говори, что не дюж*». «*Назвался груздем — полезай в кузов*».

— Слова «*оба*» и «*двое*», «*трое*», «*четверо*» и так далее, которые не употребляются с обозначениями лиц исключительно женского пола, вполне можно использовать по отношению к смешанным группам: «Встретил *обоих*: и Машу, и Ваню» (не *обеих*), «На нашем курсе только *трое* — Маша, Ваня и Аня — получили зачет автоматом».

— Ну и, конечно, формы мужского рода используются как общеродовые при обозначении не только профессий, но и национальности, религии, места жительства, черт характера и так далее, если среди обозначаемых есть хотя бы один мужчина: Мария, Анна и Иван — *студенты, москвичи, россияне, отличники или лентяи*, а не студентки, москвички, россиянки, отличницы или лентяйки.

Унизительны ли эти языковые особенности, делают ли они женщин невидимыми? Нет, конечно. Они совершенно естественны для русского языка и абсолютно нейтральны.

Представляем ли мы исключительно мужчин, когда используем подобные конструкции? Тоже нет. Стало быть, аргумент 4 вполне можно считать несостоятельным.

Аргумент 5

«А из-за чего мужской род стал нейтральным, вы не задумывались? Конечно, из-за патриархата. Мужчины тысячелетиями подавляли женщин, и, разумеется, это отразилось в языке. Но теперь это пора изменить, а использовать мужской род как нейтральный – значит поддерживать патриархат».

Это очень распространенная среди феминисток точка зрения. Из-за нее некоторые выдвигают куда более радикальные предложения по изменению языка, чем просто введение новых феминитивов. Например, вот отрывок поста в популярном феминистском паблике:

«Многие феминистки, и я в том числе, идут дальше употребления профессиональных феминитивов, пытаются выявлять сексистские конструкции и конструировать свою речь иначе. Так появились: “подружба”, “оклитореть”, “Свобода, равенство, сестринство”, “Кто сказала, что...”, “Любая может удочерить” (и про девочку и про мальчика) и т. д. Именно так появились феминитивы: человецица/человека, ребенка, подростка, младеница и т. д. Лично мне не очень нравится как звучат эти варианты к феминитиву слова человек, поэтому я использую вольно русифицированное (одобренное моей знакомой украинской языковедкой) за-

имствованное слово из сестринского нашему языку — “людиня”»¹⁴⁶ (авторская орфография и пунктуация сохранены).

Но на самом деле мы не знаем, почему мужской род стал нейтральным. И опять же: грамматический род — это, по сути, только согласовательный класс, и к мужскому роду принадлежат совсем не только обозначения мужчин, но и названия животных («волк», «заяц», «еж», «крокодил», «гусь»), предметов («стул», «портфель», «дом»), природных явлений («дождь», «снег») и так далее, поэтому нейтральность мужского рода как проявление патриархата сомнительна.

Можно было бы еще порассуждать, почему многие древние одушевленные существительные мужского грамматического рода («мужчина», «папа», «дядя», «юноша», «слуга», «староста») и имена вроде «Никита», «Фома», «Петя», «Вася» относятся к женскому морфологическому роду. Это что, наследие матриархата? Так себе предположение.

Но даже если мы примем версию о нейтральности мужского рода как наследия патриархата (ну допустим) — что с того? В языке много отголосков древних и уже не актуальных представлений о мире, которые никак не влияют на наше нынешнее восприятие действительности.

Например, мы с вами чуть ли не каждый день утверждаем, что Земля плоская, а Солнце движется то ли от одного ее конца до другого, то ли вокруг нее. Не верите?

А теперь вдумайтесь в слова «*восход*» и «*закат*». Вообще-то «*восход*» — это когда Солнце *восходит* над краем Земли, а «*закат*» — это когда оно за другой ее

край *закатывается*. А еще подумайте над словами «*вос-ток*» и «*запад*»: они тоже сформировались из-за представления о том, что Солнце откуда-то «*востекает*» и куда-то «*западает*».

Когда мы говорим «*где-то на краю Земли*», мы заявляем, что Земля плоская и где-то ее поверхность заканчивается. И когда используем слово «*небосвод*», тоже: просто вспомните, что такое «свод» в архитектуре.

Так, и что? Влияют ли все эти слова на наши теперешние представления о мире? Считают ли все носители русского языка, что Земля плоская? Разумеется, нет.

И это еще одно доказательство того, что не язык определяет сознание, а наши представления о мире часто отражаются в языке — и порой задерживаются там очень надолго, вплоть до того, что в языке эти представления еще есть, а в реальности их нет, причем давно.

При этом отдельные альтернативно одаренные граждане и впрямь до сих пор верят в плоскую Землю. Но виноваты ли в этом слова? И стоит ли удалить их из языка и чем-нибудь заменить, чтобы таких людей образумить? Поможет ли это? Что-то мне подсказывает, что вряд ли.

Аргумент 6

«Может, нейтральность мужского рода и естественна. Но ведь и феминитивы тоже естественны! И раньше они были, и сейчас прекрасно себя чувствуют — нельзя же игнорировать всех “спортсменок” и “комсомолок”?»

Да, совершенно верно! Это достойный аргумент в пользу новых феминитивов.

Вообще феминитивы в названиях профессий можно условно разделить на несколько групп:

- Феминитив единственно возможен (нет нейтрального парного маскулинитива): «няня», «прачка», «швея», «сиделка».
- Феминитив обязателен или желателен к употреблению, нейтрален: «актриса», «спортсменка», «балерина», «танцовщица», «певица».
- Литературный феминитив существует, часто используется в живой разговорной речи, но редко или никогда — в официально-деловой. В целом осознается как неофициальный, чаще используется по отношению к другим, чем к себе: «писательница», «учительница», «директриса», «секретарша», «кассириша», «блогериша», «юристка».
- Феминитив существует, но имеет сниженные, пренебрежительные коннотации: «врачиха», «повариха», «русичка», «физичка», «парикмахерша», «авторша», «докторша».
- Феминитив до недавнего времени не использовался или употреблялся крайне редко: «авторка», «докторка», «пилотесса», «психологиня», «филологиня».

И да, действительно, почти никто не протестует против использования феминитивов первых двух групп. Более того, они с точки зрения литературной нормы обязательны к использованию: вряд ли кто-то скажет о женщине, что она «нянь» или «певец». Главным образом эти феминитивы обозначают женщин в тех профессиях, которые были традиционно женскими (1 группа) и в которых пол имеет или раньше имел действительно большое значение (2 группа).

Лингвист *Ирина Фуфаева*, автор книги «Как называются женщины», отметила, что в языке есть и другие области, где феминитивы обязательны¹⁴⁷. Это обозначения:

- жительниц стран, городов, деревень и так далее;
- национальной принадлежности женщин;
- представительниц религий.

Мы не можем назвать женщину «москвичом» или «парижанином», «немцем» или «французом», «христианином» или «буддистом». Мы обязательно скажем о ней «москвичка», «парижанка», «немка», «француженка», «христианка», «буддистка». И нам даже в голову не приходит вопрос: «Зачем подчеркивать пол при указании национальности или религии, какое он имеет значение?»

Скорее всего, такая последовательность и четкость разделения на феминитивы и маскулитивы вызвана тем, что создавались они примерно в одно время, — в отличие от названий профессий, многие из которых действительно употреблялись изначально только для обозначения мужчин просто потому, что женщины из-за ситуации в обществе редко имели возможность работать по такой специальности.

Кто знает, возможно, когда-нибудь и в названиях профессий наступит такой же порядок. Впрочем, обозначения жителей, национальностей и представителей религий употребляются куда реже, чем названия профессий, и существенное влияние на них вряд ли могут оказывать. Но, во всяком слу-

чае, прецедент для последовательного употребления феминитивов в языке есть.

Однако почему-то в последние сто лет наблюдалась обратная тенденция: даже многие привычные феминитивы («*учительница*», «*журналистка*», «*секретарша*») стали восприниматься как слишком неформальные и употребляться все реже, а к многим маскулинитивам вроде «*врач*» нейтральные пары вообще так и не появились. А ведь до XX века феминитивы в русском языке всегда без проблем образовывались для обозначения тех профессий, в которых были заняты женщины. Кого только не было, например, в XVII веке: и «*банищица*», и «*калачница*», и «*кружевница*», и «*капустница*», и «*ключница*», и «*казначая*», и «*дворница*», и «*ткаля*», и «*пряля*»... Ирина Фуфаева отмечает:

«С феминитивами в эту эпоху все обстоит просто отлично. Можно сказать, благословенное время видимости женщин. А как с остальным типа равноправия, возможности определять свою судьбу, равного участия в жизни государства? Прямо скажем — не ахти»¹⁴⁸.

И оказывается, что феминитивы-то на самом деле были нужны совсем не для того, чтобы заявить о равноправии. Они были нужны для того, чтобы, наоборот, подчеркнуть инаковость женщин, их отделенность от мира мужчин.

«Наивно полагать, что феминитивы отвечали потребности отражать женщин в языке как равноправных субъектов — скорее необходимости вербально отделять их от мужчин как чего-то иного»¹⁴⁹, — пишет Ирина Фуфаева. До XX века женщина выглядела иначе, одевалась иначе, жила иначе — и называлась иначе.

На рубеже XIX–XX веков существовало много занятных феминитивов. Их мы можем увидеть в уже не раз упоминавшемся «Словаре неправильностей» Долопчева¹⁵⁰: «авторка», «приятелька», «обвинителька», «товарищка», «учителька» и даже «фруктиса» («это опасная фруктиса» — как мы сейчас можем сказать о мужчине, что он «тот еще фрукт»). Все они вынесены в словарь в качестве неправильностей, и Долопчев предлагает заменять их словами мужского рода. Получается, ту самую ненавистную многим «авторку» придумали больше ста лет назад. Только она еще тогда не прижилась.

В двадцатом веке происходит сдвиг и в общественной жизни, и в обозначениях профессий. Женщины отрезают волосы, отказываются от корсетов, укорачивают юбки и даже меняют их на брюки (все из-за мизогинии) и, наконец, осваивают многие профессии и начинают работать наравне с мужчинами. И называться так же, как мужчины, отражая сближение гендерных ролей. Исключения составляют только названия традиционно женских профессий и тех, где указание на пол по-прежнему остается важным: «няня», «сиделка», «певица», «актриса», «балерина», «легкоатлетка», «фигуристка» и так далее.

Да, нельзя отрицать тот факт, что первоначально феминитивов не было у названий многих профессий из-за того, что женщины просто не имели возможности ими овладеть. Но нельзя и замалчивать то, что русский язык почему-то не образовал нейтральные феминитивы, когда женщины эту возможность наконец получили, — а ведь раньше он делал это всегда. Может, он решил пойти по новому пути?

Хотя на самом-то деле путь не такой уж и новый. Даже больше — это путь по проложенным рельсам. Язык просто использовал те возможности, которые в нем уже были, — нейтральность мужского рода и потенциал к расширению группы слов общего рода.

Есть мнение, что слова мужского рода по отношению к женщинам до XX века не употреблялись вовсе. Это не так. Несмотря на то что обычно действительно использовались феминитивы, формы мужского рода тоже иногда в таких контекстах встречались даже при наличии стилистически нейтрального феминитива.

Например, Достоевский в романе «Идиот» характеризует сестер Епанчиных:

«Старшая была музыкантша; средняя была замечательный *живописец*».

Примечательно, что для старшей сестры используется феминитив, а для средней — нет, причем присутствует еще и характеристика «замечательный». И да, слово «художница» было тогда в ходу.

После смерти Екатерины Романовны Дашковой в 1810 году ее племянница пишет текст для медной доски возле надгробия:

«Здесь покоятся тленные останки княгини Екатерины Романовны Дашковой, урожденной графини Воронцовой, штатс-дамы, ордена св. Екатерины *кавалера*, императорской Академии наук *директора*, Российской Академии *президента*, разных иностранных Академий и всех российских ученых обществ *члена*».

Княгиня Наталья Долгорукова, последовавшая за мужем в ссылку, в 60-е годы XVIII века пишет в мемуарах:

«Я доказала свету, что я в любви верна: во всех злополучиях я была своему мужу *товарищ*».

Еще двадцатью годами ранее русский географ и историк Василий Татищев в «Духовной» наставляет сына:

«Паче же имей то в памяти, что жена тебе не раба, но *товарищ*, помощница во всем и *другом* должна быть нелицемерным, так и тебе к ней должно быть, в воспитании детей обще с нею прилежать...»¹⁵¹

Вполне феминистское заявление, особенно по тем временам, не так ли?

Такие примеры встречаются даже в древних текстах. Вот «Книга преподобнаго и богоноснаго отца нашего Никона, игумена Черныя горы» XIV века. Встречаем там такую фразу:

Бѣ же ємѹ сестра блудѣ творѹщи въ градѣ и многамѣ дѣшамѣ ходатаи вываѹщи пагубѣ («Была же у него сестра, блуд творящая в городе и многим душам *ходатай* бывающая погибели»).

Здесь употреблено именно слово «*ходатай*», хотя вообще-то о женщине обычно говорили «*ходатаица*».

А вот «Кормчая Рязанская» 1284 года:

Повѣлѣваетъ оубо правило. хр(с)тыѧномѣ поимати о(т)еретикѣ дѣщери. аще хр(с)тыѧнѣ быти ѡбѣщається¹⁵² («Повелевает так правило: христианам брать в жены дочерей еретиков, если *христианином* быть обещается»).

А здесь используется «*христианин*» вместо «*христианка*».

Поэтому конструкции вроде *«врач сказала»* — совсем не языковое извращение, а просто использование слова немаркированного мужского рода в нейтральной позиции, в роли указателя на лицо, а не на пол этого лица — и это, как мы убедились, имеет давнюю традицию и русскому языку вполне свойственно. А феминитивы — скорее возврат к более архаичным представлениям о том, что женщина — существо «инаковое», которое даже в профессиональной сфере должно быть посредством языка от мужчины отделено.

Назвать женщину *«доктором»*, *«профессором»*, *«художником»* или *«филологом»* — это вовсе не странно и совсем не мизогинистично.

Аргумент 7

«Нет, именно мизогинистично. Внутренняя мизогиния — пренебрежение ко всему женскому, которое транслируют сами женщины. Из-за патриархата у самих женщин сложился стереотип, что быть женщиной, да еще и говорить об этом — унизительно, поэтому и феминитивы им кажутся звучащими пренебрежительно».

Да, в ответ на отказ использовать новые феминитивы часто слышны обвинения во внутренней мизогинии.

Достается даже Марине Цветаевой, которая, как известно, не любила слово *«поэтесса»* и называла себя поэтом. Цветаева, написавшая «Бог, не суди! — Ты не был / женщиной на земле!»¹⁵³, оказывается, втайне презирала проявления в себе всего женского.

Но, думается, дело здесь вовсе не в мизогинии, а в банальном стилистическом чутье. Давайте подумаем, как Цветаева могла воспринимать слово *«поэтесса»*.

У многих суффиксов, с помощью которых образуются феминитивы, есть дополнительные коннотации, оттенки зна-

чения. К тому же мы иногда невольно сравниваем похожие слова друг с другом, и это тоже влияет на наше восприятие.

Тот самый суффикс *-есс(а)* в слове «*поэтесса*» малопродуктивен и довольно редок в русском языке. Появился он в Петровскую эпоху вместе с заимствованными титулами «*баронесса*», «*дюшесса*» (то же, что «герцогиня»), «*принцесса*», «*виконтесса*». Позже с его помощью из употребимых феминитивов были образованы разве что «*патронесса*» («покровительница») — и «*клоунесса*» с «*метрессой*» (любовницей). В середине XX века появилось еще и вполне нейтральное «*стюардесса*», но если Цветаева его и знала, то оно все равно было для нее еще некоторым экзотизмом. Поэтому суффикс в слове «*поэтесса*» ассоциировался с чем-то, с одной стороны, вычурным, а с другой стороны, комичным, несерьезным.

Так и «*спецкорка*» или «*докторица*» отвергаются самими женщинами вовсе не потому, что эти женщины считают себя людьми второго сорта. Все гораздо проще: новые феминитивы часто образованы без учета языковых законов и стилистических коннотаций, случайным соединением основ и суффиксов.

Ну нельзя просто так взять и прилепить к корню первый попавшийся суффикс и при этом не сесть в стилистическую лужу.

Посмотрим на названия профессий мужского рода. Они образуются с помощью вроде бы вполне нейтральных суффиксов *-чик*, *-щик*, *-арь*, *-ор/-ер/-ёр*, *-тель*, *-ец* («*асфальтоукладчик*», «*кровельщик*», «*токарь*», «*дирижер*», «*лектор*», «*учитель*», «*певец*»). Но что, если мы эти суффиксы попробуем поменять местами и приставить к основам произвольно? Получатся какие-нибудь «*асфальтоукладарь*», «*учильщик*», «*дири-*

жец», *«лектитель»*, *«токёр»*, *«певчик»*... Мужчины, почему бы вам не назваться так? Ах, вам слова не нравятся? Распишитесь во внутреннем мужененавистничестве! (нет)

Большинству людей просто не нравится, как звучат новые феминитивы. И это вполне объяснимо: далеко не от каждой основы их легко образовать, одного универсального и нейтрального суффикса тоже не существует.

О некоторых суффиксах и вовсе ходят мифы: например, почти каждый раз при упоминании суффикса *-ш-* для образования феминитивов находится кто-нибудь, кто скажет, что этот суффикс не годится, потому что имеет значение «чья-то жена». Да, *«генеральшей»* принято называть жену генерала. Но как тогда быть с *«секретаршей»*, *«лифтершей»*, *«кассиршей»*, *«дублершей»*? А *«маникюрша»* — разве «жена маникюра»? Конечно, *-ш-*, как и многие другие суффиксы, просто многозначен и вполне может обозначать деятельницу. Но существительные, образованные с его помощью, часто имеют разговорную окраску, поэтому для новых нейтральных феминитивов он даже с точки зрения их сторонников все равно не вполне подходит.

Многие таким нейтральным суффиксом пытаются обьявить *-к-*, и именно с его помощью образовано большинство новых феминитивов: *«редакторка»*, *«блогерка»*, *«авторка»*.

Но с суффиксом *-к-* возникает одна проблема... Нет, не его многозначность и пренебрежительное звучание: в конце концов, ничего такого в словах *«студентка»*, *«артистка»*, *«спортсменка»* мы не замечаем.

Вслушайтесь в эти слова. Проставьте в них ударения.

Заметили, что оно все время падает на слог, предшествующий суффиксу? *«Гимна́стка»*, *«соли́стка»*, *«фемини́стка»*... А в *«а́вторке»* или *«редáкторке»* все не так. Они нарушают этот маленький, но все же языковой закон, поэтому звучат так непривычно¹⁵⁴.

А как произносились подобные феминитивы — та же «авторка», например — сто лет назад во время составления словаря Долопчева, мы не знаем. В нем не стоят ударения — поэтому вполне возможно, что «*а́вторка*» была «*авто́ркой*». А может, и нет, поэтому уже тогда у многих вызывала недоумение.

С «*францу́женкой*» или «*петербу́рженкой*», к слову, все в порядке: в этих словах суффикс *-енк-*, а не *-к-* (иначе они были бы «*французкой*» и «*петербуржской*»).

А еще суффикс *-к-* плохо совместим с некоторыми согласными, из-за чего возникают неблагозвучные для русского уха сочетания звуков — например, в слове «*товарищка*». Да, такой феминитив вместо обросшего неприятными ассоциациями слова «*товарка*» тоже используется — и в словаре Долопчева можно найти и его.

Суффикс *-к-* также плохо подходит к тем словам, основа которых оканчивается на *-г* и *-к*. Точнее, подходит, но *-г* или *-к* нужно заменять на *-ж* и *-ч* (как в «*нога*» — «*ножка*» и «*рука*» — «*ручка*»), а это тоже не всегда уместно. Например, как образовать феминитив от слова «*филолог*»? «*Филологка*» — не выговоришь. «*Филоложка*» — смешно. «*Филологиня*», «*филологица*»? Спасибо, но я бы предпочла остаться «*филологом*» — и мизогиния здесь совершенно ни при чем.

Аргумент 8

«Может, феминитивы для многих звучат и нелепо, но это потому, что к “филологине” и “редакторке” люди просто еще не привыкли. Но язык меняется, правила ударения тоже — так зачем же сопротивляться новому? Это же пуризм».

Людам часто не нравятся языковые новшества, и такой пуризм часто и неоправдан, и довольно смешон (собственно, половина моей книги как раз об этом). Взять баталии по по-

воду тех же заимствований, которые часто объявляются признаком деградации и чуть ли не причиной гибели русского языка.

Но если заимствования входят в язык естественно и быстро закрепляются в речи сами собой, даже будто помимо воли говорящего (вроде смеемся над молодежным жаргоном, но сами нет-нет да и ввернем какие-нибудь «хайп» или «окей» в свою речь), — то новые феминитивы очень активно продвигаются в течение нескольких лет довольно узкой группой активистов, но в речь абсолютного большинства людей так и не вошли.

И ведь сейчас не первая волна новых феминитивов. Возникали они и на рубеже XIX–XX веков, и словарь Долопчева их зафиксировал. Пытались их продвигать и в середине XX века с той же целью — повысить видимость и значимость женщин. Вот, например, отрывок из рассказа Ивана Ефремова «Юрта ворона» (1958 г.):

«Фомин насупился, вздохнул и, чтобы перевести разговор, спросил:

— Жена ваша, она тоже геологом работает?

— Да, — улыбнулся Александров, — настоящая геологиня!

— Как это вы сказали — геологиня? — переспросил Фомин.

— Это я выучился называть от студентов. Мне нравится, и, кажется, так правильнее.

— Почему правильнее?

— Да потому, что в царское время у женщин не было профессий, и все специальности и профессии назывались в мужском роде, для мужчин. Женщинам оставались уменьшительные, я считаю — полупрезри-

тельные названия: курсистка, машинистка, медичка. И до сих пор мы старыми пережитками дышим, говорим: врач, геолог, инженер, агроном. Женщин-специалистов почти столько же, сколько мужчин, и получается языковая бессмыслица: агроном пошла в поле, врач сделала операцию, или приходится добавлять: женщина-врач, женщина-геолог, будто специалист второго сорта, что ли...

— А ведь занятно придумал, Кирилл Григорьевич! Мне в голову не приходило...

— Не я, а молодежь нас учит. У них верное чутье: называют геологиня, агрономиня, докториня, шофериня».

Но ни на рубеже XIX–XX веков, ни в середине XX века кампании по продвижению новых феминитивов не увенчались успехом. Похоже, язык им пока все же сопротивляется.

А вот конструкции с названиями профессий в роли слов общего рода уже давно прижились и употребляются все чаще.

Впрочем, сейчас мы наблюдаем беспрецедентную ситуацию: СМИ и многочисленные блоги в интернете настолько общедоступны и влиятельны, что действительно при частом употреблении новые слова могут распространяться и укореняться в языке очень быстро (правда, надолго ли — другой вопрос). Их часто видишь и к ним привыкаешь. Вполне вероятно, некоторые новые феминитивы все-таки смогут примелькаться и войти в язык. *«Филоложка»*, *«товарищка»*, *«врачка»* или *«спецкорка»* — вряд ли, а вот *«блогерка»* и *«авторка»* — возможно.

А вот те, кто стремится насаждать абсолютно все феминитивы любой ценой, гораздо ближе как раз к пуристам,

а не к прогрессистам: и те и другие пытаются навязать языку определенную лексику (хоть «авторку» вместо «автора», хоть «приказчика» вместо «менеджера») и отвергают его естественное развитие в угоду политической или общественной повестке.

Многих раздражают даже не столько сами феминитивы как таковые, сколько их слишком навязчивый, скажем так, пиар и попытка насильственно переделать язык. А если учесть отсутствие прямого влияния языка на мышление, становится и вовсе непонятно, ради чего все это нужно.

Идея, что язык устроен как-то неправильно, что он кого-то унижает и поэтому его надо переделать, — идея так себе. Потому что она унижает язык.

Аргумент 9

«Даже если внедрение феминитивов – это насилие, что с того? Ведь оно делается во благо. Да и в чем насилие? У нас просто появится много новых слов. Неужели язык из-за этого развалится?»

Конечно, не развалится! Пока у языка много носителей и он не ограничен в употреблении ни в одной из сфер, исчезновение ему не грозит.

Но какие-то изменения, скорее всего, в нем произойдут — и возможно, они будут для сторонников феминитивов неожиданными. И не факт, что эти изменения им понравятся.

Обязательное употребление феминитивов поделит всех людей на две группы — на мужчин и на женщин. А ведь сторонники феминитивов — это часто сторонники и «новой этики», которая призывает бороться за права меньшинств. Например, за права тех, кто не хочет причислять себя ни к одному из этих гендеров. С точки зрения активистов, веро-

ятно, справедливо было бы придумать отдельные «-тивы» для каждого предполагаемого типа гендерной идентичности — но их так много, что это в принципе невозможно.

А что будет, если избавиться от «пережитка патриархата» — формы мужского рода как общеродовой и нейтральной?

Тогда говорить на русском языке станет неудобно, потому что мы лишимся возможности обозначить лиц обоих полов сразу¹⁵⁵.

Сейчас, читая объявление «В школу требуются *преподаватели* русского языка», мы понимаем, что пол соискателя не важен. Ищут и преподавателей-мужчин, и преподавателей-женщин. Но если в языке появится четкое разделение форм мужского и женского рода, то как же тогда писать такие объявления? «Требуются *преподаватели* и *преподавательницы*»? Получается довольно громоздко, и такие формулировки явно противоречат закону речевой экономии.

Но этот пример еще ничего. А как, например, нужно будет задавать вопрос вроде: «Какой *писатель* сочинил этот роман?» Неужели так: «Какой или какая *писатель* или *писателька* сочинил или сочинила этот роман?»

И форму «*писателька*» я употребила не случайно: это один из новых феминитивов, предлагаемый взамен якобы устаревшей «*писательницы*» — как «*авторка*» вместо «*авторши*», «*директорка*» вместо «*директрисы*», «*актерка*» вместо «*актрисы*», «*поэтка*» вместо «*поэтессы*»...

А если будет реализована другая инициатива — избавление от «сексистских конструкций»? Например, если фразы «*кто это сделал*» или «*никто не хотел*» будут заменены на «*кто это сделала*» и «*никто не хотела*»?

Это уже перестройка грамматики, и тут реакцию языка предсказать сложно. Но она с большой вероятностью последует, потому что изменения в одной области грамматики

обычно по принципу домино влекут изменения в других областях, чтобы язык продолжал оставаться цельной и сбалансированной системой. Могли ли англичане тысячу лет назад предположить, что из-за ударения преимущественно в начале слов и, следовательно, невнятного произношения на конце существительных у них постепенно пропадут окончания, а вместе с ними — типы склонения, падежи и грамматический род*? Вот и мы не можем предположить, к чему приведут такие игры с русской грамматикой.

Если бы грамматика была способна менять реальность и все неудобства компенсировались бы улучшением положения женщины, тогда на такие изменения еще можно было бы пойти. Но ведь это так не работает. Хотя вряд ли такое радикальное изменение грамматики по воле группы людей в принципе возможно.

* * *

Напоследок — небольшой дисклеймер.

Этот текст написан не для того, чтобы с помощью перечисленных аргументов вы могли накинуться на тех, кто использует или, наоборот, не использует новые феминитивы. Этот текст — для того, чтобы вы внимательно и всесторонне изучили все за и против, поняли, какие аргументы сильны, а какие — нет, приняли свое осознанное решение и смогли его отстоять, если кто-то вдруг решит вас за него осудить.

Примет ли язык новые феминитивы или продолжит развиваться в сторону расширения слов общего рода, мы не знаем. Отдельные люди — я, вы, фем-активисты, лингвисты — тут

---

* Впрочем, это только одна из гипотез о причинах исчезновения падежей в английском языке.

ничего не решают. Сказать «да» или «нет» феминитивам может только сам язык, и любой исход будет правильным.

А пока каждая женщина решает сама, быть ей *«автором»* или *«авторкой»*, *«филологом»* или *«филологиней»*, *«режиссером»* или *«режиссеркой»*, *«доктором»* или *«докторкой»*... Самоопределение — выбор каждого, и никто не вправе на него посягать.

Думаю, нужно просто оставить язык в покое и дать ему развиваться естественно. И даже неважно, в каком направлении — феминитивов или слов общего рода. Главное, чтобы язык сделал этот выбор сам.

РЕЗЮМЕ

Иногда совы не то, чем кажутся. И слова, которые кое-кем считаются чуть ли не языковыми отбросами, вполне могут оказаться осужденными несправедливо.

Конечно, у всех есть свои любимые слова — и свои языковые триггеры. Если вам не нравятся слова «*кушать*» или «*извиняюсь*», никакая книжка с обоснованиями их нормальности не может и не должна заставлять вас их использовать.

Но что эта книжка, надеюсь, все-таки сделает — так это повысит языковую терпимость.

Говорите так, как вам нравится, — но не нападайте на тех, кто говорит иначе.

ЧАСТЬ 2

**Ученые VS лингвофрики:
споры о прошлом
русского языка**

10 ПРИЗНАКОВ ЛЖЕНАУЧНЫХ ТЕОРИЙ О ЯЗЫКЕ

Кто такой лингвофрик?

Это лжелингвист, который строит очень интересные, подчас даже захватывающие, но абсолютно ненаучные теории о языке.

Сейчас такие теории распространены как никогда, ведь путь к известности стал очень коротким: любой человек может завести блог и начать транслировать свои идеи на достаточно большую аудиторию. С одной стороны, это здорово: если блогер действительно талантлив и сеет разумное, доброе, вечное, ему будет проще найти единомышленников и сделать мир чуть лучше и осмысленнее. С другой стороны, легко происходит и обратное: любой лжеученый может проповедовать, к примеру, лечение рака содой или теорию плоской Земли и даже неплохо на этом зарабатывать.

Конечно, шарлатаны и просто недобросовестные исследователи-самоучки были всегда. Но именно сейчас они получили возможность завести канал на ютубе или блог в Яндекс.Дзене — а уж алгоритмы позаботятся, чтобы все пользователи интернета, которые интересуются эзотерикой, псевдонаукой, альтернативной историей или медициной, нашли своих авторов.

Распространению лженауки изрядно способствует и философия *постмодернизма*, согласно которой истины не суще-

ствуется, есть лишь множество мнений — и любое из них имеет право на существование. А дискуссии по научным вопросам на телевидении и в интернете между учеными и профанами лишь ставят их в равное положение в глазах зрителей, и выигрывает такие дебаты не тот, кто разбирается в предмете лучше, а тот, кто харизматичнее, кто говорит увереннее и умеет удерживать внимание публики.

Любительская лингвистика сейчас переживает небывалый расцвет: если в областях математики или физики большинство людей все же осознает необходимость специального образования, то лингвистические построения, по убеждениям очень многих, никаких особых знаний не требуют.

«Все мы используем язык каждый день, а значит, можем легко понять, как он устроен», — рассуждают обыватели.

Но всякий ли знает, как устроены легкие, если умеет дышать? Сможет ли любой человек объяснить, как работает его смартфон, которым он пользуется каждый день? Знает ли обычный водитель, из чего состоит его автомобиль и почему он едет? Нет. Так же и с языком.

В рассуждениях лингвофриков во всей красе проявляется знаменитый *эффект Даннинга — Крюгера* — когнитивное искажение, которое состоит в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения, но не способны осознавать свои ошибки в силу того самого низкого уровня квалификации. Зато бывают очень вдохновлены «гениальностью» собственных открытий.

Чаше всего лингвофрики сочиняют красивые сказки о прошлом языка: придумывают альтернативные версии происхождения слов, рассказывают о таинственных древних

системах письменности... И, конечно, о том, что русский язык — самый древний, самый великий, вот только величие это мы якобы растеряли, поэтому нужно возвращаться к мудрости предков.

Обо всем этом рассуждать интереснее, чем о современном языке, а неспециалистам труднее проверить эту информацию.

Зачастую опознать лжелингвиста нелегко: для этого требуются специальные знания или обращение к словарям и научной литературе.

Но есть несколько признаков лженаучных теорий о языке, которые могут сразу насторожить.

Итак, лингвофрики:

1) Приписывают языку и письменности сакральный смысл. Очень часто псевдонаучные лингвистические теории идут в дополнение к неоязычеству и альтернативной истории. Мифы о языке хорошо вписываются в картину мира, которая предполагает невероятную мудрость предков, живших в согласии с богами и природой — и конечно, говоривших на особенном языке, эту мудрость и гармонию отражавшем. Каждое слово — закодированное послание предков, каждая буква — часть этого кода... Реформы орфографии, проведенные врагами русского народа, исказили язык, но обратиться к тайному знанию можно и сейчас — надо только заплатить деньги «*боянам*», которые всему научат, все разъяснят. Да, учителя одной из «школ истинного русского языка» действительно называют себя «*боянами*», это была не шутка.

Впрочем, распространять мифы о сакральности языка могут и люди, попросту обладающие магическим мышлением: верящие в гороскопы, приметы, теории заговора — то есть склонные видеть тайные смыслы и божественное вмешатель-

ство где угодно. Такие люди верят в силу слов: и в созидательную — когда слова способны менять сознание и раскрывать потенциал мозга, и в разрушительную — когда произнесенные или написанные «неправильные» слова могут навредить.

Согласно традициям многих народов, живущих вдали от цивилизации, нельзя произносить имя недавно умершего человека и иногда даже слова, похожие на него, из-за чего приходится придумывать некоторым предметам, животным или явлениям новые названия¹⁵⁶. И подобно им в XXI веке люди с высшим образованием всерьез полагают, что нельзя восклицать «*ничего себе!*» (ведь так мы якобы не оставим себе ничего), нельзя писать «*бессердечный*» или «*бесполезный*», потому что в этих словах есть «бесы» (об этом обстоятельный разговор еще впереди). И, конечно, нельзя материться, потому что *обценная лексика* разрушает ДНК и вызывает мутации. Даже Роскомнадзор в своих экспертизах¹⁵⁷ без тени сомнения говорит, что «бранное слово вызывает мутагенный эффект, аналогичный радиационному излучению мощностью в тысячи рентген». Для справки: при облучении дозой радиации свыше 700 рентген наступает смерть. И как при такой силе воздействия мата все мы до сих пор живы? Загадка...

Язык и в самом деле невероятно красив, интересен и сложен. И в определенной (но, надо сказать, не очень большой) степени он действительно отражает представления наших предков о мире. И все же язык — прежде всего средство общения и передачи информации, а письменность — просто система знаков для его записи.

Оговорюсь: есть религиозные люди, которые верят, например, в силу молитв, — но я пишу не о них. Религия не предполагает, что изменения происходят из-за самих слов. Изменения с точки зрения верующего человека происходят благодаря божеству, к которому этими словами можно обратиться.

Я пишу о тех, кто придерживается не религиозного, а магического мышления, веря в силу слов как таковых. Но никаких последовательностей букв или звуков, изменяющих сознание или, наоборот, вредящих людям, конечно, не существует, а тот, кто утверждает обратное, — лингвофрик.

2) Нападают на науку и ученых.

Если вы встречаетесь с заявлениями, что лингвисты придумали правила и даже теоретические сведения о языке «с крамольной целью испортить великие достижения предков», знайте: перед вами снова лингвофрик.

На самом деле ученые-лингвисты ничего не придумывают: они только описывают объективно существующее устройство языка. Точно так же, как физики не придумывают, а формулируют физические законы, а химики — химические формулы.

И, разумеется, никакого «заговора лингвистов» тоже нет. Более того, если ученые чего-то не знают или в чем-то сомневаются, они прямо говорят об этом. Белых пятен нет только в теориях лингвофриков: они могут объяснить происхождение любого слова, расшифровать какую угодно древнюю надпись — даже ту, которую не могут прочесть ученые всего мира. Ученые ведь или «глупы», или «скрывают».

Конечно, отдельные ученые могут ошибаться — но для того и существует научное сообщество, чтобы тщательно перепроверять каждое новое слово в науке и постоянно уточнять, дополнять и обновлять накопленные знания, если какой-то постулат действительно был опровергнут.

Каждый настоящий ученый, который совершил открытие, противоречащее общепринятым представлениям, должен прекрасно изучить те научные данные, которые он опровергает, и кропотливо и аргументированно доказать, почему существующее в науке представление неверно, а его открытие истинно.

Лингвофрики же поступают ровно наоборот: зачастую не имея даже базового филологического образования и не изучив труды тех, с кем спорят, они просто выдвигают свои теории и заявляют: «А попробуйте-ка опровергнуть!» Они нарушают базовый научный принцип, который получил название «*чайника Рассела*». Эта аналогия, предложенная философом и математиком Берtrandом Расселом, гласит, что бремя доказательства лежит на человеке, что-либо утверждающем, и нельзя перекладывать бремя доказательства на тех, кто должен это утверждение опровергать. Например, если уж кто-то заявляет, что по эллиптической орбите вокруг Солнца летает фарфоровый чайник, он должен это доказать, а не заставлять других опровергать свое заявление.

Кроме того, лингвофрики нарушают *критерий Поппера*. Этот критерий, сформулированный философом Карлом Поппером, состоит в том, что теория считается научной только в том случае, если существует возможность ее экспериментального или иного опровержения.

Теории, которые основаны лишь на фантазиях
и которые невозможно ни доказать, ни
опровергнуть, в принципе не научны.

Поэтому ученые не могут всерьез рассматривать заявления лингвофриков в духе: «А почему “радость” не от имени Ра? Почему нет? Слова создавались очень давно; мы при этом все равно не присутствовали».

Так придумать можно вообще все что угодно. Например, что неандертальцы поклонялись макаронному монстру, а динозавров истребили инопланетяне. А почему нет? Попробуйте опровергнуть!

С помощью принципа «ученые врут» можно оправдать любую иррациональную ересь и «разбить» все научные аргументы. Не найдены следы *докирилловской письменности*? Ученые просто их спрятали, чтобы скрыть великое прошлое славян. В этимологических словарях описано другое происхождение слова? Так это немец *Фасмер*^{*}, ненавидящий русских, все выдумал. В слове «радость» выделяется корень *-рад-*, а не *-ра-*, и это известно любому школьнику? Так учебники-то писали ученые, которые врут.

Очень удобно.

3) Несистемно подходят к языку.

Лингвофрик — не профессиональный лингвист, и он не подозревает, что лингвистика — точная и строгая наука, которую можно сравнить с математикой. Каждое изменение в слове происходит по определенным законам, и ученые давно выработали методы анализа языков, которые помогают довольно точно воспроизвести и объяснить словесные трансформации.

В интерпретации лингвофрика язык — это набор случайных слов, которые могут трансформироваться как угодно, без всякой системы.

---

^{*} Макс Фасмер — русский и немецкий лингвист, автор известного «Этимологического словаря русского языка».

Например, популярный псевдолингвист Виталий Сундаков заявляет, что «слово “свет” родственно словам “сверяться” и “вера”»¹⁵⁸, и ничем не подкрепляет свои слова. Однако в словах «сверяться» и «вера» исторический корень *-вер-*, и каким образом «*p*» заменилось на «*t*», совершенно непонятно: другие слова с той же трансформацией неизвестны. И еще непонятнее, откуда в слове «свет» взялась начальная *c-*.

На той же странице своей книги Сундаков (опять же, ничего не доказывая) утверждает, что этим словам родственно еще и слово «*восток*». При этом у «*света*» и «*востока*» общие разве что согласные «*c*», «*v*» и «*t*» — но почему они так поменялись местами? А ведь в слове «*восток*» и вовсе исторический корень *-ток-*, а *вос-* — только приставка: «*восток*» — место, где Солнце буквально «*востекает*» над горизонтом (сравните со словом «*восход*», оно образовано по той же модели от глагола «*восходить*»). Если это учитывать, можно легко понять, что слову «*свет*» или «*вера*» оно родственным быть не может.

Что же думают об изменениях и родстве слов лингвисты?

Чтобы подробнее рассказать об этом, нужно обратиться к нескольким базовым постулатам *компаративистики*, или *сравнительно-исторического языкознания*, — раздела лингвистики, который изучает историю языков и устанавливает родственные связи между ними.

Одно из главных и уже давних открытий компаративистики — *закон безысключительности фонетических (звуковых) изменений*. Он состоит в том, что *любая замена одного звука на другой происходит в тот же период времени во всех словах дан-*

ного языка, где этот звук находится в той же позиции. И не может быть так, что в одно и то же время в одной и той же позиции в каких-то словах одни и те же звуки изменились одним образом, в каких-то иначе, в каких-то не изменились вовсе. Нет: если уж изменение происходит, то оно системно и охватывает все слова. Исключения иногда случаются, но они очень редки и, как правило, объяснимы другими факторами.

Если человек не выговаривает какой-то звук в определенной позиции, он не выговаривает его в такой же позиции во всех словах и заменяет его одинаково (к примеру, [p] на [л]). Примерно так проходят и звуковые изменения в языке: его носители перестают, упрощенно говоря, выговаривать некоторые звуки и заменяют их на другие, и происходит это во всех словах¹⁵⁹.

Например, в славянских языках присутствовали два **носовых гласных** — похожие звуки сейчас есть во французском. Как именно звучали носовые гласные, неизвестно, тем более что в разных славянских диалектах они, по-видимому, произносились по-разному. Ученые предполагают, что в тех диалектах, которые легли в основу древнерусского языка, один носовой звучал примерно как [ä], а другой — как [ô] или [y] — только произносились они в нос. Именно для их записи в алфавит были введены «юсы» — буквы ѡ и ѣ. Но в восточнославянских языках около X века произошла утрата носового призвуча этих гласных (последовательно, во всех без исключения словах), и они заменились на привычные нам звуки [a] и [y] (а не на какие попало гласные). «Юсы» по традиции еще довольно долго писались на месте бывших носовых гласных, но позже заменились на буквы ѡ и ѣ (ѡѣ) (а еще позже — на «я» и «у»)¹⁶⁰. А сохранившиеся (не в исходном виде, но все же) носовые гласные можно обнаружить сейчас в польском и кашубском языках и в некоторых говорах македонского и словенского.

Те, кто знает или слышал белорусский язык, наверняка обращали внимание на то, что в нем звук [ч] всегда твердый. При этом в древнерусском языке — предке русского, украинского и белорусского — [ч'] был мягким. Таким он остался и в русском, а в белорусском отвердел — опять же во всех словах, а не в избранных, удобных для подтверждения какой-то альтернативной *этимологии*.

Чтобы объяснить закон безысключительности звуковых изменений, я привела довольно простые примеры. Но чаще бывает так, что звуки трансформируются только в определенных местах: перед гласными, после какого-то одного звука, в первом предударном слоге и так далее. Изучение и описание этих изменений — кропотливая и сложная работа, которая немыслима без специального образования и изучения научных трудов.

В родственных языках могут происходить разные изменения одних и тех же звуков, поэтому такие языки оказываются связаны между собой *регулярными фонетическими соответствиями*. Например, английское *th* в родственных словах соответствует немецкому *d*: *this* — *dies*, *then* — *dann*, *bathe* — *baden*, *both* — *beide*, *think* — *denken* и так далее.

Получается, о родстве двух слов нужно судить не по их одинаковому звучанию (оно вполне может оказаться случайным), а по тому, насколько различия в их звучании можно описать с помощью уже открытых фонетических соответствий.

Хороший пример соответствий такого рода приводит лингвист *Антон Сомин*. В *праславянском языке* (предке всех славянских языков) был звук [р'] (мягкий «р», как в современном слове «*рис*»), который дал в русском языке [р'], в белорусском [р], в чешском [рж], а в польском [ж], поэтому русское слово «*реки*» соответствует белорусскому «*рэкі*», чешскому *řeky* ([ржэки]) и польскому *rzeki* ([жэки])¹⁶¹. Обратите внимание на польскую орфографию, сохранившую когда-то присутствовавший в слове звук [р], который уже утрачен.

Такое соответствие звуков прослеживается во всех словах-наследниках праславянского (если не вмешивается какое-нибудь дополнительное правило). Например, посмотрим на перевод слова «*дерево*»: мы увидим в белорусском «*дрэва*», в чешском *dřevo* [држэво] (хотя в современном чешском слово имеет уже значение «древесина»), в польском *drzewo* [джэво]. А в поздних заимствованиях из иностранных языков это соответствие наблюдаться уже не будет: сравните русское «*реклама*» и белорусское «*рэклама*», но чешское и польское *reklama*.

Но лингвофрик не утруждает себя изучением звуковых изменений и регулярных фонетических соответствий. Он знает лишь, что слова могут меняться, причем существенно, и интерпретирует это свойство так: любой звук может трансформироваться как угодно по воле фантазии автора.

Академик **Андрей Анатольевич Зализняк**, один из лучших лингвистов нашего времени, боровшийся с любительским языкознанием, в лекции «О профессиональной и любительской лингвистике»¹⁶² (которую, будь моя воля, я бы перепечатала здесь полностью — но вынуждена просто предложить ее прослушать или прочесть в интернете) сказал очень точно:

«Ясно, что при таких безбрежных степенях свободы у любителя нет никаких препятствий к тому, чтобы сравнивать (и отождествлять) практически что угодно с чем угодно — скажем, *пилот* и *полет*, *саван* и *зипун*, *сатир* и *задира* и так далее до бесконечности.

Лингвист-любитель катастрофически не замечает того, что его способы действия позволяют дать не только то решение, которое он предлагает, но и множество других, его совершенно не устраивающих, но столь же допустимых с точки зрения его методики. Никакого от-

вета на вопрос, почему он выбрал именно это решение среди десятков возможных, кроме “я так вижу” или “это я угадал”, он дать не может».

4) Считают, что согласные важны, а гласные – нет.

Этот принцип лингвофрики объясняют тем, что существуют системы письменности, где при записи слов используются только согласные (или преимущественно согласные): например, так устроена письменность финикийского языка, арабского, иврита. Но, во-первых, славянская письменность такой не была никогда: во всех, даже в древних, памятниках славянской письменности гласные писались во всех словах, за исключением некоторых сокращений сакральных понятий. Тот, кто утверждает обратное, никогда не вчитывался в древнерусские памятники письменности, ведь среди них нет ни одного, в котором последовательно пропускались бы гласные буквы. Во-вторых, письменность — вещь вторичная. Даже если гласные не пишутся, они все равно произносятся и никуда не исчезают.

В действительности гласные — такие же важные звуки, как и согласные. Да, гласные часто подвержены бóльшим трансформациям, чем согласные, но трансформации эти точно так же происходят по строгим и регулярным законам.

Пример очень заметного (и, конечно же, последовательного) звукового изменения из истории русского языка — процесс так называемого *падения редуцированных*¹⁶³.

Вы задумывались, почему выпадает гласный корня в словах «рот-рта», «сон-сна», «пень-пня», «день-дня»? Именно из-за него — из-за падения редуцированных.

Сейчас в русском алфавите есть две занятные буквы, которые не обозначают звуков: речь, конечно же, о твердом и мягком знаке («ѣ» и «ѥ»). Но примерно до XI–XII века все было иначе: **ѣ** и **ѥ** обозначали реальные гласные, и были они сверхкраткими (или, если более научно, *редуцированными*). Вероятно, они звучали примерно так, как мы теперь в беглой речи произносим гласные первого слога в словах вроде «паровоз» и «снеговик».

Но около XI века произошло то самое падение (исчезновение) редуцированных. В каких-то позициях **ѣ** и **ѥ** удлинились до гласных [о] и [э] — например, под ударением. А в других позициях редуцированные просто утратились — в частности, на концах слов и в безударной позиции перед слогами с обычными гласными.

Те самые слова «рот», «сон», «пень», «день» записывались в ранних памятниках древнерусской письменности так: **рътъѣ**, **съньѣ**, **пньѣ**, **дньѣ**. Здесь, в именительном падеже, редуцированные в корне стали обычными гласными, так как стояли под ударением, — а на конце слова они утратились. В родительном же падеже — **ръта**, **съна**, **пня**, **дня** — редуцированный корня оказался в безударной позиции перед слогом с обычным гласным, поэтому и утратился. Из-за этого и возникли так называемые *беглые гласные* в словах типа «рот-*та*».

А вот в существительных вроде «нос-*носа*», «конь-*коня*» или «лес-*леса*», «село-*села*» никакого выпадения гласного в корне нет, потому что и редуцированного там не было. Эти слова писались так: **носьѣ**, **коньѣ**, **лесьѣ**, **село** — и произносились соответственно.

Утратились редуцированные и на конце слов. И если **ь** там хотя бы продолжил обозначать мягкость предшествующего согласного, то **ѣ** продержался еще 800 лет просто по традиции, не обозначая ничего. Помните до-революционные тексты и вывески вроде «*трактиръ*», «*банкъ*», «*хлѣбъ*»? Так вот: это наследие того, что тысячу лет назад все слова тогда еще древнерусского языка оканчивались на гласный — либо обычный, либо редуцированный.

Итак, редуцированные не беспорядочно утрачивались или превращались в какие угодно гласные. Процесс их «падения» подчинялся строгим правилам. Точно так же и с остальными гласными.

Но лингвофрикам такие правила неизвестны, поэтому в их сочинениях и можно встретить утверждения, что гласными можно пренебрегать. Вот, к примеру, как пишет об этом известный псевдолингвист Александр Драгункин:

«Базой, “скелетом” слова, повторяю, всегда служат только согласные, так как гласные очень неустойчивы, они могут изменяться хаотически, зачастую могут даже совсем исчезать»¹⁶⁴.

Какой же пример исчезновения гласной приводит Драгункин? Формы «*рот-рта*»! А ведь на самом деле в них просто по-разному (но в соответствии со строгой системой!) реализовался редуцированный **ѣ**.

Пренебрежение гласными позволяет Драгункину высказывать очень смелые идеи. Например, в глаголах, описывающих речепроизводство, он выделяет такие значимые согласные:

«гоВоРить», «изЛаГать», «сКаЗать». Из-за одинаковых согласных Драгункин сближает эти глаголы с другими:

«Согласные — это база, а гласный — связка. Получается: “ВР” — “врать”, “ЛГ” — “лгать”, а третий — вообще вопиюще, — “КАЗ” — “искажить”. Это четкая демонстрация, для чего была создана речь. Только для того, чтобы прекратить обмен мыслями, чтобы мы не могли залезать в мысли друг друга и в мысли Бога»¹⁶⁵.

И такого рода построениями заполнены все книги и выступления Драгункина.

Заявления о том, что гласные совершенно неважны и на них при установлении происхождения слова можно вообще не обращать внимания, — 100% признак лингвофрика.

5) Игнорируют морфемное членение слов.

Морфемы — это всем со школьной скамьи известные корень, приставка, суффикс, окончание. Например, в слове «*вера*» корень *-вер-* и окончание *-а*, которое меняется в зависимости от падежа: «*вер-а*», «*вер-ы*», «*вер-е*», «*вер-у*», «*вер-ой*». В слове «*небеса*» — корень *-неб-*, суффикс множественного числа *-ес-* (как в «*словеса*», «*телеса*» или «*чудеса*») и окончание *-а*.

Именно с помощью морфем (кроме окончания) образуются большинство новых лексических единиц, за исключением аббревиатур и слов вроде «*сумасшедший*» (оно создано путем слияния других) — но по сравнению с числом слов, созданных с помощью морфем, их очень немного. Та же «*красота*» происходит от корня *-крас-*, к которому добавился суффикс *-от-* — такой же, как в словах «*доброта*», «*быстрота*», «*слепота*», «*правота*», «*чистота*» и так далее.

Но когда вам говорят, что «*ве-ра*» — это «*ВЕ*личие *РА*» (как, если «*р*» и «*а*» относятся к разным морфемам и оконча-

ние «а» вообще пропадает в других падежах?), «К-РА-СоТа» — это «К РА СТремление», а «не-беса» — место, где «нет беса», задумайтесь — и вы заметите, что слова разделены совсем не по морфемам, а произвольно.

Андрей Анатольевич Зализняк сравнивал подобное искусственное разделение слов с игрой в шарады: ведущий делит слово на части, которые заменяются на похожие по смыслу слова, и задача играющих — отгадать по этим заменам то слово, которое было загадано. «Вот прелестный пример: почему не говорят *«красна чья рожа»*? Ответ: потому что говорят *ал-кого-лик*. Лингвист охотно позабавится игрой *ал-кого-лик*, а вот любитель легко может поверить, что он открыл таким образом происхождение слова *алкоголик*»¹⁶⁶.

Но если лингвофрику напомнить о морфемах, он ответит, что их придумали коварные ученые, а раньше никаких морфем не было — но подобную логику мы уже обсудили. Конечно, слово «морфема» — сравнительно новый термин, но описывает он всегда существовавшую языковую единицу — как слово «кислород» тоже было придумано не так давно, но сам кислород существовал еще тогда, когда и людей (да и вообще живых существ) на планете не было.

Морфемы — основная единица словообразования почти во всех изученных лингвистами языках — и в крупных, и в исчезающих, и в языках изолированных племен, и в современных языках, и в древних. На каком же основании можно полагать, что в языке наших предков способ словообразования был другим?

6) Истолковывают обычные слова как аббревиатуры. Это вариация на тему предыдущего пункта, только слово разбивается вопреки морфемному членению не просто на части, а на отдельные буквы, каждая из которых имеет свое значение или становится первой буквой сокращенного слова.

Например, «*муж*» истолковывается как «Могущий Удовольствовать Жену» или «Мужчина, Ублажающий Жену». А ведь не нужно быть лингвистом, чтобы заметить: в слове «*мужчина*» выделяется корень *-муж-*, и это «*мужчина*» образован от «*мужа*», а не наоборот. И почему не «Может Угробить Жизнь», например?

А «*жена*», по мнению лингвофриков, — «Жизни Естества Надежда». Но почему не «Женщина, Единственная НА свете» или «Жарящая Еду для НАс»?

Или вот еще прекрасная расшифровка: «*поп*» — «Прах Отцов Предавший». Почему не «Папа, Одетый в Пижаму»? Никто не объясняет.

Аббревиация как способ образования полноценных слов — сравнительно новое явление, в древности она применялась крайне редко, особенно в русском языке. Все эти «*вуз*» (высшее учебное заведение) или «*загс*» (запись актов гражданского состояния) — довольно современные слова.

Так что когда вам говорят, что базовое, давно существующее в языке слово — это аббревиатура, не верьте: перед вами в чистом виде лингвофричество. Похожая лженаучная ересь, построенная якобы на глубинных «образах» каждой буквы, — «древлесловенская буквица», о которой я еще обязательно расскажу.

7) Считают, что письменность важнее речи.

Не стоят внимания и теории о том, что какое-то слово появилось, когда другое слово просто неправильно прочитали.

Такие случаи очень редки: например, история слова «*зенит*». Оно пришло в европейские языки из арабского (в средневековом арабском мире была очень развита математика и астрономия), где зенит называли *samt ar-ra's* (буквально «дорога головы») ¹⁶⁷. Буква *m* в слове *samt* при переписывании заменилась на *ni* из-за ошибок переписчиков, ведь написа-

ние этих символов похоже, особенно в готическом письме: там они представляют из себя три вертикальных палочки. Но *m* сохранилась в другом заимствовании с тем же корнем — «азимут» (от арабского *as-sumūt* — множественное число от *as-samt* — «дорога»)¹⁶⁸.

Но обратите внимание: в слове «зени́т» была неверно прочитана всего лишь одна буква.

И таких неправильно прочитанных слов крайне мало.

Нужно учитывать, что бо́льшую часть времени своего существования многие языки вообще не имели письменности. И даже когда письменность появлялась, овладевали ею, как правило, далеко не все, а лишь небольшое количество образованных людей.

Письменность – вещь вторичная, это только запись слов, которые уже существуют, – а язык живет и развивается независимо от того, если ли у него письменность или нет.

Поэтому постулат о происхождении каких-то слов (особенно базисной лексики, которая почти всегда формируется в бесписьменную эпоху) из неверного чтения — это, скорее всего, лингвофричество.

Еще один схожий миф, тоже вытекающий, по сути, из преувеличения роли письменности: якобы новые слова могут образовываться, если что-то прочесть наоборот. Зализняк в лекции «О профессиональной и любительской лингвистике»¹⁶⁹ привел пример подобных рассуждений: араб якобы видит название города *Тулы* и читает его привычным для себя способом справа налево — и так появляется новый топоним *Алут*.

Но если араб умеет читать славянские буквы, то он должен знать, в каком направлении они записываются. Если же не

знает, то это не очень умный араб, и остальные арабы к его прочтению прислушиваться вряд ли бы стали.

Еще один типичный пример: название «*Рим*» якобы образовано от русского слова «*мир*», прочитанного наоборот. Почему, по какой логике возникло обратное чтение, не объясняется, а то, что по-итальянски *Рим* называется *Roma*, вообще никого не интересует. Это ведь искажение славянского слова, которое скрыли ученые.

Ни одно, вообще ни одно известное ученым общеупотребительное слово не произошло таким способом, это возможно разве что в языковых играх или шифрах. Слышите про обратное чтение (скажем, что английское *help* произошло от прочитанного наоборот русского «*плѣх (о)*» — и не спрашивайте меня, почему не «*плохо*», а «*плѣхо*», мне это неведомо) — знайте: перед вами лингвофрик.

8) Объясняют современные иностранные слова с помощью современных же русских слов.

Strawberry — «с трав бери», *бритты* — «бритые», *Лондон* — «лоно Дона», *лорд* — «лоно рода», а *леди* — «славянская богиня Лада»...

Вы, надеюсь, сейчас улыбаетесь, а вот лингвофрики действительно так расшифровывают слова. Им почему-то не приходит в голову, что языки с течением времени довольно существенно меняются. Если русские слова были заимствованы англичанами в глубокой древности, то и звучали они тогда по-другому, да и сами английские слова потом должны были существенно трансформироваться. Лингвофрики вряд ли изучали древние рукописи и учебники по истории языков, чтобы об этом знать.

Английский язык по сравнению с русским изменился за последнюю тысячу лет гораздо сильнее. Если обычный носитель русского языка, не имеющий лингвистического об-

разования, все же сможет разобрать отдельные слова в древнерусских текстах и иногда даже понять их общий смысл, то современный англичанин в древнеанглийских разберется едва ли (если он, конечно, не лингвист). То же слово *lord* в древнеанглийском писалось как *hlāfweard* (от *hlāf* — «хлеб» и *weard* — «хранитель», буквально: «хлебохранитель»), а *lady* — *hlāfdīge* (от того же *hlāf* — «хлеб» и *dīge* — «горничная», которое восходит к *dāge* — «изготовитель теста», то есть буквально — «замешивающая хлеб»). Трансформации этих слов не нужно даже придумывать, они отражены в письменных памятниках: *hlāfweard* → *hlāford* → *laford* → *lourde* → *lord*¹⁷⁰; *hlāfdīge* → *lavedi*, *lafdi*, *laddy* → *lady*¹⁷¹ и подтверждаются такими же фонетическими изменениями в других словах.

9) Читают древние надписи на современном русском языке.

Это вариация на тему предыдущего пункта. Очень комично наблюдать, как лингвофрики читают, например, этрусские надписи по-русски. В известном ютуб-ролике этрусскую надпись *C SER KVLO* ничтоже сумняшеся расшифровали как «зеркало»¹⁷². На каком основании? Да просто звучит похоже! Другими методами расшифровки авторы не делятся, ведь и так очевидно, что эт-русски* — это русские.

Любую надпись и даже любую систему письменности, не расшифрованную учеными, давно расшифровали лингвофрики. Даже если символы совсем не похожи на *кириллицу*, богатая фантазия лингвофрика все равно свяжет их с русскими буквами или даже словами — а почему бы древним славянам не писать иероглифами?

---

* Лингвофрики подчеркивают свою версию происхождения слова «*этруски*», специально отделяя дефисом часть «русски».

10) Рассказывают красивые, страшные или фривольные сказки о происхождении слов.

Этимология — интересная и красивая наука, и происхождение слова может действительно рассказать о том, как жили наши предки и как представляли мир.

Например, слово «*время*» показывает, как когда-то воспринималось это понятие. Современный человек представляет время скорее линейным — но вообще-то «*время*» восходит к праславянскому **ver(t)mę* и родственно глаголу «*вертеть*»¹⁷³, точно так же как «*семя*» — глаголу «*сеять*»¹⁷⁴, «*племя*» — «*плодить*»¹⁷⁵, «*бремя*» — «*брать*»¹⁷⁶, «*знамя*» — «*знать*»¹⁷⁷ (в значении «отличать») и так далее. Получается, исходно «*время*» — это кружение или нечто вертящееся: сменяющие друг друга циклы, спираль, «вечное возвращение», как скажет Ницше.

Но если вы слышите версию происхождения слова, которая перенасыщена множеством невероятно захватывающих подробностей, это повод насторожиться.

В интернете очень популярна теория о происхождении слова «*впыхах*»: якобы раньше «*пыхами*» называли... широкие трусы или панталоны. И вот однажды в одном дворце в XVI веке ночью случился пожар, и король и его подданные в панике выбежали на улицу в одних *пыхах*, то есть в трусах. С тех пор и говорят «*в пыхах*» («*впыхах*»), когда имеют в виду «торопливо», «в спешке».

Но критически мыслящий человек сразу задаст вопросы: почему же в каком-то явно европейском дворце в XVI веке говорили по-русски? И откуда известно, что трусы назывались «*пыхами*», если это слово не встре-

чается в таком значении ни в одном старом тексте и ни в одном словаре?

Вообще-то слово «*попых*» существовало, и его можно найти, к примеру, в словаре *Даля*. Вот только значение у него — «скорое дыханье и состоянье запыхавшегося, одышка от скорого движенья, дела, усилий»¹⁷⁸. Наречие «*впопыхах*», конечно, произошло именно от него, и первоначальное значение слова — «попыхивая от усталости, задыхаясь от поспешности»¹⁷⁹.

Но, конечно, гораздо интереснее обозвать трусы попыхами, накропать в интернете занятные статейки (без указания источников, разумеется) и сопроводить их фривольными картинками. Вот это происхождение слова, вот это я понимаю!

Только к настоящей этимологии оно отношения не имеет.

Рассказы об истории языка и происхождении слов бывают настолько захватывающими, что многим хочется ими сразу же поделиться — с родственниками, друзьями, подписчиками в блоге... Но не торопитесь это делать, особенно если вы видите в теории хотя бы один из перечисленных признаков. Пожалуйста, сначала проверьте информацию — и желательно не в запросах Гуглу, а, например, в этимологических словарях. Это не так сложно, как кажется: многие словари существуют в электронном виде, а список самых авторитетных из них вы найдете в конце этой книги.

Миф первый

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ СЛОВ

Последний признак лингвофрической теории, названный в предыдущей главе, — красивые, страшные или фривольные сказки о происхождении слов. С историей про «*попыхи*» мы уже разобрались; но сколько подобных увлекательных рассказов с подзаголовком «А вы знали?..» готов вам поведать интернет...

Давайте рассмотрим самые распространенные и любопытные.

ХЛЕБ НА СЧАСТЬЕ

Вот, например, популярная на развлекательных сайтах теория:

«Слово “счастье” своим появлением обязано хлебу. В глубокой древности, когда кто-то рождался в семье, по обычаю пекли хлеб. В дом приглашали гостей, хлеб делили на части. Новорожденному тоже выделяли свою долю, часть. Считалось, что с этого момента он живет “частью” жизненных благ».

Первый вопрос, который возникает после чтения этой занятной байки: зачем давать хлеб новорожденному? Но это про логику. Давайте посмотрим на лингвистическую сторону вопроса.

Слово «счастье» действительно образовано от слова «часть», а приставка с- в нем имеет значение «свой, хороший». Она обнаруживается еще и в слове «сдоба», родственном словам «добрый», «доблесть», «дебелый»¹⁸⁰, — и, как это ни парадоксально, в слове «смерть» (сравните с прилагательным «мертвый» и латинским *mors*, родительный падеж *mortis*). Дело в том, что «смертью» называли именно спокойную, ненасильственную («свою», а не от рук врага, например) кончину¹⁸¹.

Но «часть» в слове «счастье» — конечно, вовсе не часть хлеба. Слово «часть» значило еще и «судьба»¹⁸², и мы видим этот смысл в другом слове с тем же корнем — «участь». Точно такое же расщепление смысла в существительном «доля»: оно значит и судьбу («Такая уж у него *доля*: на роду написано бедным быть!»), и часть чего-то («разделить пирог на равные *доли*»). Выходит, «счастье» в прямом смысле могло значить «хорошая судьба»¹⁸³. Даже если первоначальным значением было предметное — «хорошая часть чего-то», а расширилось до абстрактного оно позже, нет никаких оснований для связи слова с древними обрядами, новорожденными и хлебом.

СМЕСЬ ФРАНЦУЗСКОГО С НИЖЕГОРОДСКИМ

Получила очень широкое распространение и легенда о слове «*бистро*». Оно якобы возникло после взятия Парижа в 1814 году, когда русские казаки, требуя у французских официантов выпивки, нетерпеливо кричали: «Быстро! Быстро!» Французы были настолько впечатлены, что решили назвать этим словом ресторан быстрого питания. Мало того что это неправдоподобно (вряд ли кому-то придет в голову называть

кафе в честь пьяных возгласов оккупантов), версия не подтверждается хронологически: слово *bistro* (*bistrot*) впервые фиксируется во французском языке только в 1884 году, и непонятно, где оно пропадало столько лет. Происхождение его до сих пор неясно. Возможно, оно связано с региональными словами *bistrouille* — «некачественный алкоголь, плохая выпивка» или *bistraud* — «маленький слуга», затем «торговец вином»¹⁸⁴.

Еще одно слово, которое связывают с событиями 1812–1814 годов, — «*шаромыжник*»: якобы его уже русские позаимствовали у пленных французов, жалобно просивших подаяние словами *cher ami* («дорогой друг»). Эта версия была изложена В. И. Далем в его «Толковом словаре живого великорусского языка»¹⁸⁵ — но рядом с ней стояла помета «шуточное».

Шутка так всем понравилась, что даже попала в некоторые этимологические словари. Еще более полувека назад гипотеза была признана учеными несостоятельной¹⁸⁶, однако она до сих пор очень популярна в народе. В действительности «*шаромыга*» и «*шаромыжник*» восходят, по-видимому, к слову «*шарма́*» из псковских диалектов, обозначающему «даром». Оно выделилось из выражения «*ша́ром-да́ром*» («за чужой счет, бесплатно»), преобразовавшегося в «*шарма́-дарма́*» (как «*да́ром*» в «*задарма́*»). И слова «*шарма́*» и «*дарма́*», и выражение «*шаром-даром*» тоже, к слову, есть в словаре Даля. Даже в статье о слове «*шаромыга*» («*шеромыга*») приводится фраза: «Шеромыге все бы шаром-даром». И «*шаром*» тут, судя по всему, просто было приставлено к «*даром*» по созвучию (сравните с «*тары-бары*», «*тяп-ляп*» и подобными).

История про «*шаромыгу*» и *cher ami*, которая даже попала в серьезные научные источники, — хорошая иллюстрация того, насколько далеко может завести этимологическое мифотворчество и принятие на веру шуточной гипотезы.

ПЫТОЧНЫЕ ИСТОРИИ

Происхождение слов и выражений действительно может быть очень интересным и в некоторых случаях даже связанным с поразжающими воображение реалиями прошлого.

Скажем, слово *«подноготная»*, вероятно, возникло на базе выражения *«подноготная тайна»*, а оно, в свою очередь, появилось из-за пытки, действительно применявшейся в Древней Руси, когда человеку загоняли под ногти острые предметы¹⁸⁷. Впрочем, есть и версия о том, что в слове *«подноготная»* может быть заложено значение «грязи под ногтями»¹⁸⁸.

Но вот другая «пыточная» история сразу нескольких слов, которая кочует по интернету:

«Как произошли слова “сволочь”, “подлец” и “мерзавец”? Когда зимой на Руси кого-то казнили, то применяли следующий способ: в мороз к столбу привязывали провинившегося человека и обливали его холодной водой. И ее постоянно подливали, пока человек не покрывался толстым слоем льда и не умирал. Подлецом называли того, кто подливал воду, мерзавцем того, кто замерзал... А того, кто волок труп, называли сволочью».

Людам хочется верить в красивые или жуткие сказки, но гораздо чаще происхождение слов все же выглядит более прозаично. Так и со словами *«сволочь»*, *«подлец»* и *«мерзавец»*.

Этимологические словари расскажут, что *«мерзавец»* и *«мерзкий»* действительно исторически родственны словам *«мерзнуть»*, *«мороз»* и так далее¹⁸⁹, но не из-за страшной казни, а потому, что холод просто ассоциировался с чем-то плохим (впрочем, с тех пор мало что изменилось). Можно вспомнить еще и выражения *«холодный человек»*, *«чувства остыли»*, *«ледяной взгляд»*.

«Подлец» образовано от прилагательного «подлый», которое первоначально значило «нижний», затем «простонародный» и только в XVIII веке приобрело современный смысл¹⁹⁰. Известно даже название сословия — «подлые люди», о котором историк В. О. Ключевский писал так:

«Подлые люди значили тогда просто низшие классы, лежащие под верхними, не имея неприятного нравственного значения, приданного этому выражению позднее»¹⁹¹.

Подливание воды здесь совершенно ни при чем.

А «сволочь» и впрямь связана с глаголом «волочить». Но первоначально это слово употреблялось только как собирательное существительное и обозначало группу людей — сброд, сборище, которое «сволоклось» вместе, объединилось. По отношению же к одному человеку слово начали использовать только в XIX веке¹⁹².

ПОДЛИННАЯ ПРАВДА

Еще одну пыточную историю связывают со словом «подлинный»: якобы предшественник слова «подлинный» — существительное «подлинник», происходящее от прилагательного «длинный», а «подлинниками» изначально называли специальные длинные палки, использовавшиеся для битья допрашиваемых на суде, чтобы узнать от них истину.

Эта легенда — тоже, как и версия про «шаромыжника», попавшая в некоторые словари — дело рук тех, кто невнимательно прочитал словарь В. И. Даля и принял его осторожную гипотезу за непреложную истину.

Но академик А. А. Зализняк в ходе лекции «Еще раз о жизни слов»¹⁹³ убедительно ее опроверг и предложил гораздо более правдоподобную этимологию слова «подлинный» на основании новых данных, полученных из берестяных грамот.

В чем же недостатки теории про «пытки подлинником»?

1) Не нужно быть лингвистом, чтобы заметить: это слово *«подлинник»* могло быть образовано от *«подлинный»*, а не наоборот. В *«подлинный»* окончание *-ый*, которое не участвует в словообразовании; следовательно, основа слова — *«подлинн»*, к которой и присоединился суффикс *-ик-*, чтобы получилось существительное *«подлинник»*. По такой же модели образован, например, *«учебник»* от *«учебный»*.

2) Впервые эта версия появилась в словаре В. И. Даля — но посмотрим, как именно ее излагает сам Даль.

В статье о слове *«подлинный»* он сначала объясняет значение этого слова — «истинный, настоящий, суший, самый тот, оригинальный», а затем приводит выражения, его содержащие: *«подлинное золото»*, *«подлинное письмо Петра»*, *«подлинные деньги»*... И когда Даль доходит до словосочетания *«подлинная правда»*, он добавляет: «Во время пыток, этому дан иной смысл: “Не скажешь подлинной или поддлинной, так скажешь подноготную”, от пытки “под длинниками” и пытки “подноготной”. Не от этого ли и самое слово “подлинный”?»¹⁹⁴

Во-первых, Даль приводит версию о пытке осторожно, со знаком вопроса. И его сомнения понятны: он был лексикографом, но не этимологом; у него не было лингвистического образования.

Во-вторых, Даль сам замечает противоречие в постановке ударения: в словосочетаниях *«под длинной»* или *«под длинником»* ударение должно было остаться на корне *«длин»*. Не известно ни одного случая перехода ударения на предлог/приставку *под-* в подобных словах.

В-третьих, во втором издании словаря версия про пытки приводится с еще большим сомнением — и во фразе появляется *«будто бы»*: *«будто бы от пытки “под длинниками” и пытки “подноготной”»*. Но мы не знаем, сомнения ли это самого Даля или вставка редакторов: второе издание вышло уже после смерти лексикографа и содержало как дополнения из рукописей автора, так и исправления *Якова Грота, Павла Шейна* и других ученых и редакторов.

3) Слово *«подлинник»* в значении «длинная палка» нигде не встречается — в том числе в самом словаре Даля. Даль, впрочем, и не говорит о пытке *«подлинниками»* — он пишет о пытке *«под длинниками»*. Слово *«длинник»* можно найти в другой статье словаря Даля, и одно из его значений — действительно «бато́к, палка, хлыст, прут, коим наказывали». Но Даль не приводит ни одного примера употребления этого слова, не указывает, где именно оно было зафиксировано.

Очень похоже, что это выдуманное Далем значение. Он был замечательным лексикографом, но не был лингвистом, и иногда при объяснении слов и их происхождения допускал вольности, в чем сам же и признавался. Например, в «Напутном слове», предворяющем первый том словаря, Даль указал, что некоторые слова из его словаря «не сочинены вновь, а они есть, но им может быть доселе не было придаваемо именно этого частного значенья»¹⁹⁵. Вероятно, значение «палка» у слова *«длинник»* — как раз одно из таких «частных значений», которое «доселе не было придаваемо».

Во всяком случае, «Словарь русских народных говоров», который включает в том числе подтвержденную в диалектах лексику из словаря Даля, именно это зна-

чение у слова «*длинник*» не сохранил¹⁹⁶. Слово же «*подлинник*» не просто в значении «палка», но и вообще в каком-либо значении в «Словаре говоров» отсутствует, потому что не принадлежит к диалектной лексике.

Зато и в самом словаре Даля, и в «Словаре русских народных говоров» есть другое слово, которое и дает ключ к разгадке происхождения прилагательного «*подлинный*».

Это слово «*подлина*», а его значение — «нижний слой одежды, подкладка». Образовано существительное с помощью суффикса *-ин-* от слова «*подлый*» в том самом значении «нижний», которое уже обсуждалось в этой главе чуть ранее (как «*вершина*» от «*верхний*»). Слово же «*подлый*», в свою очередь, с помощью суффикса *-л-* образовано от «*под*» — «низ, основание», до сих пор присутствующего в говорах.

Но насколько древнее слово «*подлина*»? Может ли оно считаться исходным для слов «*подлинник*» и «*подлинный*», которые встречаются в памятниках письменности с XV века?¹⁹⁷

Так вот: находки берестяных грамот показали, что да, может. Потому что слово «*подлина*» обнаружилось в грамоте № 8 из Старой Руссы¹⁹⁸, датируемой XII веком. В ней описывается одежда с подкладкой («*подлиной*»), украшенной узором из крупных звезд.

В итоге гораздо более надежная, чем история о пытках, словообразовательная цепочка реконструируется следующим образом:

Под → *подл(ый)* → *подлин(а)* → *подлинн(ый)* → *подлинник*

И она безупречна и с точки зрения ударения (оно никуда не переходит), и с точки зрения логики словообразования.

Смысловой же переход от «*подлины*» — подкладки к «*подлинному*» — настоящему можно объяснить так. Первые употребления слов «*подлинный*» и «*подлинник*» связаны со значением

«исходный, первоначальный документ»: *«подлинная грамота»*, *«по подлинникам и спискам»*. Подкладка — нижняя часть одежды, ее основа; и подлинный документ — это также основа для последующих копий. Возможно, подлинную (исходную) грамоту при переписывании подкладывали под новую.

Лингвофрики могут сказать: «Вот смотрите, ученые же ошибаются! И о *“шаромыжнике”*, и о *“подлиннике”* даже в словарях встречаются неправильные версии. Значит, в словарях и научных книгах может быть неправильно и все остальное!»

Но нет, такое свехобобщение некорректно.

Разумеется, иногда ученые могут ошибаться, и это нормально. Какие-то положения опровергаются из-за закономерного появления новых данных, какие-то — из-за совершенствования методов познания. И да, ученые еще многого не знают. Но многое они все-таки знают, и знают точно.

Представьте, что вы стоите в углу комнаты, где из мебели есть только диван, и бросаете за спину обычный мячик. По какой-то причине вы не можете оглянуться и посмотреть, куда именно упал мяч, однако по звуку вы сможете определить, упал он на диван или на пол. Скорее всего, вы даже услышите, в какой именно угол дивана или комнаты закатился мяч, хотя по-прежнему не будете точно знать, где он.

Возможно, вы все же немного ошибетесь: например, вам покажется, что мяч упал по центру дивана, а он будет в его правом углу. Но если у вас появится инструмент познания — да хоть простое зеркало — вы, разглядывая в него отражение комнаты, сможете установить точное местонахождение мяча. Если он, конечно, не закатился за диван или под него.

Но в чем вы будете уверены даже без всяких инструментов — так это в том, что мяч не упал на стену или на потолок.

Вы поймете, что он не вылетел в окно, если оно закрыто и вы не слышали звука разбивающегося стекла. Если вы здраво-мыслящий человек, то вряд ли предположите, что мяч растворился в воздухе или его украла прищельцы.

Это была очень примитивная, но все же метафора научно-го поиска. Да, что-то от нас скрыто, чего-то мы вообще никогда не узнаем — но и знаем многое, и опровергнуть можем тоже немало.

Например, следующие две теории. Потому что они про мяч, упавший на потолок.

ХЕРОВАЯ ТЕОРИЯ

Яркую и запоминающуюся историю лингвофрики рассказываю о выражении *«страдать херней»*.

Появилось оно якобы из-за распространенной практики, когда богатым юношам помогали уклониться от службы в армии: *hernia* по-латыни означает «грыжа», и именно такой диагноз военные врачи чаще всего выставляли детям обеспеченных горожан. По этой версии, каждый пятый призывник в России в конце XIX века *«страдал хернией»* — так и появилось выражение *«страдать херней»*.

Вроде бы все логично: *hernia* — действительно грыжа по-латыни, и такой диагноз теоретически могли ставить призывникам.

И все бы ничего, если бы не один существенный факт: выражение *«страдать херней»* наряду со *«страдать фигней»* — только *эвфемизм*, то есть более приличный вариант похожего словосочетания с тем же глаголом, но уже с матерным словом во второй части. Слова *«хер»*, *«фиг»* и некоторые другие всего лишь замещают обценный аналог со значением «мужской половой орган». И всегда сначала появляются ненормативные выражения, а уж потом к ним подбираются вторичные «смягченные» заменители с эвфемизмами.

Глагол «*страдать*», к слову, совсем необязательно обозначает «болеть, испытывать боль»: у него отмечается и значение «томиться, маяться, тосковать». Оно представлено еще и в выражении «*страдать ерундой*», к примеру.

Если принять на веру, что «*страдать херней*» действительно произошло от названия диагноза, то какое же тогда происхождение у «*страдать фигней*» и ненормативного словосочетания? Разве «*фигня*» и матерный исходник — тоже названия болезней?

И как тогда объяснить другие выражения со словом «*херня*»? Например, «*пороть херню*» — это пороть грыжу? «*Забивать голову херней*» — это забивать голову грыжей?

В латыни вообще есть много... скажем так, занятных для русского уха слов. Например, родительный падеж местоимения *hic* («этот») звучит как *huius*. «Вчера» по-латыни — *heri*, «наследник» — *heres*, «бузина» — *ebulum*, «губитель» — *perditor*... Что это значит? Это значит только то, что сходство произношения — недостаточное основание для установления этимологии. В языках могут быть просто забавные совпадения.

Так что происхождение «*херни*» куда более прозаично, чем того хотелось бы лингвофрикам.

А вот истории о том, что «*хер*» когда-то был вполне приличным словом и даже названием буквы, — абсолютная правда. Раньше у букв были другие названия («аз», «буки», «веди» и т. д.)* и буква «х» именовалась именно тем словом, которое сейчас осознается как не вполне приличное. Это отражено в древних азбуках и текстах, и вы найдете такое название в любом учебни-

---

* Об этом подробнее в главах «Миф третий. До Кирилла и Мефодия существовала совершенная славянская письменность» и «Миф четвертый. В буквах алфавита зашифровано послание».

ке старо- или церковнославянского¹⁹⁹, равно как и старых букварях.

Этимология слова «хер» не вполне ясна. Наиболее распространена версия о сокращении слова «херувим»²⁰⁰, также возможно происхождение от древнегреческого χαῖρε «привет тебе, здравствуй» или χεῖρ — «рука» (буква могла быть ассоциирована с руками, сложенными крестом на груди)²⁰¹.

Слово «хер» употреблялось и в значении «крест, зачеркивание», ведь буква «х» выглядит действительно как косой крест. Например, игра, известная сейчас как «крестики-нолики», называлась раньше «херики-оники», или просто «херики»²⁰². От «хера» именно в этом значении происходят вовсе не ругательные глаголы «херить» и «похерить» — «перечеркнуть» или в переносном смысле «испортить, уничтожить, потерять». Они часто встречаются у классиков:

Вот что, по милости твоих, мой друг, стихов,
Как наяву, я видел пред собою.
Прочел я их один, потом прочли со мною
Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков.
Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебе же *по херам* осталось поправлять!
(В. А. Жуковский, «К кн. Вяземскому», 1815 г.)

«Оттого, — вдруг послышался сзади голос командира этого судна, который случился тут же, — я *похерил* два месяца, чтоб не было придинок да расспросов, где были в это время и что делали».
(И. А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», 1855 г.)

«...в самом нутре души, я считал, что иначе и поступить нельзя, как *похерив* документ совершенно».
(Ф. М. Достоевский. «Подросток», 1875 г.)

А как эвфемизм матерного слова «хер» появляется в литературе уже в середине XIX века (а в устной речи, вероятно, гораздо раньше: такие слова по понятным причинам было не принято использовать в литературе). Первое упоминание в таком контексте встречается, по данным Национального корпуса, в авантюрном романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» (ч. 5, 1867 г.) в словах мошенника:

«Ведь у меня там двадцать рублей денег было, а теперь — *ни хера!*»

Слова же «херня», «фигня» и обценный аналог — типичные производные существительные с суффиксом -н-, как «грызня», «родня», «лыжня», «возня», «солдатня», «ребятня», «брехня» и им подобные.

Но история про грыжу, конечно, нравится людям больше: она логичная (на первый взгляд), яркая и запоминающаяся. Скорее всего, она возникла просто как шутка, забавная игра слов — но кто-то принял ее за чистую монету, и понеслось...

ОВАЦИИ ИЗ-ПОД СУТАНЫ

И последний (в этой главе, но, увы, не в реальности) пример потрясающей, но абсолютно выдуманной истории — о слове «*овация*».

Появилось оно, по мнению лингвофриков, после того как папский престол заняла женщина — папесса Иоанна. Когда

обман вскрылся, следующих кандидатов на роль папы проверяли «на мужественность» на специальном стуле с дырой в сиденье: кардинал ощупывал их гениталии и, если с ними все было в порядке, громко два раза восклицал по-латыни: «Ovum! Ovum!» («Яйцо! Яйцо!»). Все аплодировали, и эти аплодисменты по слову *ovum* стали называться овацией.

Оставим вопрос о том, существовала ли папесса Иоанна на самом деле и действительно ли римских пап проверяли на мужественность (большинство историков считают, что нет), и обратимся к данным лингвистики.

Да, *ovum* — действительно «яйцо» по-латыни. Но только в первоначальном, прямом значении²⁰³; часть же мужской половой системы именовалась *testis* или *testiculus*²⁰⁴. Слово же *ovatio* («овация, малый триумф») тоже существовало в латыни, причем еще в те времена, когда не то что римских пап — Христа еще не было, и обозначало оно торжественное вступление военачальника-победителя в Рим²⁰⁵. В отличие от триумфа — высшей награды за победу в войне, когда полководец въезжал в столицу на колеснице и получал лавровый венок — овация присуждалась тем, кто, например, подавил восстание рабов. Так, самые торжественные овации отпраздновал Марк Лициний Красс после победы над Спартаксом. Во время овации победитель входил в столицу уже пешком и награждался венком из мирта. Из латыни слова «овация» и «триумф» перешли в другие европейские языки, и никакие папессы и яйца здесь ни при чем.

Будьте бдительны! Красивые этимологические истории с невероятными подробностями — не повод вдохновенно пересказывать их с присловием: «А вы зна-а-али?..» Скорее это повод заглянуть в словари.

Миф второй

РУССКИЙ ЯЗЫК – САМЫЙ ДРЕВНИЙ, И ДАЖЕ ЭТРУСКИ – РУССКИЕ

«Ученые скрывают, что этрусская письменность давно расшифрована и представляет собой не что иное, как запись русских слов. На базе этрусской культуры была создана римская, на базе римской — вся западная цивилизация. Запад просто не может признать, что у истоков всего стояли мы, славяне, и русский язык был первоязыком, предком всех языков мира».

Такие рассуждения очень популярны среди лингвофриков, и это неудивительно: очень приятно осознавать, что говоришь на самом древнем в мире языке и принадлежишь к самой великой культуре.

Любопытно, что точно такие же мифы есть и у лжелингвистов других стран: якобы скрывают невероятную древность своих языков и казахские ученые, и армянские, и турецкие... Как все эти самые древние в мире языки сосуществовали, непонятно.

Но каковы же аргументы сторонников невероятной древности именно русского языка? Давайте рассмотрим основные тезисы главных представителей любительской лингвистики.

Тредиаковский

Идеи о первичности русского языка появились не сегодня.

Еще в XVIII веке известный поэт, переводчик и филолог Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769) предлагал такие занятные объяснения происхождений слов:

Норвегия раньше называлась Наверхия, потому что расположена наверху на карте (на севере).

Италия была Удалией, потому что она удалена от Российской империи.

Британия — это искаженное Братания (от слова «брат»).

Иберы на самом деле уперы, так как они со всех сторон уперты морями.

Скифы — это скиты, потому что они скитаются.

А турки — юрки, потому что они юркие²⁰⁶.

В этимологиях Тредиаковского отражена довольно типичная для того времени картина мира: за центр вселенной и точку отсчета принимается родная страна; другие же страны и народы истолковываются на основании того, как они расположены по отношению к родине и как воспринимаются русскими.

Но теперь очевидно, насколько такой взгляд наивен.

Шишков

Увлекался этимологией и уже упомянутый в главе о заимствованиях адмирал и филолог Александр Семенович Шишков (1754—1841). Его перу принадлежит книга «Славянорусский корнеслов» с красноречивым подзаголовком: «Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных». Иностранные слова, по Шишкову, — лишь искаженные русские,

а сами русские слова объединяются в различные «деревья» по «корням», состоящим из костяка согласных (уже знакомый нам принцип). Например, дерево слов, стоящее на корне ТР: *страсть, труд, страна, рост*; дерево слов, стоящее на корне ПЛ: *поле, плуг, пламя, плод, плоть, плевелы*; дерево слов, стоящее на корне МР: *смерть, смертный, море, мир*.

Шишковские объяснения слов иногда до боли напоминают концерты Задорнова*. Нужно признать, что некоторые догадки Шишкова были верны и для его времени прогрессивны (например, сближение слов «*порох*» и «*прах*», «*смородина*» и «*смрад*»), но большинство объяснений трудно читать без улыбки. Вот прекрасные образцы:

«Волос. Изменившееся из “вылаз”, от глагола “вылезаю” (т. е. выхожу, вырастаю), равно как и “борода” от подобного же глагола “бреду”; ибо “лезу” и “бреду”, оба означают шествие, движение. Под словами “волосы лезут” разумеется, что они совсем выходят вон из головы.

Морковь. Вероятно, от прилагательного “маркий”, потому что имеет красно-желтоватый цвет, что-нибудь белое удобно марающий.

Ночь. Сокращено из отрицательной частицы “не” и слова “очи”, так что из “не очь” (т. е. нет очей) сделалось ночь; ибо ночью человек не видит, как бы не было у него глаз.

Пишу. Писать. Происходит от глагола “пинаю”, поскольку действие писания сопряжено неразрывно с действием пинания (толкания) пером в бумагу»²⁰⁷.

---

* Подробнее о псевдолингвистических теориях Задорнова — в главе «Миф восьмой. Бога стырил богатырь».

Князь Петр Андреевич Вяземский, идейный противник Шишкова, написал об этих изысканиях колкую эпиграмму, не забыв и о ненависти Шишкова к слову «*вкус*»:

Шишков недаром корнеслов;
Теорию в себе он с практикою вяжет:
Писатель, вкусу ШИШ он кажет,
А логике он строит КОВ²⁰⁸.

Думаю, стоит пояснить устаревшее слово «*ков*»: это тайный злой умысел, заговор, козни.

Даже современники подтрунивали над теориями Шишкова: уже тогда, несмотря на то что сравнительно-историческое языкознание в России только начинало формироваться, они казались лишенными здравого смысла. Труд Шишкова при его жизни так и не был опубликован; но теперь, с расцветом лингвофричества, о нем вспомнили, и сразу несколько издательств выпустили эту любопытную книгу, на которую теперь очень любят ссылаться диванные лингвисты.

Лукашевич

Похожие идеи выдвигал и Платон Лукашевич (около 1809–1887), книги которого сейчас тоже активно переиздаются. Начинал он как этнограф, и его труды по этнографии, как отмечают специалисты, были действительно хороши. Но потом что-то пошло не так: Лукашевич увлекся лингвистикой и астрономией, не удосужившись получить специальное образование, и стал очень плодовитым автором многочисленных работ в этих областях. Но они были настолько, скажем так, оригинальны, что «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (1896 г.) оценил их следующим образом:

«Последующие произведения Л. <...> обязаны своим появлением ненормальному психическому состоянию, в которое он впал»²⁰⁹.

К примеру, в одной из работ по астрономии Лукашевич предполагал, что внутри Солнца есть другие планеты, подобные нашим, и что на Солнце есть жители, глаза которых приспособлены к яркому свету, потому что на них есть пленки, как у земных хищных птиц²¹⁰.

Уже по одной этой идее можно было бы судить о степени адекватности работ Лукашевича, но приведу все же и лингвистическую концепцию этого автора. А писал он о «чаромутии» — смешении и искажении «первобытного» языка некими магами и жрецами. И один из главных видов такого чаромутия — это (о, как неожиданно!) чтение слова задом наперед. А открывается его книга о чаромутии следующими словами:

«Прежде нежели объясню свету, что такое есть чаромутие, я должен заметить, хотя мимоходом и опускаю многое, что наш язык Славянский есть язык первобытного мира, древности незапамятной; что богатство его равняется богатству языков чаромутных, всех вместе взятых; что Бог сохранил его неприкосновенно или пощадил его от чаромутия на память всему роду человеческому»²¹¹.

Собственно, «исследования» Лукашевича заключаются в том, что он пытается найти в иностранных языках искаженные чаромутием русские слова.

И, конечно, находит. Латинское *abba* («аббат»), по Лукашевичу, — искажение слова «бабай»²¹², *blandus* («ласковый, лстивый») он возводит к нецензурному слову²¹³, *dens* («зуб») — обратным чтением к «снеть»...²¹⁴

Для XVIII–XIX веков идеи Тредиаковского, Шишкова и Лукашевича были неувидительны, ведь тогда лингвистика не была так развита, как сегодня. Но наука не стоит на месте, и сейчас, когда любому желающему доступны этимологические словари и труды компаративистов, увлечение подобной устаревшей литературой просто нелепо. Мы ведь не изучаем географию по средневековым картам?

Чудинов

Пожалуй, столь же экстравагантные идеи выдвигал продолжатель Лукашевича и наш современник Валерий Чудинов, философ по образованию. Он тоже считал русский язык самым древним — и в доказательство находил надписи на нем где угодно: не только на древних памятниках, зданиях, природных объектах, но и в глубоководных рельефах, на Солнце, Луне и Марсе. Он предпочитал не изучать артефакты и природные объекты, а обрабатывать их фотографии или карты, повышая контрастность до тех пор, пока не проступят «славянские руны». Однажды Чудинов даже прочел руны на подсунутых шутниками снимках штукатурки.

О чем Чудинову рассказывали надписи? О величии Руси, конечно. Причем рассказывали на очень своеобразном русском языке, не похожем ни на современный, ни на древний. Скажем, вот расшифровки рельефа Марса: «ХРАМ МАРЫ ЯРА МАРЫ МИМА», «МАРСА ВОЙСКА ВИМАН, ВОИВ РУСИ МАРЫ ВОИН»²¹⁵.

С таким воображением прочесть надписи на древних этрусских памятниках по-русски для Чудинова не составляло труда, из чего он, разумеется, делал вывод, что и этруски — это русские. Хотя не совсем так: не «это русские», а «те русские». Местоимение просто надо читать (и снова неожиданность!) задом наперед. Ну а замена «е» на «э» — вообще не проблема.

Прославилась (правда, не совсем так, как хотела) и коллега Чудинова по чтению надписей на фотографиях, кандидат химических наук Галина Котова. Она написала целую статью по снимку камня с загадочными «рунами»²¹⁶, который нашел дачник из Псковской области. Изучив фотографии, Котова сделала вывод, что «текст написан на диалектном русском языке, но с использованием знаков архаического греческого алфавита», и сделала его подробную расшифровку. Вероятно, она очень гордилась своим открытием, пока не вмешались евреи: они перевернули фотографию камня и прочли надпись... на иврите. Оказалось, там высечено следующее: «Под этим надгробием покоится благочестивая Хая, дочь Ицхака, похоронена в 1920 году»²¹⁷.

Гриневич

Еще один любитель читать древние надписи по-русски — геолог Геннадий Гриневич, автор нашумевшей в 90-е годы книги «Праславянская письменность (результаты дешифровки)». Гриневич без лингвистического образования смог прочесть надписи чуть ли не на всех знаменитых древнейших памятниках письменности — как на частично уже расшифрованных учеными, так и на тех, над которыми до Гриневича бились великие умы всего мира, но прочесть не смогли. А Гриневич расшифровал и Фестский диск, и критское линейное письмо, и тэртерийские таблички из Румынии, и письменность долины Инда. И конечно, обнаружил, что все они написаны по-русски.

Так может, это свидетельство гениальности? Может, перед нами новый *Ломоносов* или Леонардо да Винчи?

Увы, нет.

В книге Гриневича есть много ссылок на действительно качественные научные работы,

Фестский диск

что создает впечатление исследования в рамках научной традиции, — но обращается он с ними весьма вольно: неточно цитирует, не всегда указывает источник, вырывает высказывания из контекста. А главное, сам Гриневич научные методы дешифровки не использует.

Любой ученый, который расшифровал какой-то древний текст, подробнейшим образом будет излагать каждый этап своей дешифровки. Трактовку каждого символа он будет обосновывать, приводить доказательства того, что символ нужно интерпретировать именно так, а не иначе.

Но Гриневич не утруждает себя описанием подобных мелочей. Он просто заявляет: древняя надпись сделана на праславянском языке, символы читаются так-то, получается такой-то текст, и вот его перевод.

И язык текстов, которые получились у Гриневича, тоже не похож ни на современный русский, ни на древнерусский, ни на *старославянский* — ни на какой. Содержание текстов тоже весьма специфическое.

Вот отрывок надписи, прочитанной Гриневичем на Фестском диске (он был найден на острове Крит, датируется вторым тысячелетием до нашей эры и содержит неизвестные ученым символы):

«Рысиюния чарует очи. Никуда от нее не денешься, не излечишься. Ни единожды будет, услышим мы: вы чьи будете, рысичи, что для вас почести, в кудрях шлемы; разговоры о вас. Не есть еще, будем Ее мы, в этом мире божьем»²¹⁸.

Почему «Рысиюния», что за «рысичи»?.. Что значат странные синтаксические конструкции вроде «не есть еще, будем Ее мы»? Ответа нет.

Или вот как читает Гриневич этрусскую надпись на камне (III—II вв. до н. э.) из музея города Перуджа:

РЁЧИ НИЖЕ (ЖИ) БЕ АРЁ · АРО РОА НА · НА АРЁ
ВОЖИ(ЖЕ)

Ж(Р)ЕМО А РОЙ ВЪ Р(Ж)Ё ЖИЙЕ · РОТЁ ЧИ (во)
АРЁ БЕ К(Р)ИА ЙЕ ЖЕЩЁА(ЖЕСЧЁА)

ВОБЕ(БА) АЙЁ ВЪ ЖИРЁ ЖЕ (ЖИ) РЁ ЗЪ(мо) МО
АРО ВОЗ(Л)ЁА АРЁ НАМО

МОИ ЖЕ НАМОРО MQЖИ НА И БЕ ЖЕ(ЖИ)
РЁМО ВОЗ(Н)Ё РОА НИЖЕ НА²¹⁹.

Перевод Гриневича:

«Слова нижу без ярости ярого пле-
мени нашего — нашей ярости возжи.
Жертвы приносим, а племя в рже живет.
Клятвой, что ярость без крови, оно твердо.

Этруская
надпись
на камне

Оба яйца в жире ЖЕ(ЖИ)РЕЗЪ (мо)МО жаром из-
ливающиеся, яростью называем. Мои же изнуренные
мужи нас и без жертвоприношений вознесли (над) пле-
менем ниже нас».

«Яйца в жире, изливающиеся жаром» — это, надо сказать, очень смелый образ для древнего текста. Даже сейчас такое можно прочесть разве что у Владимира Сорокина.

На самом деле методика Чудинова, Гриневича и им подобных описывается одним коротким словом — «*апофения*». Апофения — это усматривание взаимосвязей и закономерностей в совершенно случайных данных. Все мы в определенной степени ей подвержены: находим логику в совпадениях, можем увидеть в абстрактном рисунке обоев или в фигурах облаков осмысленные изображения и даже буквы. Апофения — это, в общем-то, нормально, если человек осознает: то, что он видит, — просто игра воображения. А вот если не осознает... это уже повод обратиться к специалистам.

Фоменко и Носовский

Работы Чудинова и Гриневича отвергаются даже другими известными лингвофриками. Например, математики А. Фоменко и Г. Носовский, авторы концепции альтернативной истории, пишут о них так:

«По-видимому, осознавая свое бессилие возразить по существу, некоторые авторы попытались ИСКАЗИТЬ И ОПОРОЧИТЬ результаты “неудобных” ученых. С серьезным видом издаются якобы “научные исследования” с очевидно бессмысленными славянскими расшифровками этрусских надписей. В первую очередь мы здесь имеем в виду недавние работы С. Гриневича о древне — славянской письменности, а также книги В. А. Чудинова. Подмена доводов противника на другие, очевидно бессмысленные доводы (то есть пародирование), — нечестный, но, к сожалению, часто встречающийся метод псевдонаучной борьбы»²²⁰.

Кто же, по мнению Носовского и Фоменко, эти неудобные ученые, работы которых опорочили Чудинов и Гриневич? А это С. Чьямпи, А. Д. Чертков и Т. Воланский — ученые первой половины XIX века (когда сравнительно-историческое языкознание только оформлялось как наука), которые тоже доказывали, что этруски — это русские. Просто другими средствами.

Откроем сочинение А. Черткова (историка по образованию) «О языке пелазгов, населявших Италию, и сравнение его с древлесловенским». Под пелазгами Чертков понимает народ, населявший территорию Греции, Италии и других соседних стран, и в число пелазгов включает и этрусков.

В начале книги звучит следующий тезис: «Одна из отличительных черт пелазгийской орфографии состояла в постоянном выпуске гласных букв, подобно нашему древлесловен-

скому языку»²²¹. Но проблема в том, что в древлесловенском, под которым Чертков понимает, по всей видимости, старославянский и церковнославянский (то есть книжный, письменный язык Руси), никогда не было такой отличительной черты. Некоторые слова действительно сокращались на письме за счет гласных и писались под *титлом* — специальным надстрочным знаком в виде изогнутой линии. Но таких слов было очень ограниченное количество: это сакральные слова, которые не следовало писать целиком, чтобы не упоминать имя Божие всуе (**Бѣъ** — «Бог», **анѣлъ** — «ангел», **воскрѣснѣти** — «воскреснути», **дѣа** — «Дева», **мѣнкъ** — «мученик» и так далее), и несколько часто употребляемых слов (**глаголати** — «глаголати, говорить», **дѣнь** — «день»). Но произносились эти слова полностью, без сокращений: это была чисто орфографическая особенность. Причем те же слова, употребленные уже не в сакральном контексте, писались полностью: скажем, о языческом боге писали **вогъ**. В остальных же словах гласные буквы пропускать было не принято.

Посмотрим, как Чертков доказывает свой тезис о «постоянном выпуске гласных букв». Он приводит довольно внушительный список старославянских слов, в которых сокращены гласные, вот только примерно три четверти списка — те самые сакральные слова под титлом. И еще одна четверть — слова с буквами «ѣ» и «ѥ» на месте обычных гласных, но это, как мы уже знаем, просто обозначение редуцированных. Напомню: редуцированные — это сверхкраткие гласные, которые впоследствии в некоторых позициях утратились (на конце слов, например), а в некоторых — превратились в полные гласные. Поэтому слова **зѣлъ** («зол»), **лѣбъ** («лоб»), **рѣжь** («рожь»), **лѣгко** («легко»), **избытъкъ** («избыток»), **тѣргъ** («торг») и другие, приведенные Чертковым (и написанные, надо сказать, с множеством ошибок), вовсе не сокращенные; они просто содержат особые гласные. Но во времена Чертко-

ва знаки «ѣ» и «б», как и сейчас, уже не обозначали никаких звуков, поэтому он и сделал такой неверный вывод.

Подобных тезисов и ничем не подкрепленных суждений (отчасти из-за недостатка научных данных в начале XIX века, отчасти из-за того, что автор не владеет предметом) в книге Черткова очень много. Но неудивительно, что Фоменко и Носовскому она пришлась по душе: все же она даже немного больше приближена к научным изысканиям, чем их собственные выкладки.

Давайте посмотрим и на них.

Вот, к примеру, чудесный пассаж:

«Мы считаем, что первоначально “рекой Темзой” назывался пролив Босфор. <...> По поводу Темзы добавим следующее. Это название пишется как Thames. События происходят на востоке, где, в частности, арабы читают текст не слева направо, как в Европе, а справа налево. Слово пролив звучит так: sound. При обратном прочтении получается DNS (без огласовок), что, может быть, воспринималось иногда как TMS — Темза»²²².

Да тут просто лингвофрическое комбо: и обратное чтение, и пренебрежение гласными, и неоправданный переход звуков... При этом «Новая хронология» Фоменко и Носовского по сей день очень популярна, несмотря на то что А. А. Зализняк в книге «Из заметок о любительской лингвистике» провел блестящий анализ содержащихся в ней лингвистических построений и убедительно доказал их несостоятельность²²³.

Сундаков

И нельзя не сказать о, наверное, одном из самых коммерчески успешных на сегодняшний день лингвофриков, который тоже играет на псевдопатриотических настроениях публики,

заявляя, что русский язык невероятно древен, а славяне — самый первый и самый великий народ на Земле. Это Виталий Сундаков — путешественник, «эксперт по выживанию» — и по совместительству автор книг и лекций о русском языке.

Сундаков открыто заявляет:

«То, что я вам рассказываю, — самая что ни на есть лженаука. Потому что этого, друзья мои, ни в каких научных трудах я никогда и нигде не встречал и не видел»²²⁴.

И действительно, такого, как у Сундакова, нет нигде, потому что информацию он генерирует исключительно силами собственного воображения. Если другие лингвофрики хотя бы пытаются имитировать научную деятельность — трактуют надписи на древних артефактах, формулируют законы языка, руководствуются хоть какой-то методикой (пусть даже это обратное чтение, исключение гласных или этимология по созвучию) — то Сундаков не берет на себя труд делать даже это. Все его утверждения абсолютно нелогичны и бездоказательны. Я открыла наугад конспекты его лекций для «Русской Школы Русского языка» (да, Сундаков еще и основал свою школу) и сразу обнаружила несколько прекрасных пассажей:

«...само слово “жрец” — довольно новое слово. И состоит оно из трех последних огненных букв древней азбуки — ИКС, ИГРЕК и ЗЕТ. И слова “жрец”, “жертва”, “жарить” и “жизнь” имеют отношение к огню. Сейчас эти три буквы в разных азбуках называются по-разному. От буквы ИКС, например, происходит слово “искать”»²²⁵.

Какая древняя азбука, какого народа? Что за огненные буквы? На каком основании делается вывод, что «искать» происходит от «икс»? Как объяснить перестановку согласных

«К» и «С»? И где в слове «жрец» буквы «икс», «игрек» и «зет»? Ответов на эти вопросы вы не найдете.

«Слово “воскурять” происходит от слова “кур”. А слово “кур” есть особое сокращение слова “аль-тре”, или, что то же самое, “тре-тре”, или “треурэ”. (Слово “тре”, или “тре-тре”, происходит от изображения звука чего-то обо что-то трущегося. “Тре-тре” может читаться как “тыре-тыре”, или “тыр-тыр”, или “тар-тар”.)»²²⁶

О каком вообще языке идет речь? В каком словаре, на каком памятнике письменности есть слова «треурэ» или «тыр-тыр»? Как некое «аль-тре» сокращается до «кур», если у этих слов общий разве что звук «р»? Конечно, Сундаков и этого не объясняет.

Суждения не только о лингвистике, но и об истории и этнографии также лишены хоть какой-то доказательной базы. Например, персонаж «Махабхараты» индийский мудрец Вайшампаяна — это, по мнению Сундакова, не кто иной, как Вещий Баян. Или вот прекрасное: древние жрецы умели разводить костры, дым которых можно направить в нужные облака, а еще они могли точно регулировать температуру этого дыма и размер частичек сажи в нем. Оригинальные идеи, не так ли?

Отсутствие научной, да и вообще любой аргументации — принципиальная позиция Сундакова:

«Так как все наши уроки не являются научными трудами, то каких-либо научных доказательств всего того, о чем я говорю, Русской Школе Русского языка не требуется, и поэтому не будет»²²⁷.

Уроки — не научные труды, но при этом Сундаков чрезвычайно самоуверен и считает все свои утверждения истиной в последней инстанции:

«Могу ли я ошибаться? Нет. Потому что рассказываю на этих уроках только о том, в чем уверен абсолютно. Тогда откуда об этом знаю я? Если кратко, то я посвятил этому всю жизнь — читайте биографию»²²⁸.

А о тех, кто пытается спорить и требует доказательств или даже банальной логики, Сундаков просто отзывается как о не слишком умных людях, которым затуманила голову официальная наука. Полагаю, он скажет то же и обо мне, если удосужится прочесть эту главу, — и это будет очень предсказуемо и совсем не оригинально.

Сундаков часто упрекает ученых в том, что они не могут ответить на его простые вопросы. Например, он высказывался в пользу теории плоской Земли и заявлял, что официальная наука не может ответить ему, почему же реки текут в разные стороны и почему объекты якобы не уходят за горизонт²²⁹ (хотя, конечно, сомнительно, что он искал ответы).

При этом сам Сундаков на очень простые вопросы об источниках информации, которую он дает в Школе Русского языка и в книгах, не отвечает никогда. Очень выгодная позиция: получается, можно говорить вообще все что угодно и о чем угодно.

Печально, что у Сундакова, по его словам, есть филологическое образование — а значит, если он находится в здравом уме, то не может не понимать, насколько фантастичны его теории. Видимо, секрет в том, что они очень хорошо продаются, — хотя как люди платят за этот набор букв, тоже загадка. Но факт остается фактом: на полках крупнейших книжных магазинов труды Сундакова красуются в разделе «Языкознание» рядом с научными, а видео на его ютуб-канале набирают сотни тысяч (а иногда и миллионы) просмотров.

ЧТО О ДРЕВНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА ГОВОРIT НАУКА

Историей языков и установлением родственных связей между ними, как уже было упомянуто, занимается дисциплина под названием «компаративистика», или «сравнительно-историческое языкознание». «Историческое» — потому что изучает историю языков, а «сравнительно» — потому что делает это, сравнивая языки друг с другом и с их предками, которые известны по памятникам письменности.

Такие сравнения помогают выявить закономерности развития языков и даже реконструировать древние языки, которые были бесписьменными. Ученые выявляют звуковые соответствия родственных языков (например, соответствие английского *t* русскому «д»: *tree* — «*дерево*», *two* — «*два*», *ten* — «*десять*»; о таких соответствиях подробнее написано на стр. 206–207) и устанавливают, из каких звуков *праязыка* они могли бы появиться, то есть какие звуки праязыка могли бы дать все имеющиеся в сравниваемых родственных языках варианты. Причем это не бездумное перебирание форм или тыканье пальцем в небо: реконструкция праформ проходит по четким алгоритмам, которые можно сравнить с математическими.

Правильность методов лингвистической реконструкции не раз доказывалась находками более древних памятников письменности, где действительно проявлялись уже реконструированные учеными праформы. Вот примеры, которые приводил в одном из интервью выдающийся лингвист **Вячеслав Всеволодович Иванов**:

«Оказалось, то, что мы называем фонетическими соответствиями, фонетическими законами, действительно работает как математический закон. Скажем, мы восстанавливаем праязык какой-то группы языков. А по-

том находится язык, который входит в ту же группу, но более древний. Сравнивая его и сконструированный нами праязык, мы можем подтвердить нашу гипотезу. Для кавказских языков Старостин восстановил древний прасеверокавказский язык, каким он был примерно шесть тысяч лет назад. А недавно в городе Уркеш на севере Сирии, который существовал четыре с лишним тысячи лет назад, найдены тексты на языке, родственном нашим северокавказским, и эти тексты подтверждают гипотезу Старостина. То, что мы построили как математическую схему, подтверждается в древней форме этих языков. То есть у нас есть способ экспериментальной проверки наших гипотез.

Я много занимался древнейшим из известных по письменным памятникам древних индоевропейских языков — клинописным хеттским. Он был дешифрован чешским ученым Грозным, когда сравнительная грамматика индоевропейских языков уже была построена и оказалось возможным проверить многие из предложенных ранее реконструкций, установить, насколько успешно работает эта лингвистическая машина времени. <...> Французский лингвист Мейе, сравнивая в разных индоевропейских языках приставки и предлоги вроде русских *пере-*, *про-*, *пра-*, *при-*, английского *for*, латинского *pro*, пришел к выводу, что все эти слова происходят из разных падежных форм когда-то существовавшего существительного с пространственным значением. В древнехеттском языке три с половиной тысячи лет назад было такое существительное со значением “передняя сторона”. Оно звучало как *peran*, а отдельные его падежи были похожи на эти приставки и предлоги в позднейших индоевропейских языках»²³⁰.

К слову, упомянутый Ивановым еще один прекрасный компаративист **Сергей Старостин** совместно с другим известным лингвистом **Владимиром Орлом** подтвердил более раннюю гипотезу других ученых (прежде всего датского лингвиста Вильгельма Томсена) о том, что этрусский язык родственен северокавказским языкам и входит с ними в одну языковую семью²³¹. Уж русский профессиональный лингвист заметил бы сходство этрусского с русским, о котором твердят лингвофрики, — но этого не произошло, потому что сходства, как ни покажется это кому-то печальным, нет. Вопрос о родстве этрусского с другими языками все равно пока остается дискуссионным, потому что далеко не все этрусские надписи дешифрованы; но то, что этруски — это явно не русские, ученым очевидно.

И русский язык не самый древний на Земле. Увы, накопленные за почти 200 лет данные исторической лингвистики недвусмысленно говорят именно об этом. Но таковым нельзя назвать и английский, и французский, и итальянский, и даже санскрит.

Да, в перечисленных языках действительно наблюдается сходство многих базовых слов, связанных системой звуковых соответствий, — но оно устроено гораздо сложнее, чем похожее звучание *strawberry* и «с трав бери»:

русский	санскрит	латынь	древне-греческий	английский	итальянский	французский	таджикский
новый	nava-	novus	νέος (неос)	new	nuovo	nouveau	нав
два	dva-	duo	δύο (дюо)	two	due	deux	ду
брат	bhrātar-	frater	φράτηρ (фратер)	brother	fratello	frère	бародап

русский	санскрит	латынь	древне-греческий	английский	итальянский	французский	таджикский
мать (матерь)	mātar-	mater	μήτηρ (метер)	mother	madre	mère	модар
ночь	nakta-	nox	νύξ (нюкс)	night	notte	nuit	—**
стоять	sthā-	sto	στῆω (стеко)	stand	stare	rester***	истодан

Но свидетельствует это сходство не о том, что какой-то из этих языков древнее и из него заимствована лексика в другие языки, а о том, что они *восходят к общему языку-предку*. Его принято называть **индоевропейским** или **праиндоевропейским языком**, и он дал начало большинству языков Европы и многим языкам Индии, которые образуют индоевропейскую языковую семью.

Можно сравнить языковое родство с родством видов в биологии. Мы ведь не делаем вывод о том, что лев произошел от бобра, только потому, что они во многом похожи (строение тела: четыре лапы, хвост, голова с двумя глазами и ртом; шерсть; живорождение; вскармливание детенышей молоком и т. д.)? Мы понимаем, что у льва и бобра просто был общий предок. Точно так же не нужно, увидев в двух современных языках похожие слова, утверждать, что один язык — просто «искаженная версия» другого.

---

* Слово использовалось не в значении «брат», а с семантическим сдвигом: φράτηρ (фратер) — член фратрии, т. е. сообщества нескольких родов.

** В таджикском «ночь» обозначается другим, неродственным словом.

*** Здесь добавилась приставка *re-*.

Устраивать соревнования языков по степени древности, конечно, можно. Русский, например, как самостоятельный язык оформился около XIV века²³² после разделения древнерусского языка на украинский, белорусский и русский. Тот же санскрит в этом плане — гораздо более древний язык, так как он оформился примерно к середине второго тысячелетия до нашей эры.

Но нужны ли такие соревнования? Ведь языки не появляются в один момент из ниоткуда по щелчку пальцев. В действительности языки непрерывно переходят от более древней формы к более новой, и нельзя сказать, что вчера существовал один язык, а уже сегодня он превратился в другой. Нет, граница такого перехода всегда размыта. А еще языки делятся на диалекты, которые позднее могут стать самостоятельными языками, — и опять же нет четкой временной точки, когда диалект превращается в полноценный язык. Все происходит медленно и постепенно, а история языков — это непрерывное движение и развитие.

Так какая разница, какой язык древнее — русский или санскрит, если оба они восходят к единому праиндоевропейскому? И праиндоевропейский — тоже не начальная точка развития этих языков. Он, по распространенной среди современных компаративистов версии, объединяется с несколькими другими праязыками в ностратическую макросемью, изучение которой — перспективная область сравнительно-исторического языкознания.

Чем древнее, тем, по мнению лингвофриков, «круче». Но это, конечно, совсем не так. Нет языков «круче» или «хуже», «богаче» или «примитивнее»: у каждого языка свои богатства и свои сложности, и от степени древности они не зависят. Языки просто разные — а многие из них еще и братья, вскормленные в одной колыбели.

Миф третий

ДО КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ СУЩЕСТВОВАЛА СОВЕРШЕННАЯ СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Мифы о невероятной древности русского языка очень часто сопровождаются мифами о таком же великом прошлом славянской письменности. Детали легенд разнятся, но суть их одинакова: задолго до Кирилла и Мефодия у славян будто бы существовала совершенная письменность, которая обладала магическими свойствами (например, расширяла сознание); деятельность же братьев-просветителей и последующие реформы орфографии привели к сокращению и искажению древней азбуки. Но и сейчас можно приобщиться к знаниям предков и изучить древнюю письменность в специальных школах и на курсах.

В реальности же пока не найдено ни одного — вообще ни единого — памятника славянской докирилловской письменности, а косвенные указания на ее существование неоднозначны и сомнительны (о них далее), поэтому современные лингвисты склоняются к тому, что развитой полноценной системы письма у славян до деятельности Кирилла и Мефодия не было. Но в интернете, книгах и телевизионных сюжетах широко распространяются «древнейшие славянские азбуки», описанные очень подробно.

Самой распространенной фейковой докирилловской азбукой стала так называемая древлесловенская букваца.

Это красивая табличка 7×7 (то есть с 49 буквами), которую некоторые читатели наверняка уже видели, потому что интернет ею буквально забит. Выглядит она так:

А азъ Бог, живущий и сотворяющий на Земле, Я	Б боги Множество Богов; Божественное; превосходящее	В вѣди Мудрость на Земле и Небесах ведаю	Г глаголи Передача мудрости; движение, истечение	Д добро Развитие, достаток; накопление; полнота	Е есть Путь элементов жизни, бытие	Є есмь Связь; определение, разнообразие
Ж животъ Жизнь многогранная; зарождение; эволюция	З зѣло Неизданное; сверх; очень; не познание нами	З земля Земля (небесное тело); почва; форма жизни	И иже Сосливание; равновесие; истина (бытийная)	І ижен Истина (Вселенская); уравнивает	Ї инитъ Община; истина (общинная)	Ѧ гервь Прекрасное; необычное; душевное
К како Объединение человека со Вселенной; объемность, объем	Л людіе Объединение мирно мыслящих; общность	М мыслнтѣ Мышление; мудрость; движение, улучшение	Н нашъ То, что было известно нашим Предкам	О онъ Бог; некто, нечто; форма, структура	П покон Бездействие; подвешенное состояние; покой	Р рѣци Речь, изречение; течение; сила (энергия)
С слово Мысль произнесенная; поток; соединительная форма	Т твѣрдо Утвержденное свыше указание; определенная форма; утверждение	У укѣ Зов, послание; взаимодействие; нахождение рядом	У оукѣ Чувствительность; устой; определенная форма	Ф фѣртѣ Гордость; благородство; значимость	Х хѣръ Мировое равновесие; пересечение определенных значений	Ѡ отъ До сей поры; окончательный результат; предел
Ц ци иселустремленности; цель, высшая структура	У червь Красный, красивый; грань, рубж, черта	Ш ша Тихина; простор; ширь; объемное пространство	Ѵ шта Плотность; разнообразие; неопределенное состояние	Ъ еръ Твердость; сотворение в процессе действия; действо	Ы еры Единство соединения; множество; множественное действие	Ь ерь Существующая жизнь, Богом данная; законченное творение
Ѣ ять Божественная связь; взаимосвязь небесных и земных структур	Ю юнѣ Согласование; взаимосвязь по касательной; прикосновение	Ѧ арь Образ одного рода; однородная структура	К эдо Прикосновение к целому; форма познания	Ѡ омѣ Синие; созидание	Ѧ енѣ Он; структура, определяющая восходящий образ	Ѧ одѣ Богатство, передаваемое по наследству
Ѧ ѣта Познания (указующая форма)	Ѧ ѡта Неприятие чего-либо	Ѧ кси Дух, духовность, духовное	Ѧ пси Душа и всё, что к ней относится	Ѧ фита Единство духа; природа; слияние	Ѧ ижица Движение; гармоничное состояние; благость	Ѧ ижа Мера времени; краткость

На первый взгляд букваца очень похожа на обычную кириллицу. Но если присмотреться, можно заметить довольно много отличий. Сравните буквацу с настоящим старославянским алфавитом²³³:

буква	звуковое значение	название
а	[а]	азъ
б	[б]	боуки
в	[в]	вѣди
г	[г]	глаголи
д	[д]	добро
е	[е]	кстъ
ж	[ж']	живѣтѣ
з	[д'з']	зѣло
з	[з]	земла
и	[и]	ижен
і	[и]	иже
(ѣ) (исполь- зовалась мало)	[г']	(г'єрвь)
к	[к]	како
л	[л]	людик
м	[м]	мыслитѣ
н	[н]	нашь
о	[о]	онъ
п	[п]	покон
р	[р]	рыци
с	[с]	слово
т	[т]	твърдо
ѣ, ѡѣ	[у]	ѡѣкъ

буква	звуковое значение	название
ф	[ф]	фрьтъ
х	[х]	хѣръ
ω	[о]	отъ (омега)
ц	[ц']	ци
ч	[ч']	чрьвь
ш	[ш']	ша
щ	[ш'т']	шта
ъ	[ъ]	кръ
ы, ѣи	[ы]	кры
ь	[ь]	кръ
ѣ	[æ]	ѣтъ
ю	[ʹy], [jy]	-
ѣ	[ʹa], [ja]	-
ѣ	[ʹe], [je]	-
ѣ	[e]*	юсъ малыи
ѣ	[ʹe], [je]	-
ѣ	[q]*	юсъ большии
ѣ	[ʹq] [jq]	-
ѣ	[кс]	кси
ѣ	[пс]	пси
ѣ	[ф]	ѣнта
ѣ, ѣ	[и], [в]	ижица

* [e], [q] — носовые гласные. Похожие звуки многим знакомы по французскому языку, а из славянских языков они сохранились в польском, кашубском и некоторых диалектах.

Если вы внимательно сравнили таблицы, то уже заметили, насколько топорно сделана букваца:

- 1) Последний символ в таблице — æ, и по нему опознать буквицу легче всего. Буква æ действительно существует, вот только это лигатура латиницы* в виде двух соединенных букв «a» и «e», и она встречается в алфавитах датского, норвежского, исландского и некоторых других языков. Носителям же русского языка этот символ знаком скорее как знак транскрипции, получивший в народе название «лягушка». Но ни в одном кириллическом памятнике славянской письменности он не встречается. Скорее всего, создателю буквицы не хватало символов для того, чтобы составить квадратную таблицу, вот он и использовал эту красивую букву.

Видимо, по той же причине в буквицу были добавлены символы-дублеты: є и ѓ в первой строке — всего лишь разные начертания одной и той же буквы.

- 2) Странно выглядит также соседство ѣ и њ. В настоящей старославянской азбуке был диграф (составной письменный знак, состоящий из двух букв) ѣѣ, который также для экономии места записывался как њ — и в этом втором варианте буквы просто написаны одна над другой. Диграф читался всего лишь как [y]** и позднее сократился до одиночного ѣ. Использовать же оба симво-

---

* Из кириллических алфавитов символ встречается только в осетинском, но осетинский язык не принадлежит к славянским.

** Такая на современный взгляд странная система обозначения объясняется греческой традицией: в греческом алфавите, на который ориентировались создатели кириллицы, звук [y] точно так же записывался диграфом ου или ѱ.

ла — **у** и **Ѹ** — да еще и с названием, которое читается абсолютно одинаково (**укъ** и **оукъ**), применительно к древнейшей азбуке довольно абсурдно.

- 3) Многие названия букв в буквице исковерканы или никогда не существовали: «**юнъ**», «**эдо**», «**ёта**», «**арь**» и так далее. Греческая омега почему-то названа «**омъ**». Хотя понятно почему: это же священный звук в индуистской и ведийской традиции, которая, по мнению автора буквицы, идеально ложится на славянскую почву.
- 4) В названиях букв использованы символы, которых нет в самой буквице, — «**э**», «**я**» и «**ё**» в «**эдо**», «**ять**» и «**ёта**». «**Э**» появляется в отдельных памятниках письменности с XIII века, но официально попала в алфавит лишь при Петре Первом. Буква «**я**» — видоизменившийся в скорописи «юс малый» (**Ѧ**), и «**я**» тоже официально вошла в азбуку только при Петре. «**Ё**» и вовсе была введена только в конце XVIII века.

КАК РАСШИФРОВАТЬ ЧУШЬ?

И главное различие: в буквице, в отличие от обычной азбуки, у каждой буквы есть не только начертание и название, но и так называемый «образ» — значение (в таблице он подписан под каждой буквой мелким шрифтом). Зная образы, якобы можно понять истинный смысл любого слова: оно строится подобно аббревиатуре, соединяющей смыслы каждой буквы. Изучая образы и расшифровывая слова, будто бы можно даже раскрыть весь потенциал работы мозга и расширить сознание.

Вот как трактуется слово «наука» в одной из статей о буквице:

«Н — наше; то, что было известно нашим предкам.

А (Азъ) — человек, живущий на земле.

У (Укъ) — зов; послание; приближение.

К (како) — сравнение, объем, просветление; прикосновение к божественному потоку. <...>

А (Азъ) — исток, начало.

Образ слова НАУКА: то, что было известно нашим предкам в начале, приближает к просветлению, к познанию истока»²³⁴.

Если вы думаете, что сейчас прочли выписку из дневника сумасшедшего, вы ошибаетесь. Это отрывок из статьи, опубликованной в научном рецензируемом журнале. Ни один из авторов, к слову, не имеет филологического образования; они — кандидаты технических наук, преподаватели Камышинского технологического института, а одна из авторов — студентка.

Вывод статьи вполне типичен (для сочинения лингвофриков, но не для статьи в научном журнале): «необходимо научить людей мыслить глубинно, вернув истинный смысл словам. Только возвращение к образному мышлению вернет гармонию и взаимопонимание людей».

Шарлатаны расшифровывают слова не только по отдельным буквам, но и по слогам. Например, слог РА обозначает, разумеется, свет («РА-дуга», «ве-РА», «х-РА-м» и даже «РА-сея», то есть Россия). ГА — движение («но-ГА», «Вол-ГА», «доро-ГА», «бродя-ГА»). То, что в соответствии с такими расшифровками, к примеру, «гараж» («ГА-РА-Ж») — это что-то вроде «движения света жизни», никого, кажется, не смущает: лингвофрики расшифровывают только «удобные», подходящие под их концепцию слова, а остальными просто пренебрегают.

Показательно, что с помощью образов «невероятно древней» буквы расшифровываются все слова без разбора:

и действительно древние, и современные, и заимствованные. Вот пример разбора слова «люстра» (орфография и пунктуация автора сохранены):

«Рассмотрим слово люстра: “лю” — люминесценция — свет нисходящий, подразумевается сверху вниз, например, со звезды. Слоган “ст” есть в словах, означающих предметы, имеющие стабильное агрегатное состояние и положение в пространстве, такие как: стена, стекло, сталь, степь, стрела и т. д. Как правило, слова, содержащие “ст”, имеют вертикальное положение: Стакан, стена, стог, стул, стол, стэлла, стеллаж, стебель и так далее. Пойдем далее: “Ра” — сокращенное Разум (Творец), Свет. В сумме получаем описание: верхний, стабильный источник энергии — света, сотворенный Ра (Разумом)»²³⁵.

Вот только слово «люстра» было заимствовано в XVIII веке из французского языка.

Видимо, адептам невдомек, что язык имеет свойство меняться, что современные слова тысячу лет назад и произносились, и писались иначе, а некоторые могли и вовсе не существовать. А ведь достаточно просто открыть любую древнюю летопись или прочесть берестяную грамоту²³⁶, чтобы в этом убедиться, — благо их фотографии сейчас выложены в Сети.

Значения «образов» максимально размыты, под них можно подвести фактически любое слово. Я попробовала воспользоваться сервисом «перевода» слов на образный язык буквы²³⁷ (да, есть и такие), и вот что у меня получилось:

«чушь:

ч — Проявление неизведанного в яви, красивый. Рубеж, межа

чу — Чутье

у — Зов, послание, чувственность, устои
ш — Тишина, объемное распространение, умноже-
ние
ь — Богом данная жизнь»

При известной широте воображения вполне можно решить, что «чушь» — это умножение красивого послания чутья в богом данной жизни. Почему бы и нет. Слово «дура» ведь расшифровывают как «ду — ра»:

«по Буквице ДУ — это два и более, а РА — это ре-
кущий аз. Человек такой воспринимает мир несколько
шире, чем другие»²³⁸.

Конечно, буквицей не записан ни один памятник письменности. Впервые она упоминается в книгах и лекциях А. Хиневича — основателя неоязыческой секты инглингов, автора «Славяно-арийских вед», судимого за экстремизм.

Сами поклонники буквицы признают, что ее существование доказать невозможно. Но для них это не проблема.

Вот что написал в статье «Буквица как экспериментальное направление» один из самых известных преподавателей буквицы, Андрей Ивашко:

«Отсутствие информации исторического характера
еще не говорит о том, что Буквицы не было в прошлом
у наших Предков»²³⁹.

Что ж, аргумент, конечно, «сильный»: тогда отсутствие информации о макаронном монстре, людях с песьими головами или приборе для телепортации тоже еще не означает, что их нет. А доказательство существования буквицы, по мнению Ивашко, заключается в том, что на нее «отзывается сердце».

ЯЙЦО ИЛИ КУРИЦА? ПИСЬМО ИЛИ РЕЧЬ?

Представим на секунду, что буква действительно существовала. Если это так, получается, сначала появились буквы и соответствующие образы, а затем из них кто-то составил слова. Иначе как появились бы такие «мудрые послания предков» в каждом простом слове?

Это противоречит и всей истории письменности, и просто здравому смыслу.

Сначала всегда появляется речь, и уж потом изобретается способ ее записи, а не наоборот. Интересно, как люди должны были изобретать язык из буквы, еще не умея разговаривать? Как они договаривались, из каких «образов» составить то или иное слово?

И само деление слов на буквы или слоги как смысловые части совершенно нелепо.

Абсолютно во всех языках минимальная единица, имеющая некий смысл, — это морфема (например, корень, приставка, суффикс). Именно с помощью морфем, а не просто букв, образуются новые слова*. Не существует языков, в которых слова (за исключением аббревиатур) образовывались бы не из морфем, а просто из букв. Нет и языков (ни современных, ни древних — а лингвисты изучили их тысячи), где буквы или слоги, не совпадающие с морфемным членением,

---

* Исключения — разве что звукоподражания и некоторые междометия («мяу», «бух», «ха-ха», «ах»), которые просто имитируют звуки. Но если от них образуются производные, происходит это с помощью морфем: например, в глаголе «мякнуть» есть суффиксы *-к-* и *-ну-* и окончание (или, по мнению некоторых ученых, тоже суффикс) *-ть*.

имели бы отдельный смысл. Другое дело, что есть языки (например, китайский), где морфемы короткие и почти всегда равны слогам, но русский к таким языкам не относится и не относился никогда.

Но несмотря на всю видимую нелепость теории буквицы, у нее очень много поклонников.

Существуют школы и курсы по изучению буквицы, специальные «буквари» и даже кубики для детей (и все это стоит совсем не дешево). Интернет буквально забит статьями о буквице, а таблицу 7×7 картинки Google выдают по запросу «древняя азбука» или «алфавит славян» одной из первых. Видимо, на эту удочку и попались создатели памятника Кириллу и Мефодию перед Сургутским университетом, ведь монумент этот изображает святых, указывающих на огромный свиток с буквицей.

Памятник
Кириллу
и Мефодию
возле СурГУ

НАСТОЯЩАЯ ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

Приходится признать тот факт, что домыслы о докирилловской письменности (не буквицы, конечно, но тем не менее) были спровоцированы самими лингвистами в середине прошлого века. Идеологические установки, увы, повлияли на появление работ крупных лингвистов, в которых утверждалось ее существование при отсутствии убедительной доказательной базы.

Советской идеологии конца 40-х — начала 50-х гг противоречила мысль о том, что появление славянской письменности было тесно связано с христианизацией Руси и с потребностями Церкви в переводах богослужебных

книг. Возможно, ситуация усугубилась после знаменитой статьи Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.), в которой есть и рассуждения о письменности²⁴⁰: по мнению Сталина, она появилась в связи с зарождением государства и благодаря развитию торговли. Оспаривать эти тезисы было по понятным причинам невозможно, и в том же году выходит книга известного лингвиста Павла Черных «Происхождение русского литературного языка и письма», где он делает очень смелое заявление:

«Можно полагать, что восточные славяне с древнейшего времени умели писать. Можно говорить о непрерывной (с доисторической эпохи) письменной традиции на территории древней Руси»²⁴¹.

Немногим позже, в 1952 году, выходит книга Дмитрия Лихачева, который был непререкаемым авторитетом в филологической науке, — «Возникновение русской литературы». В этой книге ученые, заявлявшие о приходе письменности на Русь только после крещения, были названы «буржуазными» и со ссылкой на статью Сталина утверждалось, что «в развитии русской письменности официальное принятие христианства сыграло крупную роль, но эта роль <...> была ролью подсобной, а не основной. <...> Потребности государства, потребности торговли, потребности развитого ремесла, потребности развитых представлений о собственности — вот что вызвало и поддержало на Руси появление письменности. Письменность на Руси появилась и должна была неизбежно появиться на известном уровне общественного развития. Напомним, что Сталин говорит о появлении письменности после появления классов, но до зарождения государства, и особо отмечает нужду в письменности государства и развитой торговли»²⁴².

В начале 60-х годов гипотезы о докирилловской славянской письменности были развиты в других работах — в частности, книгах известного советского филолога Виктора Истрина, который писал о возможном существовании протоглаголицы, протокириллицы и других докирилловских систем письма.

Но, разумеется, ни один серьезный ученый не позволял себе того, что делают сейчас лингвофрики, — а именно не восстанавливал точный облик и состав докирилловской азбуки, потому что для этого нет вообще никаких оснований и данных.

Современные ученые относятся к изысканиям коллег советского времени критически. Ни в коем случае не оспаривая авторитет Лихачева, Черных, Истрина и других замечательных ученых, лингвисты все же вернулись к традиционной точке зрения на возникновение славянского письма, так как ни одного бесспорного памятника докирилловской письменности найти так и не удалось, а косвенные аргументы в пользу ее существования неубедительны.

Традиционная научная версия появления славянской письменности связана с именами братьев-просветителей Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия. Вероятно, они родились в византийском городе Солуни (нынешних Салоники), а это был двуязычный город: в нем говорили как на греческом, так и на южнославянском солунском диалекте, который Константин и Мефодий могли знать с детства.

Около 863 года по просьбе великоморавского князя Ростислава византийский император отправляет братьев в Моравское княжество (сейчас это территория Чехии и Словакии) с важной миссией — создать славянскую письменность. Нужно обратить внимание, что произошло это более чем за сто лет до Крещения Руси и начала распространения письменности на ее территории. Да, история славянской письменности началась не на Руси.

Моравия к тому моменту — славянское государство, жители которого уже приняли крещение в 831 году, и им требовалась письменность для переводов богослужебных книг на местный язык. Здесь, ориентируясь на звучание одного из славянских диалектов (вероятно, солунского, который они могли выучить еще в детстве), Кирилл разрабатывает письменность и делает переводы нескольких богослужебных книг с греческого на созданный им же старославянский язык.

Чтобы предыдущая фраза не звучала для читателей «по-лингвофрически» (как можно создать язык?..), поясню вот что: старославянский — это не тот язык, на котором общались славяне. Это искусственный литературный язык, и на нем вообще никто никогда в быту не разговаривал.

А почему Кирилл и Мефодий просто не перевели тексты на настоящий, живой язык славян? Потому что в то время он был языком прежде всего бытового общения, а для выражения сложных абстрактных и богословских понятий его средств было недостаточно. Если вы попытаете пересказать учебник по квантовой химии без использования специальных терминов и научного стиля изложения, обычным разговорным языком —

тем, с помощью которого вы обсуждаете с друзьями новости и составляете список покупок, — ваше предприятие вряд ли увенчается успехом. Примерно в такой же ситуации были Кирилл и Мефодий; и она осложнялась тем, что богослужебные тексты еще и принято было переводить очень точно, практически пословно, чтобы не допустить искажений. Поэтому братья-просветители вынужденно привнесли в них греческие элементы грамматики и синтаксиса — и, конечно, много греческой лексики. И получился старославянский — литературный южнославянский язык, язык богослужений и книжности. После XI века на территории Руси он немного трансформировался под влиянием древнерусского языка, и этот видоизмененный вариант принято называть уже по-другому — церковнославянским.

Судя по всему, Кирилл создал не тот алфавит, которым мы пользуемся сейчас, а другую азбуку — так называемую *глаголицу*. Устроена она была почти так же, как и появившаяся позже кириллица, то есть состав и порядок ее букв тоже ориентировались на греческий образец, — но сами начертания букв были оригинальными в том смысле, что они не совпадают ни с одной азбукой того времени, известной ученым. Возможно, они испытали влияние древнегрузинского и древнееврейского письма, но в целом стали результатом творчества самого Кирилла.

Чтобы вы представили, как выглядит этот алфавит, я напишу с его помощью фразу А. А. Зализняка — «Истина существует»:

Зографское
Евангелие —
глаголический
памятник кон-
ца X — начала
XI века

Вы видите, что буква «а» («азъ») выглядит как крест, и это, скорее всего, не случайно: алфавит, предназначенный для записи богослужебных христианских текстов, было вполне закономерно начать с креста. Возможно, есть сакральный смысл и в сходстве букв «и» («ижеи») и «с» («слово»), ведь с их помощью сокращенно записывалось имя Иисус. А буква «щ» («шта») неспроста показалась вам знакомой: она перешла в кириллицу и дошла до наших дней с минимальными изменениями.

О том, какая азбука древнее – глаголица или кириллица, судить не так просто, потому что переводы Кирилла до нас не дошли, и мы точно не знаем, какую именно азбуку он в них использовал. Но все же ряд косвенных доказательств свидетельствует о том, что глаголица появилась раньше.

Это и бóльшая архаичность языка глаголических памятников, и палеографический анализ, который показывает, что начертания букв кириллицы ориентированы на греческое письмо X века, а не IX века, когда Кирилл создавал первую азбуку. Это и анализ *палимпсестов* — текстов, которые из-за дороговизны и экономии пергамента писались один поверх стертого другого — но этот стертый текст все же, благодаря современным технологиям, можно прочесть. Так вот: палимпсестов, где кириллица написана поверх глаголицы, найдено довольно много. Палимпсестов же, где, наоборот, глаголица нанесена поверх кириллицы, — ни одного²⁴³.

Кириллица, по всей видимости, была создана учениками Кирилла (чаще всего среди них упоминают имя Климента

Охридского) и названа так в честь учителя. Начертания кириллических букв ориентируются уже на вполне ясный источник — греческий алфавит, а именно византийский унциал (торжественное, уставное письмо, которым писались богослужебные книги). Впрочем, часть букв, необходимых для записи типично славянских звуков, отсутствовавших в греческом языке — а, следовательно, и в греческом алфавите, — была позаимствована из глаголицы и других систем письма, а некоторые буквы, возможно, были созданы с нуля.

Какое-то время глаголица и кириллица сосуществовали, но в конечном итоге кириллица вытеснила глаголицу. Почему — вопрос дискуссионный; но, скорее всего, дело в более привычных начертаниях букв кириллицы для тех, кто уже был знаком с греческим письмом, и в том, что прямые линии кириллицы легче высекают на камне и прочерчивать на воске или бересте. В итоге глаголица широко употреблялась только около века после создания, хотя на некоторых территориях (например, в Хорватии) она просуществовала дольше и даже иногда используется и по сей день, но очень ограниченно (к примеру, в надписях на сувенирах).

Письменность, созданная в Моравии, быстро начинает распространяться на соседние территории — прежде всего на Болгарию, куда были изгнаны ученики Кирилла и Мефодия после смерти просветителей. Крещение Болгарии произошло чуть позже, чем Моравии, но по сравнению с Русью тоже довольно рано — около 864 года, поэтому письменность в Болгарии как раз пришлась ко двору.

Но до восточнославянских земель, до территории Руси, письменность и книжный старославянский язык добираются только по прошествии примерно ста двадцати лет со времени моравской миссии Кирилла и Мефодия — тоже лишь после крещения, а произошло оно на Руси в 988 году.

«Если по одну сторону рубежа 988 г. свидетельства использования кириллического письма на Руси оказываются при ближайшем рассмотрении мнимыми, то по другую его сторону, для первых же десятилетий после официального крещения, число их медленно, но неуклонно прибывает»²⁴⁴, — пишет специалист в области древнерусского языка Алексей Гиппиус.

После крещения Руси князь Владимир начинает чеканить монеты с кириллическими надписями, появляются первые восточнославянские памятники письменности, древнейший из которых (во всяком случае, из тех, что были найдены) — Новгородский кодекс, в основном содержащий тексты псалмов и датированный примерно 1015 годом²⁴⁵. Также в кодексе фигурирует 999 год, но неясно, действительно ли это дата написания текста²⁴⁶. И уже полноценно, в разных сферах, письменность начинает использоваться после того, как сын Владимира, Ярослав Мудрый, предпринимает значительные усилия для ее распространения: в частности, около 1030 года собирает 300 новгородских детей, чтобы «учити книгам», фактически формируя первое поколение просвещенной интеллигенции.

И как бы кому-то ни хотелось утверждать обратное, но до деятельности Кирилла и Мефодия у славян полноценной письменности все же не было — хотя в житии Кирилла есть отрывок, который на первый взгляд опровергает этот тезис, и на него очень любят ссылаться лингвофрики.

Он описывает, как Кирилл еще до моравской миссии во время поездки к хазарам остановился в Крыму, в греческой колонии в Херсонесе, и прочел там Евангелие и Псалтырь, написанные **роу҃сьскими писмены** (или **роу҃ш'ки(м) писмене(м)**,

роуѣтъскы писменѣ²⁴⁷ в других списках жития). У современных лингвистов нет единого мнения о трактовке этого места, но большинство сходится в том, что важнейшие христианские тексты, Евангелие и Псалтырь, не могли быть записаны русскими буквами за 150 лет до крещения Руси.

«Этот пассаж рассматривается сейчас <...> либо как целиком вставленный в текст Жития при позднейшем редактировании, либо как содержащий легко объяснимое и подтверждаемое аналогичными примерами в других памятниках искажение (“русскими” вместо “сурьскими”²⁴⁸, то есть сирийскими, письменами)»,²⁴⁹ — объясняет Гиппиус.

Хочется подчеркнуть, что ученые вовсе не пытаются замять вопрос о «русских письменах» в житии Кирилла. Никто не пытается скрыть, что это неясное место там есть, — наоборот, его трактовке посвящено множество научных работ.

Еще одно интересное свидетельство о письменных практиках славян до деятельности Кирилла и Мефодия содержится в «Сказании о письменах» болгарского книжника X века *Черноризца Храбра* (возможно, ученика Кирилла и Мефодия — впрочем, о его личности ученые до сих пор спорят). Трактат Храбра начинается со следующих слов:

Прѣжде оубѣ словѣне не имѣху книгъ. нѣ чрътами и рѣзами чытѣху и гатааху погани сѣще. крѣстивше же сѧ. римскими и гръчьскими писмены. нѣждааху сѧ словѣнскы рѣчь безъ оустроения²⁵⁰.

Храбр прямо говорит, что славяне не имели *книгъ*, а по другим вариантам текста в более поздних списках — и *писменѣ*²⁵¹, т. е. письменности, когда они *погани сѣще*, т. е. были

язычниками. Но эти слова лингвофрики обычно замалчивают, начиная свои изыскания с продолжения фразы Храбра о «чертах и резах»: якобы те самые **черты и резы** — это и есть название древних форм славянской письменности. Чаще всего в «чертах и резах» псевдолингвисты видят некие «славянские руны», ведь руны действительно выглядят как черточки и надрезы — и на этом их доказательная база обычно заканчивается, но многим большего и не надо.

Теории о «славянских рунах» очень популярны, ведь руны в представлении обывателей — это обязательно что-то очень древнее и мистическое, хотя прежде всего это просто письменность древних германцев.

Но что пишет Храбр о чертах и резах? То, что славяне ими **чѣтъѣхъ и гатаахъ**.

Гатаахъ, вероятно, значит «гадали»: именно с буквой «т» это слово реконструируется в «Этимологическом словаре славянских языков»²⁵²; в форме «*гатати*» оно известно в современном сербском, хорватском и некоторых диалектах, в форме «*гата*» — в македонском. Значит, черты и резы могли использовать в ритуалах — но это еще не письменность.

А в первом глаголе обычно видят «*читали*» — и это действительно может быть так — но с тем же успехом слово может переводиться и как «*считали*». Глагол **чести** (вариант написания — **чѣсти**) значил и «читать», и «считать»²⁵³, ведь *с-* в современном слове «*считать*» — исторически приставка (сравните с «*четный*», «*число*»). Так что черты и резы могли быть не буквами, а просто зарубками для расчетов.

В любом случае, если бы Черноризец Храбр хотел подчеркнуть, что черты и резы были полноценной письменностью, он сказал бы, что ими не **чѣтъѣхъ и гатаахъ**, а **писаахъ**. И уж точно не стал бы начинать трактат с фразы **словѣне не имѣхъ писменъ**.

Далее Храбр рассказывает, как славяне пытались писать после крещения, — но говорит он не о восточных славянах и крещении Руси: оно произошло спустя примерно 120 лет после моравской миссии, а Храбр описывает события до нее. Следовательно, упоминает он крещение Моравии, которое прошло около 831 года, и славян, живших именно там.

По словам Храбра, после крещения славяне пытались записывать славянскую речь и делали это **римскими и гръчьскими писмены**, но «без устроения». Это значит, что латинские и греческие буквы использовались славянами бессистемно, не упорядоченно, так как были плохо приспособлены для записи текстов на славянских языках и не учитывали специфики славянских звуков. Храбр далее поясняет, что римским и греческим письмом было невозможно написать многие слова: например, «*бог*», «*живот*», «*зело*» («очень»), «*церковь*» — ведь в этих алфавитах не было букв для передачи звуков [б], [ж], [з], [ц]. Поэтому Храбр и называет Кирилла посланником Бога, наконец помиловавшего славян: благодаря деятельности просветителя они наконец получили полноценную письменность.

Если вдруг ученые найдут достоверные и неопровержимые свидетельства существования докирилловской письменности – прежде всего ее памятники – конечно, они признают ее наличие.

Но пока речь об этом не идет — а все «находки», которые демонстрируют лингвофрики (например, надписи, которые читает В. Чудинов), не выдерживают проверку даже здравым смыслом.

Лингвофрики любят упрекать тех, кто не признает их «открытия», в отсутствии патриотизма, в выставлении русских дурачками, которые без Кирилла и Мефодия обойтись не

смогли. Но в том, что письменность распространилась на Руси только после крещения, на самом деле нет ничего странного или обидного. Это только исторический факт, который ничего не говорит об интеллектуальных способностях наших предков. У многих других народов с развитой культурой письменность появилась еще позже — например, литовский язык получил письменность только в XVI веке, и это при том, что литовский очень архаичен, он сохранил много черт праиндоевропейского языка.

А настоящая любовь к своей стране и языку заключается не в тиражировании красивых сказок об их прошлом, а в знании их настоящей истории.

Миф четвертый

В БУКВАХ АЛФАВИТА ЗАШИФРОВАНО ПОСЛАНИЕ

Один из самых широко тиражируемых мифов о языке — теория о том, что Кирилл и Мефодий, создавая алфавит и придумывая буквам названия (азъ, воукы, вѣди), якобы составили из них глубокомысленное послание нам, потомкам. Если прочесть названия букв последовательно, друг за другом, можно приобщиться к великой мудрости первоучителей.

По интернету кочует несколько вариантов перевода «послания», но самый популярный выглядит так:

«Я знаю буквы:
Письмо — это достояние.
Трудитесь усердно, земляне,
Как подобает разумным людям —
Постигайте мироздание!
Несите слово убежденно —
Знание — дар Божий!
Дерзайте, вникайте, чтобы
Сущего свет постичь!»

Распространился он благодаря книгам Ярослава Кеслера — доктора наук (правда, химических, но когда отсутствие специального образования мешало лингвофрикам?), музы-

канта и последователя концепции альтернативной истории Фоменко и Носовского. Ярослав Кеслер считает алфавит не просто символами для записи речи. Для него это целое учебное пособие, причем древнейшее (мы же помним, что русский язык и русская культура — «самые древние на Земле»):

«Праславянская азбука — первый в истории учебник. Человек, прочитавший и понявший азбучное Послание, овладевает не только универсальным методом хранения информации, но и приобретает способность передачи накопленного знания — т. е. становится Учителем»²⁵⁴.

Многообещающе, правда?

Кстати, найдите грамматическую ошибку в последней фразе Кеслера*.

Обратите внимание, что Кеслер называет азбуку «праславянской», демонстрируя полное незнание истории языка и лингвистической терминологии, ведь «праславянским» ученые называют язык-предок всех славянских языков, и был он бесписьменным — во всяком случае, следов праславянской письменности не найдено.

По словам Кеслера, из названий «праславянских» букв складывается следующий текст:

«Азь буки веде.
Глаголь добро есте.
Живите зело, земля,
И иже како люди,
Мыслите нашъ онъ покои.

---

* Части союза «не только..., но и...» должны присоединяться непосредственно к однородным членам («не только овладевает..., но и приобретает»). У Кеслера же первая часть союза стоит не на своем месте («не только универсальным методом..., но и приобретает»).

Рцы слово твердо —
 Укъ фреть херь.
 Цы, черве, шта ъра юсь яти!»²⁵⁵

Перевод Кеслера на современный русский язык я привела в начале главы. Но прежде чем проверять, насколько он соответствует исходнику, посмотрим на сам этот исходник и сравним его с теми названиями букв, которые даются в учебниках старославянского языка (по памятникам XI века) и грамматиках XIX века:

XI век ²⁵⁶	XIX век ²⁵⁷	Кеслер
а азъ	а азъ	азъ
б боукы	б буки	буки
в вѣди	в вѣди	(!) веде
г глаголи	г глаголь	(!) глаголь
д добро	д добро	добро
е естъ	е есть	(!) есте
ж живѣте	ж живете	(!) живите
з зѣло	—	зело
з земля	з земля	земля
и ижеи	и иже	(!) и
і иже	і —	иже
(ѣ) (г'єрьь) (использовалась мало)	—	—
к како	к како	како
л людикъ	л люди	люди
м мыслите	м мыслѣте	мыслите
н нашъ	н нашъ	нашъ
о онъ	о онъ	онъ
п покон	п покой	покои
р рцы	р рцы	рцы

с слово	с слово	слово
т твердо	т твердо	твердо
ѡ, Ѣ ѡкъ	у —	укъ
ф фрьтъ	ф фертъ	(!) фретъ
х хѣръ	х хѣръ	херь
ѡ ѡтъ (омега)	—	—
ц ци	ц цы	цы
ѷ чрьвь	ч червь	(!) черве
ш ша	ш ша	—
щ шта	щ ща	шта
ъ крь	ъ ерь	(!) ѡра
ы кры	ы еры	—
ь крь	ь ерь	—
ѣ ять	ѣ ять	(!) яти
—	э	—
ю —	ю	—
ѧ —	—	—
Ѧ —	—	—
Ѧ юсь малыи	я	юсь
Ѧ —	—	—
Ѧ юсь большии	—	—
Ѧ —	—	—
Ѧ кси	—	—
Ѧ пси	—	—
Ѧ ѡнта	Ѧ ѡнта	—
Ѧ ижица	Ѧ ижица	—

Состав азбуки и названия букв менялись с течением времени. И конечно, алфавиты XI и XIX веков отличаются — но вариант Кеслера не соответствует ни тому, ни другому.

Почему-то у Кеслера от алфавита осталось только 29 букв — тогда как в старославянской азбуке их 44 (или 43, если не считать «гервь», которая почти не использовалась). Неко-

торые буквы он просто выбросил: помимо греческих ограниченных в использовании букв вроде «кси» и «пси» исключены такие важные буквы, как «ю» и «ы», например. Наверное, не получилось их логично вставить в «послание». А некоторые буквы Кеслер безосновательно назвал вариантами одного и того же символа: например, «юсы» большой и малый (хотя обозначали они разные звуки), «ер» и «ерь» (это были сверхкраткие гласные, и они все же различались). Действительно, некоторые древнейшие памятники написаны с использованием одноюсовой или одноеровой системы, но их немного; всё же более распространен был вариант с двумя «ерами» и «юсами». При этом «зело» и «земля», «и» и «иже» в алфавите оставлены — ведь без них текст послания не получился бы таким связным.

Многие названия букв просто исковерканы (я отметила их в таблице восклицательным знаком). Названий, не совпадающих ни с одним «традиционным» вариантом, оказалось целых девять. Если некоторые несоответствия можно оправдать тем, что у Кеслера не нашлось подходящего шрифта для передачи буквы Ѣ, то, например, превращения буквы «ерь» в «ѣра» или «ять» в «яти» совершенно необъяснимы.

Хотя нет, объяснимы. Просто слова пришлось немного подправить, потому что «перевод» не сходился. Посмотрим же на него повнимательнее.

ФЕРТИЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

Поразительно, конечно, на что способно человеческое воображение, не отягощенное здравым смыслом и потребностью черпать знания в научных источниках (хотя бы просто в учебнике старославянского языка).

Например, оно может составить осмысленный текст из набора слов, где имена (существительные, местоимения, при-

лагательные — **азъ, боукы, добро, зѣмла...**) стоят исключительно в именительном падеже единственного числа (то есть в начальной форме — такой, какую записывают в словарях).

Да, **боукы** — это не «*буквы*». «*Буквы*» в старославянском IX—XI веков — **боукъви**. А **боукы** — «*буква*» или вообще «что-то написанное»²⁵⁸, и это слово, относящееся к особому малочисленному типу склонения, характерный признак которого — окончание **-ы** в именительном падеже единственного числа и «наращение» основы **-ъв-** в других формах. Позднее и начальная форма таких слов видоизменилась под влиянием остальных, но в старославянских памятниках мы еще читаем слова **свекры, любви, смокы, црькы, кры, бры** (свекровь, любовь, смоква, церковь, кровь, бровь).

То есть **азъ боукы вѣди** невозможно перевести как «я буквы знаю». Форма глагола здесь не вполне ясна, но **азъ боукы** переводится вполне однозначно: «я буква».

И таких искажений и натяжек в переводе очень много, особенно во второй его части.

Например, перевести **оукъ фрьтъ хѣръ** как «знание — дар Божий» нужно было очень постараться. Да, **оукъ** — это действительно «учение». Но происхождение слова **фрьтъ** до сих пор остается невыясненным. Возможно, это просто звукоподражание.

Впрочем, Кеслер «выяснил» и его, связав со словом «*фертильный*», хотя, кроме созвучия, на эту аналогию не указывает ничего. А **хѣръ** Кеслер называет родственным немецкому *Herr* и английскому *hero* — хотя если бы это было так, буква называлась бы, видимо, не «*хером*», а «*гером*» (как немецкое *Horn* имеет русский аналог «*горн*» [музыкальный инструмент]), *Hauptwache* — «гауптвахта», английское *hero* — «герой»). Да и *Herr* не родственен *hero*. Самая же распространенная научная гипотеза о происхождении названия **хѣръ** гласит, что это может быть сокращение от слова «*херувим*».

А еще предложение в старославянском языке в норме не могло строиться без глагола. Как сейчас в английском мы сказали бы «*Knowledge IS a gift of God*», так и по-старославянски нужно было бы написать **оукъ кстѣ даръ Бжии**. И вообще кажется сомнительным предположение, что идею дара Божия, которую легко выразить старославянскими словами, очень похожими на современные, авторы «послания» вдруг решили передать с помощью слов **фрътъ** и **хѣръ**.

Ци чрьвь шта Кеслер переводит как «держайте, вникайте, чтобы». Но названия **ци** и **шта**, скорее всего, лишь отражают звуки, которые обозначаются этими буквами. Буква **ци** просто читалась в старославянском как [ш'т']. А **чрьвь** — это (как ни странно) «червь». На каком основании это слово переводится как глагол?

Ну и завершает перевод прекрасная в своей наивности трактовка **кръ юсъ ѡтъ** — точнее, в варианте Кеслера «*бра юсъ яти*» — как «*сущего свет постичь*».

«Прекрасная», во-первых, потому, что с буквы **ѣ** в старославянском вообще не начинались слова (как и в современном русском). Ну нет в памятниках письменности ни одного слова, которое начиналось бы с **ѣ**, а у Кеслера есть — «*бра*». Причем к этому многострадальному слову еще и прибавилось окончание **-а**: Кеслеру просто нужно было сделать из этой формы подобие существительного в родительном падеже.

Во-вторых, чистейшей прелести чистейший образец — это сам перевод и подбор однокоренных слов. В трактовке Кеслера корень в слове «*бра*» тот же, что и в имени египетского бога солнца Ра, и к тому же корню Кеслер в лучших традициях Задорнова возводит слова «*ура*» («к Солнцу!»), «*аура*» («дыхание Солнца»), «*пора*» («по Солнцу»), «*эра*» и многие другие.

Юсь трактуется как «*свет*» только потому, что... название звучит похоже на слово «*ясный*». Действительно, что же еще нужно? А **ять** преобразается в «*яти*» для того, чтобы слово было похоже на инфинитив: в старославянском и древнерусском языке неопределенная форма глагола оканчивалась именно на *-ти*, а не на *-ть*, как сейчас (**плакати**, **исцѣлѣти**, **обладати**, **посрамѣти** и так далее).

Теперь, думаю, ясно, на каком уровне Кеслер «овладел универсальным методом хранения информации» и «стал Учителем».

НАУКА – О ПОЯВЛЕНИИ НАЗВАНИЙ БУКВ И «ПОСЛАНИИ»

У ученых нет единого мнения о том, как у букв появились названия.

Возможно, это просто осмысленные славянские слова. Во времена, когда создавалась славянская письменность, во многих языках существовала традиция называть буквы словами, и Константин Философ (Кирилл) был с этой традицией, безусловно, знаком. Тот же греческий алфавит, который послужил образцом для славянского, тоже имел названия букв, унаследованные еще из финикийского письма, — хотя они к тому времени были искажены и потеряли первоначальный смысл.

Сам порядок славянских букв тоже ориентируется на греческий образец. То есть славянские буквы расположены именно так вовсе не для того, чтобы составить из их названий текст, а просто потому, что примерно так же они были расположены в греческой азбуке.

И ни в греческом, ни в финикийском, ни в каком-либо еще языке названия букв не складывались в послания.

Есть еще одна гипотеза о появлении названий славянских букв. Согласно ей, названия букв — это отрывки не дошедшей до нас *азбучной молитвы*.

Те азбучные молитвы, которые сохранились до наших дней, представляют собой текст, разделенный на строки подобно современным стихотворениям. Каждая строка такого текста начинается с определенной буквы, и, если прочесть эти первые буквы строк последовательно, можно составить алфавит. Такие молитвы, помимо собственно сакрального использования, имели сугубо практическое назначение — служили своеобразным «мнемоническим приемом», облегчавшим запоминание порядка букв.

Чтобы лучше понять принцип, посмотрите на начало молитвы *Константина Преславского*, ученика Кирилла и Мефодия:

Азъ словоѣ сѣмъ молюсѣ Богу:
Боже всѣхъ твари и зиждѣтелю
Видимымъ и невидимымъ!
Господа Духа пошлѣ живѣщаго,
Да въдѣхнеть въ сръдце ми слово,
Еже бждетъ на успѣхъ всѣмъ,
Живѣщимъ въ заповѣдхъ ти²⁵⁹.

Именно первые слова подобной молитвы (или даже нескольких молитв) и могли впоследствии стать названиями букв²⁶⁰.

Делались учеными также и осторожные предположения о том, что начальные слова той самой не дошедшей до нас азбучной молитвы (но только первой ее части!) могли составлять самостоятельный связный текст, который с течением времени сильно исказился — но это тоже именно предположения; и речь идет не о глубокомысленном «послании», а лишь о мнемонических фразах.

Еще раз подчеркну: это всего лишь гипотезы. Пока исходная азбучная молитва не найдена, утверждать такое происхождение названий букв со стопроцентной уверенностью ученые не могут. И уж тем более они не могут судить о том, что названия букв составляют связный текст.

Тем не менее легенда о «послании славянам» оказалась очень живучей: она даже попала в ролик Первого канала²⁶¹, посвященный Дню славянской письменности и культуры, — причем именно с кеслеровским переводом. Конечно, многим хочется верить в послание, ведь этот миф тоже транслирует идею об исключительности и глубокой мудрости русского языка (а значит, и его носителей). Но давайте все же руководствоваться здравым смыслом, а не сомнительными теориями, даже если о них пишут книги и снимают фильмы.

Миф пятый

СТРАШНАЯ ПРИСТАВКА БЕС-

Для лингвофрика мир полон чудес и волшебства. С одной стороны, жить так очень интересно; с другой, сказки могут оказаться страшными — а тут уже и до невроза недалеко.

Одна из таких страшилок — миф о приставке *бес-*, которую якобы нужно бояться и всячески избегать. Адепты теории опасаются, что, написав слова *«бесполезный»* или *«бесстрашный»*, они призвут *«беса полезного»* и *«беса страшного»*, поэтому в их интернет-комментариях, объявлениях, книгах и газетах можно встретить только написания *«безполезный»* и *«безстрашный»* — а еще *«безоплатный»* вместо *«бесплатный»*.

«Раньше-то, при праведном царе-батюшке, только так и писали; но потом пришли большевики-безбожники и специально реформировали орфографию, чтобы заставить людей прославлять бесов», — рассуждают лингвофрики.

На первый взгляд, для многих это даже логично; но все же самое настоящее мракоБЕСие — вовсе не слова с приставкой *бес-*, а эта теория. Почему?

Для начала разберемся с историей вопроса.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Правда в том, что приставка *без-* писалась исключительно с «з» далеко не всегда и относительно недолго.

До XVIII века написание приставок на «-з»/«-с» вообще никак не регулировалось и они часто писались так же, как

и произносились. Да, как ни странно, запись таких приставок с учетом произношения — это не современное веяние, а наоборот, самый древний способ их передачи на письме. Поэтому в старых памятниках письменности можно с легкостью найти слова «беспамятный», «бесчестный», «беспако́стный», «бесчувственный» и им подобные²⁶².

Можно увидеть в них даже предлог «бес». Так, в Изборнике 1076 года, в первом же тексте «Слово некоего старца о чтении книг» находим фразу:

Не съсѣавити бо сѧ корабль без гвоздѣй, ни правѣдникъ бес почитаниѧ книжнааго²⁶³ («Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника — без чтения книг»).

И это никого не смущало, ведь приставка (и предлог) «бес-» и полнозначное слово «бес» («демон») писались (а когда-то очень давно и произносились) по-разному: приставка с буквой «е» и, как правило, без «еѧ» (ѧ) после нее, а «бѣсѧ» («злой дух») — с «ѧтем» в середине и с «еѧом» на конце. Эти отличия только подчеркивали тот факт, что приставка и слово не имеют ничего общего ни в значении, ни в происхождении. Приставка очевидным образом образовалась из предлога «без»²⁶⁴, а полнозначное слово «бес» восходит к той же индоевропейской основе, что глагол «боя́ться» и литовское *baĩsas* («привидение, призрак, страшило»)²⁶⁵.

В некоторые периоды наблюдалось более частое написание приставок *без-*, *из-* и *через-* с буквой «з» на конце. Но это было обусловлено влиянием соответствующих предлогов, а никак не «бесовскими» ассоциациями.

Попытка упорядочить написание приставок была принята только в XVIII веке. И грамматики того времени, прежде всего «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, предписывали писать приставки на «-з»/«-с» так же, как это

делается сейчас: перед глухими согласными с буквой «с», перед звонкими — с «з». А иные написания вроде «*изтребляю*», «*возкресеніе*» Ломоносов характеризует так: «Странно и дикое кажется»²⁶⁶. Но именно о приставках *без-/бес-* он прямо не говорит и в самом тексте «Грамматики» употребляет их не всегда последовательно: например, в одном абзаце могут встретиться слова «*бесчисленные*» и «*безконечны*»²⁶⁷, а в других контекстах «*бесконечный*» будет написан уже с буквой «с».

Следующая полная грамматика была издана в 1802 году Академией наук, и в ней приставки на «-з»/«-с» предлагалось писать уже совсем иначе. Отдельное правило про эти приставки в грамматике отсутствует, зато есть параграф о том, что «слова съ буквы ч начинающіяся въ сложеніи предъ собою имѣющія предлоги *без, воз, низ, раз, с,* въ правописаніи никакой перемѣны не принимаютъ, то есть писать должно *безчецу, счислить, счерпать,* и пр. а не *бецецу, щислить* или *щерпать*»²⁶⁸. Да, здесь речь идет только о словах с корнями, которые начинаются на «ч», но косвенно говорится и о том, что в приставках конечную согласную букву менять в зависимости от произношения не следует. Также в грамматике присутствует и пассаж о том, что «въ письмѣ произношенію слѣдовать не должно»²⁶⁹.

Во втором издании грамматики (1809 г.) этот принцип объяснен более отчетливо и среди примеров есть слово с приставкой *бес-/без-*: «въ правописаніи и произношенію не должно слѣдовать, а основываться надлежитъ на правилахъ словопроизведенія, на пр: хотя выговариваются слѣдующія слова: *бесчисленный, догатка, зборъ, лехкій, лошка, ознопъ, расъ, Стразбурхъ;* но по словопроизведению слѣдует писать оныя: *безчисленный, догадка, сбор, легкій, ложка, ознобъ, разъ, Стразбургъ,* и проч.»²⁷⁰. То есть авторы грамматики не стали делать из приставок на «-з»/«-с» исключение и предписали писать их, как и другие морфемы, везде одинаково — с буквой «з». Поэтому в грамматике встречаются не только «*безчисленный*»,

но еще и «*исключения*», «*разсудок*» и даже «*возток*». Впрочем, наряду с ними все равно попадают и «*исправления*», и «*распутство*», и «*воспитание*». Но тем не менее единообразное написание приставок, в том числе *без-*, с буквой «з» было формально закреплено именно тогда.

В 1827 году в «Русском правописании» Я. К. Грота снова появилось новое правило: теперь приставки *без-* и *чрез-* (*через-*) предлагалось писать всегда с буквой «з», а в написании остальных приставок на «-з»/«-с» допускалась вариативность. Разумеется, такое предписание не было связано с «бесами»: приставка *бес-* и так графически не совпадала с однозначным словом. Приставки, несмотря на предписания грамматик 1802 и 1809 годов, продолжали употребляться непоследовательно, и Грот лишь закрепил наиболее часто встречавшиеся на тот момент закономерности.

Но, к примеру, В. И. Даль в своем знаменитом «Словаре живого великорусского языка» грамматикам не следовал, а часто ориентировался на произношение, поэтому все слова с приставкой *бес-* написаны у него так же, как мы пишем их сейчас: «*бесконечный*», «*беспритворный*», «*бесхитростный*», «*бесценный*» и так далее²⁷¹.

Итак, приставку *без-* официально положено было писать только с буквой «з» всего ничего — чуть дольше ста лет. Реформа же 1917–1918 годов лишь вернула написание к исходному состоянию — такому, каким оно было в древнерусском и старославянском языках.

«БЕСОВСКАЯ» РЕФОРМА

По нормам современной орфографии, принятым в 1917–1918 годах, приставка *без-/бес-*, как и другие подобные приставки (*из-/ис-*, *раз-/рас-*, *воз-/вос-*, *вз-/вс-*, *низ-/нис-*, *чрез-/черес-*) пишется в соответствии с произношением: с буквой

«с» перед глухими согласными и с буквой «з» перед звонкими согласными и гласными («безукоризненный», «безмерный», «бесполезный», «бессмертный»).

Но большевики к подготовке этой реформы никакого отношения не имели. План изменений был разработан задолго до революции: Комиссия по вопросу о русском правописании была создана еще в 1904 году, и проект реформы был готов к 1912 году. В комиссию входили крупнейшие лингвисты того времени: известный своими монархическими взглядами А. И. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ и другие. Многие из них были искренне верующими людьми. Конечно, никакой цели прославлять бесов у них не было, подобное смешно даже предполагать. Реформа была вызвана лишь необходимостью упорядочить и обновить правила орфографии.

Правило о приставках на «-з»/«-с» и стало одним из упорядоченных: теперь все эти приставки стали писаться в соответствии с произношением, и приставки *без-* и *чрез-* (*чрез-*) перестали быть исключениями, как это было в «Русском правописании» Грота.

И буква «ять» (ѣ) была убрана, безусловно, не для того, чтобы однозначное слово «бѣсъ» совпало с приставкой, а потому, что «ять» уже давно не обозначал отдельный звук и произносился точно так же, как «е», и заучивать слова, в которых он писался, было долго, мучительно и нецелесообразно.

БЕСПОЩАДНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОФРИКАМ

А теперь давайте применим логику:

1) Неужели при чтении слова «*измяты*» всегда возникают мысли о чем-то сделанном «из мяты», а слова «*замерзая*» — о замершем зайце? Ну ведь нет. Так почему при чтении сло-

ва «*бесполезный*» должны возникать ассоциации с полезным бесом? Они и не возникают у абсолютного большинства людей — кроме тех, кто специально ищет бесов в словах.

Похожая логика движет людьми, которые призывают отказаться от слов «*ничего себе!*», «*спасибо*» и «*на здоровье*». Горе-психологи и эзотерики считают, что эти слова содержат негативные установки:

— восклицая «*ничего себе!*», мы якобы не оставляем «себе ничего» и отпугиваем деньги;

— говоря «*спасибо*», оказывается, заявляем собеседнику: «Спаси меня Бог от тебя!» Вообще-то слово «*спасибо*» действительно образовано путем сращения слов «*спаси*» и «*Бог*» с отпадением конечного согласного²⁷². Но «меня от тебя» — совершенно надуманное продолжение! Конечно, изначально «*спасибо*» — христианское пожелание спасения и вечной жизни: «Спаси (тебя) Бог».

По такой логике любимое фриками «*благодарю*» можно было бы расшифровать примерно так: «благо дарю», то есть «отдаю свои блага другим». Нестыковочка.

— И стандартный ответ на «*спасибо*» — «*на здоровье*» — тоже лингвофрикам не угодил. «*На*» в разговорной речи может иметь значение «*бери*», поэтому, произнося «*на здоровье*», человек как бы говорит: «*Бери мое здоровье!*» Интересно, стоит ли, по мнению приверженцев этой идеи, вовсе отказаться от использования предлога «*на*»? Вдруг мы раздаем свое имущество, когда просим положить что-то «*на стол*», «*на комод*» или «*на шкаф*»?

«БлагоДарю, а мы и не задумывались!» — удивленно отвечают почитатели очередного лингвофрика, слыша, почему им следует избавляться от «*спасибо*», «*ничего себе!*» и приставки *бес-*.

Конечно, вы не задумывались. Потому что вы умели отличать омонимы друг от друга и распознавать значение слов из контекста. Так не пренебрегайте же этими полезными навыками!

Но, по мысли лингвофриков, следует, видимо, изъять из языка все похожие слова и двусмысленности – а то как бы чего не вышло.

Вдруг кто-то еще, кроме беса, померещится. «Помощник ада» в «*помаде*» или «рев Люцифера» в «*революции*» (и эти примеры, увы, придумала не я: они звучат на экскурсиях в одном из православных монастырей).

2) Как быть со словами, где «*бес*» не приставка, а часть корня: «*беседа*», «*небеса*», «*асбест*» и такое уместное здесь «*балбес*»? Эти слова нужно писать с буквой «з» — или стоит их вовсе исключить из своей речи? А то ведь, получается, «*беседа*» — «*еда бесов*», «*асбест*» — «*бес — ас*», а у «*балбеса*» в голове «*бал бесов*»...

3) А если «*бесы*» возникают на стыке слов: «*теБЕ Сказал*», «*на труБЕ Сыграть*»? Что делать?

4) И наконец, самое главное. Как быть с произношением? Мы можем написать слова «*бесценный*» или «*бесполезный*» хоть с буквой «з», хоть латиницей, хоть иероглифами, но читаться они будут все равно с «*бесами*» в начале просто потому, что так устроено русское произношение: парные звонкие согласные оглушаются перед глухими («*ска[с]ка*», «*ло[ш]ка*», «*по[т]порка*» и т. д.). Не говорим мы «*бе[з]ценный*» по нормам русского языка, и все тут.

В рассуждениях сторонников «бесовской теории» мы видим ту же классическую ошибку лингвофриков, о которой уже шла речь в предыдущих главах, — представление о письме как о чем-то первичном и сакральном. Хотя, полагаю, в случае с «*бесами*» они о произношении даже не задумывались, и последний мой вопрос им в голову вряд ли приходил.

Но вы, я надеюсь, улыбнулись, мысленно отвечая на вопросы, и прислушались к доводам разума, а не к БЕСмысленным теориям.

Миф шестой

ПЕРВЫЙ БЛИН – КОМАМ

Ходит по интернету и такая история: якобы правильно говорить «*первый блин комам*», а «*комы*» — это, мол, медведи, которых наши предки очень чтили и поэтому на Масленицу (называвшуюся раньше Комоедицей) относили им прямо в лес первые блины. И пословицу-то сократили, раньше она звучала так: «Первый блин комам, а второй — знакомым, третий блин — дальней родне, а четвертый — мне».

Эта байка буквально заполонила информационное пространство: ее пересылают друг другу в соцсетях, о ней публикуют заметки в крупных СМИ...²⁷³ А еще о медведях-«комах» снял сюжет Первый канал²⁷⁴.

И нигде нет указаний на научные источники этой информации. Что неудивительно.

Давайте разбираться, есть ли в этой истории хоть доля правды.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ КОМОМ

Вообще просто логически порассуждав, можно понять, что обряд-то довольно нелепый: ну кому придет в голову идти к только что проснувшимся от спячки — и очень голодным! — медведям? Да еще и нести такую «подходящую» для них еду, как блины?..

И почему «*комы*» — это медведи? Ведь слово «*ком*» в таком значении не встречается нигде (кроме уже упомянутых

сомнительных статей): ни в одном письменном памятнике — и, конечно, ни в одном словаре.

Как и пословица «*первый блин комом*». Ни в Национальном корпусе русского языка, ни в сборниках пословиц и поговорок вы ее не найдете. В одном из самых известных сборников, книге В. И. Даля «Пословицы русского народа» (1862 г.), находим только фразу «*первый блин, да комом*»²⁷⁵. И в совсем уж раннем источнике, где точно должна обнаружиться «правильная» форма выражения, книге 1770 года «Собрание 4291 древних российских пословиц», тоже присутствует лишь «*первой блин, да комом*»²⁷⁶.

Зато «полный вариант пословицы» (вот этот — «*первый блин комом, а второй знакомым...*») действительно существует. И как вы думаете, где? Нет, не в сборниках пословиц и поговорок, не во фразеологических словарях, а в припеве песенки бабушки Варвары из фильма «Вот моя деревня» 1972 года²⁷⁷. Отличный источник «старинной поговорки», не так ли?

КОМОЕДИЦА

А что же праздник Комоедица?

Вот он, вполне возможно, существовал и даже действительно был связан с медведями.

Самое раннее упоминание о Комоедице обнаруживается в 3 томе книги этнографа П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», изданной еще в 1902 году и бывшей в то время достаточно известной.

Что же пишет Шейн о Комоедице? На самом деле сам — ничего. Он только цитирует статью некоего священника Симеона Нечаева о суевериях в Бегомольском приходе Борисовского уезда (сейчас находится в Докшицком районе Витебской области). То есть праздник этот был очень, скажем

так, «местечковым», встречался только в отдельных деревнях тогдашней Беларуси. Да и статья сельского священника — откровенно говоря, не самый надежный источник. Но допустим, что все описанное в ней — правда (почему бы и нет), и дадим слово самому Симеону Нечаеву:

«Праздник этот всегда бывает накануне Благовещения Пресвятой Богородицы и посвящен в честь медведя. В этот день приготавливаются особые кушанья, именно: на первое блюдо приготавливается сушеный репник в знак того, что медведь питается по преимуществу растительною пищею, травами; на второе блюдо подается овсяный кисель, потому что медведь любит овес; третье блюдо состоит из гороховых комов, отчего и самый день получил название “комоедица”. После обеда все — стар и мал — ложатся, не спят, а поминутно самым медленным способом перекатываются с бока на бок, как можно стараясь приноровиться к поворачиванию медведя»²⁷⁸.

Итак, что мы узнаем из этого рассказа?

Во-первых, что Комоедица и Масленица — не одно и то же. Комоедица, по словам Нечаева, всегда празднуется накануне Благовещения, а его дата постоянна — 7 апреля (25 марта по старому стилю); следовательно, Комоедица праздновалась 6 апреля (24 марта). Масленица же — неделя перед Великим постом, которая не имеет определенной даты и каждый год отмечается немного в разное время, но обычно в конце февраля — начале марта. А еще Комоедицу праздновали на довольно ограниченной территории и совсем не так, как Масленицу.

Во-вторых, что никто еду медведям в лес, конечно же, не носил: люди не идиоты.

В-третьих, что комы — это вовсе не медведи (кто бы сомневался). И название праздника ведь тоже на это указывает: если бы современные мифотворцы были правы, то Комоедица была бы днем поедания медведей: слово образовано по той же модели, что и «сыроед», «птицеед», «яйцеед», где в первом корне указана пища. Но, к счастью, комы — это всего лишь традиционное кушанье из гороха.

КОМИЧНЫЕ КОМЫ

Появлением мифа про «комов»-медведей мы, скорее всего, обязаны академику *Борису Рыбакову*. Вообще-то он был прекрасным археологом, его заслуги в этой области никто оспаривать не собирается. Но почему-то иногда он высказывался и по поводу лингвистики, и эти высказывания, к сожалению, иногда мало отличались от построений Анатолия Фоменко, с которыми Рыбаков активно боролся в последние годы своей жизни (за что ему, безусловно, спасибо). Однако научный авторитет Рыбакова был очень велик, поэтому любые его заявления легко принимались на веру.

Разберем же, что писал Рыбаков о Комоедице, и включим критическое мышление:

«К 24 марта у белорусов приурочен праздник “комоедицы” (аналогия греческим “комедиям” архаичного времени) — праздник пробуждающегося медведя. Медведь (κομος) был зверем Артемиды, соответствовавшей русской богине Ладе»²⁷⁹.

Во-первых, очень сомнительным кажется сближение Комоедицы и комедий, богинь Лады и Артемиды. Оно ничем не подкреплено, Рыбаков не приводит каких-то доказательств в подтверждение этой гипотезы. Да и существование богини

Лады в славянском пантеоне многие ученые подвергают сомнению. Так, в энциклопедическом словаре Института славяноведения РАН «Славянская мифология» Лада перечислена в ряду персонажей, «без должных оснований относимых к славянским языческим богам и фигурирующих в ученых сочинениях по славянской мифологии с XVIII века по наши дни»²⁸⁰.

Во-вторых, неясно, что за *κομος* — «медведь». Этого слова нет в словарях древнегреческого языка, медведя греки называли *ἄρκτος* («*арктос*»). Возможно, Рыбаков имел в виду слово *κῶμος* («*комос*»), которое он мог увидеть в статьях этимологических словарей о происхождении слова «*комедия*». Но *κῶμος* значит вовсе не «медведь», а «веселое гуляние», и *κωμῳδία* («*комедия*») образована сложением слов *κῶμος* и *ῥῶδή* («*песнь*»), поэтому «*комедия*» буквально значит «веселое шествие с песнями»²⁸¹.

Натолкнуть Рыбакова на мысль о связи комедии и Комоедицы могло также обозначение комедии на латыни — *comœdia*. Но на самом деле это, разумеется, случайное совпадение, которое не может служить основанием для утверждения о родстве слов.

Но, обратите внимание, даже у Рыбакова нет всей этой галиматии про кормление медведей блинами и пословицу «*первый блин комам*». Тут уже чья-то совсем буйная фантазия разыгралась.

Самое раннее упоминание о теории «*комов*», которое удалось обнаружить благодаря моему научному редактору Антону Сомину, содержится в книге идеолога славянского неоязычества Вадима Казакова «Именослов» (1997 г.). Казаков пишет о праздновании Комоедицы, видимо, под влиянием Рыбакова:

«Начинают угощать друг друга блинами. Первый блин комам, его относят в чашу, жертвуя косолапому хозяину леса», — и добавляет в сноске: «Ком — медведь. Отсюда же “команика” — медвежья ягода»²⁸².

В более поздних редакциях добавились еще более удивительные подробности — например, что медведя стали называть комом, так как он «похож на большой шерстяной комок из-за кажущейся неуклюжести»²⁸³.

Сам ли Казаков все это придумал или тоже откуда-то почерпнул, неясно.

К слову, ягода куманика (или команика/комоника), как называют и ежевику, и чернику, и даже иногда смородину, не медвежья, а конская²⁸⁴. В отличие от «кома»-медведя, слово «комонь» («кумонь») в значении «конь» неоднократно встречается в памятниках письменности — как и «комонникъ» («всадник»), и «комоница» («кобылица») ²⁸⁵.

А МОЖЕТ, КУМАМ?

Существует еще одна версия мифа про «комов»: якобы пословица тоже звучала как «*первый блин комам*», но «комы» — это уже не медведи, а духи предков — изначально «кумы», «куммиры».

«Кумирами» действительно раньше называли изваяния идолов, но неоязычники в лучших традициях народной этимологии переосмыслили слово по созвучию с «кумами» и даже добавили в него вторую букву «м», чтобы получились «куммиры — кумы мира». Так слово никогда до последнего времени не писалось, и ни в одном словаре в таком виде вы его не найдете.

Да и употреблять слово «кум» в значении «предок, дух усопшего» очень странно, потому что такого значения у этого слова тоже никогда не было. «Кум» — это слово не языческой, а христианской культуры, его значение — «крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери»; иногда слово использовалось и просто по отношению к другу, приятелю. Этим круг значений слова и ограничивается.

Интерпретация про «*блин кумам*», видимо, появилась из-за вполне реальных ритуалов подношения блинов духам умер-

ших, описание которых я приведу ниже в цитате из книги **Валерия Мокиенко**. Вот только как из факта этих ритуалов следует, что пословица раньше звучала *«первый блин комом»*? Правильно, никак.

Чтобы доказать, что *«комом»* — это *«кумам»* и что связь пословицы с ритуалами все-таки есть, нужно объяснить:

а) Где зафиксирована форма пословицы *«первый блин комом»*: в каких памятниках письменности, в каких словарях, в каких, в конце концов, записях речи носителей диалектов?

б) На каком основании слово *«кумы»* употребляется в несвойственном ему значении? Где же тогда другие примеры такого использования?

На эти вопросы лингвофрики почему-то не отвечают.

КОМОМ, БЛИН!

Какова же история выражения *«первый блин комом»* на самом деле?

Когда вы задаетесь подобным вопросом, первое, что вы должны сделать, — открыть фразеологические словари или научные работы о фразеологии. Удивительно, что эта простая мысль не пришла в голову журналистам Первого канала и всем, кто перепечатывает байку о комах.

Итак, почитаем, например, что написано о выражении в «Большом фразеологическом словаре» **Вероники Николаевны Телии**:

«Первый блин [комом, всегда комом]. Первая попытка, оказавшаяся неудачной. <...> Образ фразеол. основан на обиходно-бытовом опыте: пока сковоро-

да еще недостаточно горяча, первый блин получается “скомканным”, неудачным. Образ фразеол. восходит к древнейшим формам мифологического осознания мира — к представлению о том, что первые явления, дела, поступки, встречи, вещи и т. п. носят сакральный, т. е. мистически значимый, характер»²⁸⁶.

Более подробно объясняет историю выражения Валерий Мокиенко в книге «Давайте правильно говорить по-русски! Пословицы»:

«Пословица, казалось бы, основана на чисто реальном бытовом наблюдении. Пока сковорода еще недостаточно горяча, первый блин получается “скомканным”, а не лепешкой, плохо снимается со сковороды. Такая образная логика, действительно, повлияла как на современное значение пословицы, так и на ее актуальную форму. <...>

В связи с ритуальным значением блинов на Руси (их ели на Масленицу, при поминальных обрядах, на свадебных пирах и т. п.) первый блин считался особым и должен был быть отнюдь не “скомканным”, неудачным. В Рязанской губернии, напр., при каждом обычном печении блинов, наливая на сковородку первый блин, призывают всех родственников присоединиться к трапезе. Там же перед погребением, выпекая блины для поминовения, первый блин кладут в головы покойника. В поминальных обрядах умерших родственников как бы приглашали вкусить первый блин (или заломленный хлеб). <...> В некоторых губерниях России на Масленицу набожные женщины съедали первый масленичный блин за упокой усопших. Таким образом, первый блин предназначался усопшим, был своего ро-

да данью предкам, обеспечивающей связь с загробным миром. Именно поэтому к его приготовлению нужно было относиться с особым тщанием. И если даже первый блин, столь “ответственный” для культа усопших предков, выходил комом, то человеку грозили бедствия»²⁸⁷.

Как видим, первый блин во фразеологизме все-таки комом.

Да, выражение действительно может быть связано с обрядами, но совсем не с теми, что описывает растиражированная байка про «*комов*». Так что давайте оставим бедных мишек и предков в покое и не будем вестись на лженаучную ересь.

Миф седьмой

ИВАН-ДУРАК И БАБА-ЙОГА

Лингвофрики очень любят сказки — как сочинять, так и переосмысливать. Некоторые реально существующие сказочные персонажи не дают им покоя, поэтому о них появляются очень своеобразные байки.

А ведь в настоящих «сказочных» этимологиях и без лингвофрических выдумок много интересного.

Например, название реки Смородины (и одноименной ягоды) — переправы между миром живых и миром мертвых²⁸⁸ — родственно слову «*смрад*»²⁸⁹ (чередование здесь такое же, как в «*мороз/мразь*», «*ворота/врата*» и так далее). Река была названа так именно потому, что в народных представлениях она смердела. А ягода, конечно, не смердит, но запах у нее довольно резкий, поэтому она тоже приобрела такое название.

О реке Смородине обычно дают верную информацию. А вот Ивану-дураку и Бабе-яге не повезло, ведь в интернете о них гораздо чаще можно встретить байки, чем реальные истории.

ИНОГДА ДУРАК – ЭТО ПРОСТО ДУРАК

Можно наткнуться на «сенсационную» теорию: слово «*дурак*» якобы образовано от «*другак*», а так называли последнего ребенка в семье. Чтобы защитить детей от нечистой силы, их до 13 лет называли специальными именами: Первак, Вторак, Третьяк и далее по порядку — а последнего ребенка нарекали Другаком, то есть «другим, следующим». Потом «*Другак*»

упростился до «*Дурака*», отсюда и имя героя русских сказок — Иван-дурак. Ведь и правда сказочный Иван-дурак — это всегда младший сын, и он на самом деле вовсе не глуп. А имя «*Дурак*» было совсем не обидным, и так могли назвать вполне уважаемых людей: например, в документах фигурирует московский дьяк Игнатий Дурак Мишурин.

Теория звучит интересно и вроде бы логично.

Но много ли в ней правды?

ИМЕНАРЕЧЕНИЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТВОРЧЕСТВА

Капля правды в теории все же есть.

Действительно, детям часто давали имена в том числе по порядку рождения — Первак и Первуша, Вторак и Второй, Третьяк, Четвертак, Пятак и так далее. Отсюда и распространенные фамилии вроде Первушин, Второв, Третьяков, Семанов, Девятов.

Но имени «*Другак*» нет ни в одном словаре и ни в одном памятнике письменности. Да и сам факт наличия особого имени для последнего ребенка очень сомнителен: ведь как родители могут понять, последний это ребенок или нет?

Как только не называли детей! Как правило, человеку давали два имени — крестильное (христианское) и мирское — и вот эти мирские имена поражают разнообразием. Есть замечательный словарь — «Словарь древнерусских личных собственных имен» **Н. М. Тупикова**, составленный на материале памятников письменности и документов и изданный еще в 1903 году²⁹⁰.
Чрезвычайно интересное чтение!

В нем можно найти имена, явно данные беспокойным детям, — *Будилко, Неупокой, Шумило, Томило, Крик, Гам, Звяга, Бессон, Балуй, Вертелка...* Имена, которые характеризуют внешность, — *Брюхо, Пузан, Губа, Смола, Черноголов, Сухой, Толстой, Тонкой, Головач, Лобан, Беззуб, Лысый, Малыш* (да, всю жизнь человек ходил с именем *Малыш*). Имена, данные по времени рождения, — *Зима, Вешняк, Мороз, Полетко, Подосен, Суббота*. Даже имена в честь животных или еды — *Заяц, Кот, Ерш, Гусь, Бобр, Блоха, Баран, Клещ, Козел, Крыса, Свинья, Слизень, Червяк, Арбуз, Блин, Борщ, Брага, Буженина, Капуста, Кисель, Репа, Сало, Сметанка, Чеснок*.

Не могу отказать себе (и, надеюсь, вам) в удовольствии и не привести и другие, скажем так, необычные для современного слуха имена: *Азбука, Айда, Аминь, Баба* (это мужское имя), *Балаболда, Барыга, Башмак, Глаз, Жирок, Камень, Клей, Кочерга, Лопата, Лопух, Нога, Нос, Шиш* и даже — простите, но из песни слов не выкинешь — *Бздуньш, Пердун и Говно*.

В общем, наши предки развлекались как могли. Если у вас намечается прибавление в семействе и вы еще не определились с именем, вы теперь знаете, в какую книгу заглянуть в поисках вдохновения.

Но самая любопытная группа имен — это «плохие» или страшные имена. И их обнаруживается немало: *Бедда, Бедняга, Болван, Бес* (да, в написании «Бѣсъ», как обозначение злого духа), *Бешеный, Бяка, Вор, Глупой, Горюн, Грех, Гроб, Могила, Нерода, Нехороший, Несын, Олух, Плохой, Погибло, Тоска, Тупица...*

Неужели детей могли так назвать любящие родители? Как ни удивительно, да.

Вот что о таких именах пишет филолог Лев Успенский, автор многочисленных научно-популярных книг о лингвистике:

«Наши предки были суеверны. Они очень боялись “глаза”, вредоносного действия чужих или своих похвал; им казалось, назвать ребенка красивым, нежным или горделивым именем, — это значит привлечь к нему гибельное внимание целой армии подстерегающих человека врагов — злых духов. Зовут мальчишку Красавчиком или девчурку Ладой, а бес тут как тут, разве ему не лестно завладеть таким прелестным ребенком?! Услыхав же про маленького Хворощу, Опухлого или Гнилозуба, кто на них польстится? И под прикрытием *обманного* имени-оберега дитя будет спокойно расти и процветать...»²⁹¹.

Существовало и имя «*Дурак*» — и оно было такой же обманкой для злых духов. И никакой несуществующий «*Другак*» здесь ни при чем. Если принимать на веру теорию «*Другака*», нужно объяснить и всех этих «*Болванов*» и «*Тупиц*»... Они тоже, получается, когда-то были нейтральными словами или стали результатом преобразования каких-нибудь приличных аналогов вроде «*Больших Иванов*» и «*Путиц*»? Почему бы основам не слиться, теряя произвольные звуки, а согласным не переставиться? Лингвофрики это любят.

НАСТОЯЩИЕ ДУРАКИ И ДРУГАКИ

Впрочем, «*другак*» не такой уж и несуществующий. Слово такое было — но употреблялось оно отнюдь не в качестве имени.

Мы находим его в знаменитом словаре В. И. Даля под статьей о слове «*другой*»²⁹².

Какие же значения есть у слова «другак»?

- 1) *Другак м. донск.* — настой воды на виноградных выжимках.
- 2) *Первак и другак орл.* — два разбора хлебного зерна.
- 3) *Иногда то же, что друган м.* — второй налив пива или квасу, жидкая, расхожая бражка, второго налива, уже по спуске сусла; такой же квас или булыч.
- 4) *Другак* — второй рой в лето из улья, второй вывод.
- 5) *Лук другак* — лук репчатый, на другой год после первака: третьяк уже плоховат, а далее четвертака он не идет.

И это все, никаких имен.

Даже если предположить, что имя «Другак» существовало — а такое предположение уже не будет научным, потому что его невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, — из этого все равно не будет следовать, что слово «дурак» произошло именно от него.

А откуда же оно взялось?

Этимологические словари, конечно, не упоминают ни о каком «Другаке». Все просто: «дурак» образован от прилагательного «дурый» — «глупый»²⁹³.

Но о происхождении слова «дурый» нет единого мнения. Возможно, оно связано со словом «дуть»²⁹⁴: до сих пор мы можем назвать «надутым» спесивого и глупого человека.

А вот теория «Другака», уж простите, совершенно дурацкая — потому что абсолютно бездоказательная.

ПРАВДА ОБ ИМЕНИ БАБЫ-ЯГИ

По интернету кочует теория, будто Баба-яга на самом деле — прекрасная богиня Баба-Йога, великая Йогиня, Йогиня-матушка. Да-да, ведь «яга» и «йога» — слова похожие, почему бы не возвести одно к другому?

Уже смешно из-за «*Бабы-Йоги*»? Подождите, дальше подробности. Много подробностей.

Была она доброй богиней, покровительницей сирот, совершала огненный обряд посвящения детей богам. Проходил этот обряд в таинственной «*пещи Ра*» (ведь просто «*в пещере*» — это как-то скучно, согласитесь) и заключался в том, что сирот, одетых в белые одежды, будто бы сжигали — но на самом деле особый механизм этому препятствовал, и дети оставались невредимы. Однако иностранцы, наблюдавшие за вполне безобидным процессом, ничего не понимали, пугались за бедных детей, и поэтому в своих пересказах образ Великой Йогини исказили и даже имя ее перепутали. С тех пор мы знаем ее как страшную Бабу-ягу.

Может быть, эта теория изложена в трудах фольклористов, этнографов, историков?

Разумеется, нет — иначе она не попала бы в эту главу.

Баба-яга — это просто сказочный персонаж. Конечно, очень интересный и необычный, но это явно не «прекрасная богиня». Известный фольклорист В. Я. Пропп писал о ней так:

«Яга-дарительница при приходе Ивана находится в избушке. Она, во-первых, лежит. <...> Далее, она занимает собой всю избу. <...> “На печке лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос”. Но как понимать “нос в потолок врос”? И почему яга занимает всю избу? Ведь она нигде не описывается и не упоминается как великан. И, следовательно, не она велика, а избушка мала. Яга напоминает собой труп, труп в тесном гробу или в специальной клетушке, где хоронят или оставляют умирать. Она — мертвец»²⁹⁵.

Так может, хотя бы слова «яга» и «йога» действительно этимологически связаны?

Заглянем в словари.

«Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ) восстанавливает для слова «яга» праславянскую форму *ega, родственную литовскому *éngti* («душить», «давить», «теснить», «мучить»), латышскому *îgt* («исходить», «кончаться», «чахнуть», «досадовать»), англосаксонскому *inca* («боль»), древнеисландскому *ekki* («печаль», «сомнение»). «Таким образом, *ega, яга — это персонифицированное удушье, кошмар»²⁹⁶, — заключают авторы словаря.

«Йогу» в ЭССЯ мы по понятным причинам не найдем: наши предки, разговаривавшие на праславянском, это слово использовать не могли. Зато видим это слово в этимологическом словаре Н. М. Шанского²⁹⁷: оказывается, «йога» произошла от той же праиндоевропейской основы, что и «уго». Слово «йога» появилось в русском языке только в XX веке (а не в абстрактные древние времена, когда создавались сказки о Бабе-яге) и происходит, конечно, из санскрита. А санскритское *yoga* восходит к праиндоевропейской основе **yeug-* со значением «связывать», «соединять». И никаких баб в словаре, как видите, нет.

Значение этой основы трансформировалось и развивалось в нескольких направлениях:

1) С ее помощью стали обозначать, вероятно, часть упряжи (то есть приспособления для «связывания») домашних животных. Отсюда появилось дополнительное значение «запрягать», «подчинять», которое мы и наблюдаем в более позднем слове «уго»²⁹⁸.

2) Переносное значение «связи» и «соединения» (возможно, с некими высшими силами) дало название философской школе йогов²⁹⁹.

Итак, ничего общего у слов «яга» и «йога» нет — кроме, пожалуй, звучания. Но установление этимологии только лишь по созвучию — грубейшая ошибка лингвофриков.

ЙОГИЧЕСКАЯ АХИНЕЯ

И автор теории о Бабе-Йоге — лингвофрик довольно известный. Мы с ним уже знакомы: это А. Хиневич (да, тот самый, что, видимо, придумал «древлесловенскую буквицу»), а изложил он концепцию Бабы-Йоги при описании славянских богов в «Славяно-арийских ведах»³⁰⁰. Впрочем, сам Хиневич утверждает, что он только перевел древние тексты, — но подлинник, конечно, не показывает, из чего напрашивается вполне однозначный вывод.

Казалось бы, очевидно, что эзотерическая книга основателя неоязыческой секты — так себе источник информации по лингвистике и ему уж точно не место, например, в школьном образовании. Очевидно-то очевидно — но, увы, далеко не всем.

К несчастью, это было не очевидно создателям школьного этапа Всероссийской олимпиады по русскому языку. В 2017–2018 учебном году московским четвероклассникам было предложено такое задание:

«Задание № 8 (2 балла). Отгадайте слово. Это слово называет очень известного персонажа русских народных сказок. А в древней славянской мифологии этот персонаж — вечно прекрасная, любящая, добросердечная богиня, покровительница детей-сирот и детей вообще. Детей-сирот Йогиня-матушка доставляла в свой предгорный скит (дом), который находился в самой чаще леса, у подножья Ирийских гор (Алтай). Она делала это для того, чтобы спасти от гибели последних представителей из древнейших славянских и арийских родов. Впо-

следствии из этих детей воспитывались жрецы и жрицы. Под каким именем эту богиню из славянской мифологии знает каждый из нас?»³⁰¹

В той олимпиаде были и другие странные задания, но это затмило все. И несмотря на то что филологи и преподаватели выступили с критикой школьного этапа того года³⁰², задания про Бабу-Йогу до сих пор можно скачать на официальном сайте Всероссийской олимпиады.

Чтобы понять, как такое могло произойти, нужно разобратся с тем, как устроено составление олимпиадных заданий.

Всероссийская олимпиада школьников проходит в 4 этапа: школьный, муниципальный, региональный и заключительный. Задания последних двух этапов составляет центральная предметно-методическая комиссия, в которую входят прекрасные специалисты, и задания эти долго обсуждаются, проверяются и редактируются. Вероятность ошибок в них очень мала.

Но школьный и муниципальный этапы олимпиады готовятся совсем по-другому. Задания для них составляются «на местах», они разные в разных регионах страны, и их качество может быть, увы, тоже очень разным. Вот так и получилось, что составители школьной олимпиады в Москве внезапно оказались поклонниками «Славяно-арийских вед» и включили их материал в олимпиаду.

Казалось бы, эта история — дела давно минувших дней, и об олимпиаде этой давно никто не вспоминает. Но это не так.

Задания уже прошедших олимпиад постоянно всплывают: по ним ученики готовятся к новым олимпиадам; некоторые учителя используют их, чтобы разнообразить уроки; и, в конце концов, на школьном и муниципальном этапах они часто появляются повторно. Вот и читают школьники о Бабе-Йоге из года в год.

Но давно пора остановить распространение нелепого мифа — и я надеюсь, моя книга хоть немного этому поможет.

Миф восьмой

БОГА СТЫРИЛ БОГАТЫРЬ

Последнюю главу моей книги я решила посвятить идеям одного-единственного лингвофрика — зато какого!

Он часами рассказывал о языке со сцены, спорил с учеными на телевидении, выпускал книги и фильмы, опровергающие научные представления об истории и лингвистике. Именно «благодаря» ему многие уверены, что «*небеса*» — «*не бесы*», «обитель Бога»; что «*дом*» — аббревиатура «*дух отца и матери*»; «*аристократ*» — арий в сотом поколении; «*кельты*» — те, кто восклицал «*откель ты?*»... И список таких «этимологий» можно продолжать очень долго. По мнению этого человека, изначальный смысл слов был утерян западными языками, зато сохранился в русском — наследнике языка древних ариев. А испорченный вариант русского — английский язык, на котором разговаривают «ну тупые».

Думаю, многие читатели уже поняли, что речь идет о сатирике Михаиле Задорнове.

Кто-то скажет: «Да он же просто шутил! Вы что, шуток не понимаете?»

Но Задорнов не шутил.

Соратник сатирика, писатель и автор славянских фэнтези Сергей Алексеев, подсказавший Задорнову многие идеи, говорил о нем так:

«Сатирическая форма — это всего лишь краска, прием, способ подачи, выражения больших и малых истин, которые иначе невозможно донести до разума читателя или слушателя. Поэтому Задорнов и стоит особняком от всех прочих хохмачей и пересмешников, пытающихся заставить нас смеяться, но не думать. А вы знаете, что на своих концертах в последние годы он читает стихи и проводит блестящие лекции по русскому языку? <...> В эпоху всеобщего хохмачества и кривозеркалья Михаил Николаевич нашел уникальный, помноженный на свой артистический талант способ говорить со своими читателями, слушателями и зрителями о вещах великих, добрых и вечных. <...> Сверхзадача у нас с ним одна — не дать, чтобы угас Ра — зум, то есть освещенный ум»³⁰³.

Какое же образование у столь амбициозных людей, не дающих угаснуть зуму Ра? В арсенале Сергея Алексеева — геолого-разведочный техникум и заочный юрфак. За плечами Задорнова — специальность инженера. И это все.

Тем не менее книги Задорнова о языке, написанные во вполне серьезном, не юмористическом, ключе, имеют стабильно высокие рейтинги на сайтах книжных магазинов. Продаются они в разделе «Языкознание» и наряду с книгами Сундакова становятся лидерами продаж, обгоняя настоящие лингвистические труды.

Заглянем в самую известную книгу Задорнова — «Слава роду!». В ней Задорнов рассказал о знакомстве с Алексеевым и о том, какие знания тот ему передал. Например, вот такие (сейчас будут цитаты):

«Гонор — слово-предостережение! Приводит к гневу. А гнев — то, что надо гнать от себя. Иначе в душе накопится гной. Одно из самых противных гнойных заболеваний называется *гонорея*»³⁰⁴.

«*Сва* — означало свет, *ни* — отрицание. *Свинья* — *сва-ни* — не видит света, ее зраки всегда уставлены в землю. Вот почему не следует есть свинину — мясо через зраки... не насыщено солнечной энергией!»

«От *сва* — света — много интереснейших слов в родной речи, помимо *святой*. Небо называлось *сварга*. Поскольку *га* — это движение, а *Ра* — солнечный свет, *сварга* — движение солнечного света. От *сварги* — *сварганить*! Не просто насытить светом, а создать из света. Всевышнего иногда называли *Сварог*. Он сварганил Вселенную»³⁰⁵.

«*Ночь* — нет очей»³⁰⁶ (Кажется, вы это уже читали? Ах да: почти то же самое было у Шишкова).

«Утраченный древний смысл слова *женщина* — это оценившаяся жена! Может, поэтому мы женщинами называем только тех, кто лишился девственности»³⁰⁷.

Некоторые псевдоэтимологии Задорнова звучат на первый взгляд даже правдоподобно и поэтому распространились чрезвычайно широко. Давайте разберем три самые известные из них.

Теория 1: Удивительная

«*Удом* называли детородный мужской орган. *Удовольствие* — по воле уда. Боюсь, что и слово *удача* из того же “куста”. Нашел свою половинку для продолжения рода! Теперь понятно такое всеобъемлющее современное слово *удовлетворение*. Творение волей уда! То есть то, что уд доставил женщине»³⁰⁸, — пишет Михаил Николаевич.

Вообще-то слово «уд» действительно существовало и на самом деле значило «мужской детородный орган». Впрочем, удом называли и часть тела вообще — но и пенис в частности. В наши дни похоже используется слово «член»: и как мужской половой орган, и как любая конечность («сковало все члены») — впрочем, второе значение устаревает.

Но участвовал ли «уд» в образовании других многочисленных слов? Если принять это на веру, то, к примеру, слова «удорожание», «удвоение», выражение «мал, да удал» заиграют, конечно, новыми красками.

Правда задорновской этимологии только в том, что «удовольствие» действительно связано со словом «воля». От «воли», если несколько упростить словообразовательную цепочку, образованы «довольный» и «довольствие» с помощью приставки *до-* — и тут проницательный читатель догадывается (хотя уже, наверное, давно догадался), что никакого «уда» в слове «удовольствие» нет. Буква «д» относится к приставке *до-*, а *у-* — исторически еще одна приставка.

У приставки этой много значений. Перечислять их все было бы слишком долго и для многих еще и утомительно, поэтому лучше приведу слова (и то, конечно, не все), в которых эта приставка есть, чтобы вы оценили, насколько широко она используется. Проверить ее наличие в этих словах легко: вы можете просто ее отбросить, и почти везде получите самостоятельное слово, близкое по смыслу к исходному. Впрочем, иногда потребуется еще что-нибудь убрать — постфикс *-ся*, например, — но эти логические операции совсем не сложны и доступны любому носителю языка:

увезти, угнать, уйти, укатиться, улететь, уснуть, увиться, укутаться, уставить, убежаться, укачать, уреваться, уходить, уварить, ужать, урезать, усохнуть,

ушить, удержать, усидеть, устоять, утерпеть, укомплектовать, убаюкать, ужалить, урегулировать, усовершенствовать, устыдить, утаить, уравновесить, упокоить, упорядочить, усыновить, удочерить, увлажнить, удешевить, укоротить, укрупнить, уточнить, удвоить, утроиться, учетверить, усесться, улечься, устроиться, угрохать, ухлопать, уничтожить, утолкать, упихать, удой, улов, усадка...

Большинство этих слов — глаголы, но уже от них тоже можно образовать существительные, подобные слову «удовольствие»: «усыхание», «удержание», «усидчивость», «устойчивость», «усовершенствование» и так далее.

Та же приставка в словах «удаль» и «удача»: они связаны с глаголом «удаться» (чаще употребляется его форма «удалось»), а в нем приставка уже очевидна.

Получается, Алексеев с Задорновым совершили типичную ошибку лингвофриков — произвольное членение слова в угоду собственной фантазии. Им не пришло в голову связать «удовольствие» с «довольствием» или «довольным» и выделить в слове приставку у-. «Уд»-то интереснее.

Почему-то сторонники теории «уда» любят говорить, что ей даже в официальной науке есть подтверждение, и ссылаться на работу Владимира Орла «Слав. *udъ»³⁰⁹. Но в этой статье речи о слове «удовольствие» нет вообще. Видимо, лингвофрики читали ее местом, которое находится с противоположной стороны от того самого уда.

А статья меж тем интересная. Орёл рассматривает происхождение слова *udъ и выдвигает гипотезу о том, что оно было включено в группу праславянских слов — «координат» на *-dъ и встраивалось в оппозиции, включающие названия частей тела:

*nadъ — *podъ
*perdъ — *zadъ
*serd- — *udъ

Потомки слов **perdъ* и **zadъ* («перед» и «зад») до сих пор используются и как пространственные характеристики, и как обозначения частей тела. А **serd-* (корень, который сохранился в словах «*середина*» и «*сердце*») и **udъ* могли быть тоже противопоставлены как что-то внутреннее, центральное, среднее — и внешнее, выступающее.

Устанавливая этимологию слова «*уд*», Орёл склоняется к уже предложенной другими лингвистами версии о том, что оно образовано от индоевропейской приставки **au-* — «прочь» и корня **dhē-* — «что-либо отделенное, отдельное».

Если эта версия верна, то «*уд*» может быть родственен «*удочке*», или, как ее раньше называли, «*уде*». Ее связывают с тем же индоевропейским корнем **dhē-*, но соединенным с другой приставкой — **an-* или **on-*, и «*уда*» оказывается «чем-то приложенным, приставленным». Но нужно учитывать, что о происхождении и слова «*уд*», и слова «*удочка*» есть и другие гипотезы.

Зато точно ясно, что в «*удовольствии*» никакого «*уда*» точно нет.

Заметить это можно, еще и сравнив русское слово «*удовольствие*» с эквивалентами в других славянских языках. В польском это *zadowolenie*, в белорусском — «*задавальненне*», в украинском — «*задоволення*». И нет, они не от слова «*зад*» — в них просто используется приставка *за-* вместо *у-*. При этом слово «*уд*» тоже сохранилось в других славянских языках, иногда со сдвигом значения: так, польское *udo* — это «*бедро*». По этим данным также можно судить о том, что связи между «*удом*» и «*удовольствием*» быть не может.

Эх, а какая теория была интересная...

Теория 2: УРОДливая

Снова процитирую Задорнова:

«Одним из самых главных славянских богов считался РОД. Именно он указал людям, что их главная задача на земле — продолжение рода. Приятно, что именно в нашем языке от слова “РОД” образовано такое количество РОДственных слов: РОДИНА, ПРИРОДА, НАРОД, РОДСТВЕННИКИ, РОДНЯ, ДОРОДНАЯ, УРОД, ВЫРОДОК (выкидыш рода)... Когда-то и “УРОД” было словом похвальным. До сих пор в польском языке “УРОДА” означает “КРАСОТА”. То есть человека, который находился У своего РОДА. И, наконец, одно из самых теплых слов русского языка — РОДители — РОД ТЕЛА! ТЕЛАМИ ПРОДОЛЖАЮЩИЕ РОД!»

И ничего, что в слове «родитель» суффикс *-тель* — такой же, как в «пользователь» (он что, пользуется телами?) или «мечтатель» (он мечтает о телах?).

Из «РОДственных» этимологий больше всего людям запомнилось, что «урод» — тот, кто стоял «у рода», первенец. Но посмотрим, как это слово использовалось в древности и действительно ли у него зафиксировано такое значение.

Вот цитата из Супрасльской рукописи (XI век):

Аште ли то тебе послушаѣ, то не тѣчыѣ владѣ
късмѣ, нѣ и жродѣ, жродоуѣтъ бо словеса твоѣа³¹⁰.

Примерный перевод (здесь святой отвечает мучителю):

«Если тебя послушаю, то буду не только безумцем, но и глупцом, потому что делают глупым слова твои».

И да, не удивляйтесь слову, которое сейчас стало ненормативным, в значении «безумец» в устах святого. Текст относится ко времени, когда трава была зеленее, а то самое слово — обычным. Оно, между прочим, родственно словам «блуждать», «заблуждаться».

Но вернемся к «уроду». Заметили, что в начале этого слова стоит «юс большой» (ж)?

Предлог же «у», который используется в словосочетании «у рода», не писался с ж никогда, и у него другое происхождение.

И надо ли говорить, что ни в одном тексте и ни в одном словаре не встречается слово «урод» в значении «первенец», «красивый ребенок»?

Каково же происхождение слова «урод»?

Посмотрим у М. Фасмера: «Старославянское *жродъ* <...>, с отрицанием *о* от род»³¹¹.

Немного подробнее в этимологическом словаре Н. Шанского, который обращает внимание на разное значение и происхождение двух «у»: 1) «у» — в «уроде» и 2) «у» — в «уродиться» и польском *uroda*:

«Уро́д. Общеславянское. Префиксальное производное (с отрицательным у-, ср. “убогий”) от “родъ” в значении “плод, рожденный”. Ср. “выродок”, “ублюдок”, “недород”, др.-рус. “неродом” (кое-как). В “уродиться” приставка у- является усилительной. Отсюда польск. *uroda* (“красота”), “урожай”»³¹².

Выходит, у- в «уроде» – приставка со значением отрицания, а «род» – это «плод», «кто-то рожденный». И дословно «урод» – «не рожденный» или «рожденный не таким, как надо», «плохой плод».

И уродивыми (или юродивыми) сначала тоже называли просто людей странных, глупых или безумных — и только потом святых, которые ведут себя как безумцы³¹³.

Что же это за отрицательное «у» (бывшее ж)? В каких еще словах его можно найти?

Например, в слове «утлый». Это прилагательное образовано от «тло» — «дно», «пол», и то же самое «тло» есть, например, в слове «дотла» (буквально «до основания»). Получается, «утлый» — «без дна» или «с плохим, дырявым дном»³¹⁴.

Или в существительном «удóль» (чаще встречается в варианте «юдоль»), которое образовано от «дол» — «долина». Исходно «удоль» — «низина», «яма», «бездна», а позже слово приобрело переносный смысл — «жизнь, полная страданий и тягот»³¹⁵.

Итак, «урод» — вовсе не тот, кто стоит «у рода». И даже с польской «красотой» (*uroda*) он напрямую не связан, потому что его приставка другого происхождения.

Теория 3: стРАнная

Но, увы, тоже очень распространенная.

Задорнов многократно упоминал, что в русском языке часто встречается корень «ра» — тот же самый, что и в имени древнеегипетского бога. Значение корня — «свет», и вот как объясняются русские слова, его якобы содержащие: «радость» — «Ра достать»; «красота» — «к Ра стремление», «храм» — «хранилище Ра», «вера» — «верить Ра», «разум» — «Ра ум, просветленный ум», «Россия» («Рассея») — «сияние Ра». От имени «Ра», по мнению Задорнова, произошло даже слово «радиация».

Но, разумеется, к реальности эта теория никакого отношения не имеет. Давайте подумаем вот о чем:

1. Начнем с того, что звук [р] весьма распространен как в русском, так и во многих других языках. Гласный [а] тоже очень частотен и есть почти в каждом язы-

ке мира. Поэтому совершенно неудивительно, что во множестве языков мы встретим буквосочетание «*ра*» в огромных количествах.

Например, если с помощью волшебных клавиш Ctrl+F поискать слог «*ра*» в электронной версии «Орфографического словаря русского языка» В. Лопатина, выпадет — внимание! — больше 20 тысяч слов. Есть где разгуляться.

Конечно, среди них будет опять же очень много таких, которые можно связать с идеей света, тем более что «*свет*» — понятие крайне многозначное. По сути, любое слово, имеющее хоть сколько-нибудь положительное значение, можно как-то соотнести со светом. Но будет это огромной натяжкой.

А уж если учесть, что для лингвофриков гласные неважны, поэтому корень «*ра*» они усматривают и в сочетании «*ро*», и в «*ре*», и в «*ры*», так и вовсе получается просто безграничное поле для фантазий.

2. Слов с сочетанием «*ра*» и отрицательным значением тоже наберется порядочно, но сторонники теории их почему-то игнорируют (конечно, ведь их не так легко истолковать). Но как же объяснить русские «*вРАть*», «*гРАбить*», «*кРАсть*», «*РАзбойник*», «*заРАза*», «*стРАх*», «*дыРА*» и другие, гораздо более грубые слова, которые я здесь приводить не буду?

3. Крайне маловероятно, что на основании одного-единственного корня было образовано такое большое количество слов, причем обозначающих базовые понятия: «*радость*», «*красота*», «*работа*», «*рассвет*»... И таких разных, как «*рано*», «*раз*» и «*ура*». Русский язык, которым сторонники Задорнова так гордятся, предстает

каким-то подозрительно бедным: столько слов — и все из одного корня.

4. Много ли вы знаете других заимствований из древнеегипетского в нашем языке? Впрочем, на это-то выражение лингвофрики ответят легко: ведь именно русский язык, по их мнению, — самый древний, а значит, египтяне — тоже русские.

5. Наконец, даже если просто чуть внимательнее присмотреться к объяснениям русских слов с помощью якобы корня «*ра*», можно сразу заметить, что в них совершенно игнорируется простейшее членение слов на морфемы.

Возьмем, к примеру, слово «*радость*». Путем сопоставления с другими словами легко увидеть, что в нем есть корень *-рад-* (как в однокоренных «*рад*», «*радовать*» и др.) и суффикс *-ость* (как в словах «*сладость*», «*важность*», «*краткость*», «*данность*» и многих других).

И совершенно ясно, что нельзя оторвать от корня последнюю букву «*д*» и связать конечное сочетание «*дось*» в слове «*радость*» с глаголом «*достать*» (в котором *до-*, кстати, вообще историческая приставка: сравните со «*стать*», «*встать*», «*пристать*»), а оставшееся «*ра*» объявить отдельным корнем.

Или, к примеру, «*вера*». В этом слове явный корень *-вер-* (сравните с однокоренными «*верить*», «*верующий*», «*поверье*» и так далее), а конечное *-а* — и вовсе окончание. Точно такое же, как в других словах первого склонения (то есть словах женского и мужского рода, оканчивающихся на *-а*, *-я*): «*мамА*», «*панА*», «*кружкА*», «*крышА*» и так далее. Более того, присутствует оно только в именительном падеже, ведь окончание — та часть

слова, которая меняется при изменении его формы. Например, при смене падежа: «нет верЫ», «о верЕ», «жить верОЙ»... Куда же, спрашивается, пропал «ра»?

Один из самых «сильных» аргументов сторонников безумного, но живучего мифа о корне «ра» — это одноименное древнее название Волги.

Действительно, название *Pā / Rha* по отношению к этой реке встречается у античных ученых — Клавдия Птолемея и Аммиана Марцеллина. Это дает лингвофрикам повод говорить, что корень «Ра» был известен еще в древности и им называли великую светлую русскую реку.

Но если пара античных авторов так называет реку, это совершенно не значит, что так же ее называли славяне. Названия, схожие с «Ра», скорее всего, бытовали у ираноязычных народов (сарматов, скифов — у последних река называлась *Rahā*³¹⁶), которые в то время как раз обитали в низовье Волги³¹⁷. Одна и та же река могла по-разному называться у разных народов, это совершенно нормально.

Древнее иранское название, разумеется, обозначало вовсе не «свет» и вообще не было связано с египетским богом. Возможно, оно родственно санскритскому слову *sravā* — «течение», «поток»³¹⁸ и значило что-то похожее. А славянское название «Волга», по самой распространенной версии, соотносится со словом «влага»³¹⁹.

Почему Птолемей, а потом и Марцеллин использовали иранское слово? Возможно, просто потому, что с культурами, которые говорили на иранских языках (персидская, парфянская, скифская культура и др.), древние греки и римляне активно контактировали, вот и употребили местное иранское название.

А теперь сравните научные аргументы с тем, что пишет Задорнов:

«Странно, что большая часть ученых-филологов считают такие рассуждения дилетантским вымыслом. Мол, почему солнце должно было называться “РА”? Но это же просто! <...> Попробуйте раскатисто и протяжно потянуть “Р-Р-Р”, после чего, представив себя предком человечества, раскрывайте рот, дабы продлить приветствие солнцу. У вас получится... “РА”! Вот и весь секрет»³²⁰.

Действительно. И почему ученые считают такие рассуждения дилетантским вымыслом? СтРАнно.

РЕЗЮМЕ

Как быть, если вы встретились с лингвофриком и он пытается вам что-то доказывать? Самое простое и очевидное, что вы можете сделать, — просто проигнорировать его теории. Спорить же с лингвофриком (не с тем, кто по незнанию и легкомыслию пересказал какую-то небылицу, а с идейным, настоящим лингвофриком) обычно бывает очень сложно.

Человек, мыслящий и спорящий рационально, ограничен критериями научного знания, рамками научной дискуссии, необходимостью доказательной аргументации. Доводы же лингвофриков не основаны ни на чем, кроме их фантазии — а она, как показывает опыт общения с ними, поистине безгранична.

На любое одно разумное утверждение они приведут десять взятых с потолка контраргументов, поэтому спорить с ними практически бесполезно. Но я все же делаю это — хотя прежде всего моя книга рассчитана на уже сомневающихся или на тех, кто пока не умеет отличать научную теорию от лингвофричества.

Хочется снова процитировать Андрея Анатольевича Зализняка, и цитата будет длинной, потому что эти слова, сказанные настоящим ученым, тоже боровшимся с ложью лингвофриков, кажутся мне невероятно важными и во многом определившими мое решение написать вторую часть этой книги:

«Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно:

1) Истина существует, и целью науки является ее поиск.

2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные:

1) Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).

2) По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке.

<...> И огромной силы стимулом к их принятию и уверованию в них служит их психологическая выгодность. Если все мнения равноправны, то я могу сесть и немедленно отправить и мое мнение в интернет, не затрудняя себя многолетним учением и трудоемким знакомством с тем, что уже знают по данному поводу те, кто посвятил этому долгие годы исследования.

Психологическая выгодность здесь не только для пишущего, но в не меньшей степени для значительной части читающих: сенсационное опровержение того, что

еще вчера считалось общепринятой истиной, освобождает их от ощущения собственной недостаточной образованности, в один ход ставит их выше тех, кто корпел над изучением соответствующей традиционной премудрости, которая, как они теперь узнали, ничего не стоит.

Я не испытываю особого оптимизма относительно того, что вектор этого движения каким-то образом переменится и положение само собой исправится. По-видимому, те, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать»³²¹.

И я из тех, кто будет это делать.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Споры о языке были всегда — и всегда будут. Но я очень надеюсь, что после выхода этой книги их станет хоть чуточку меньше.

Можно писать и «*Вы*», и «*вы*»; можно и «*садиться*», и «*присаживаться*»; даже кофе бывает и «*вкусный*», и «*вкусное*». Главное — соблюдать принцип уместности и осознавать, где, когда и с кем вы общаетесь. И уж точно не поправлять других без запроса.

А вот блин может быть только «*комом*», и русский язык — не самый древний. Здесь нет места вариантам, потому что речь идет уже не о словах — средстве передачи информации — а о самой информации, которая может быть или правдива, или искажена. Мы ведь не говорим «истина где-то посередине», когда слышим два утверждения: «Земля плоская» и «Земля шарообразная»? Нет, мы выбираем одно из них (надеюсь, второе).

Хочется верить, что я смогла донести важную для меня мысль: нужно быть терпимыми к чужим «ошибкам» (потому что, может статься, это и не ошибки вовсе), но беспощадными к лженауке.

Если мне удалось убедить в этом хотя бы одного человека, значит, моя работа была проделана не зря.

БЛАГОДАРНОСТИ

В заключение мне хочется поблагодарить тех, без кого этой книги не было бы.

В первую очередь спасибо моей семье — прежде всего моему мужу Николаю Гурьянову, который всегда меня поддерживал, больше трех лет терпел испорченные из-за моей работы выходные и брал на себя заботу о сыне. Он первым читал главы книги и помогал сделать их лучше — а еще его перу принадлежит много классных подзаголовков.

Спасибо и моему сыну Ване. Сейчас ему только шесть лет и книгу он вряд ли осилит — но благодарность уже сможет прочесть. Ваня, знай: ты — главная моя опора, и если бы не твое рождение, у меня вообще не появилась бы возможность поставить жизнь на паузу и осознать, чем я на самом деле хочу заниматься — популяризацией лингвистики.

Спасибо моим учителям — особенно любимой школьной учительнице литературы, Татьяне Николаевне Поляковой: она научила меня дотошности формулировок и любви к текстам, определила мой выбор профессии.

Спасибо всем преподавателям филологического факультета Московского государственного университета за то, что научили мыслить системно, опираться только на научные источники и отличать их от фейковых, дали глубокое понимание того, что такое язык. Прошло почти пятнадцать лет с окончания университета, но ключевые ценности, заложенные в годы учебы, навсегда со мной.

Спасибо лингвистам и популяризаторам, которые, даже не зная о моем существовании, многому меня научили и показали пример того, как говорить о лингвистике интересно и в то же время научно. Перечислить всех невозможно, но все-таки назову имена Андрея Анатольевича Зализняка, Алексея Гиппиуса, Светланы Бурлак, Владимира Плунгяна, Владимира Пахомова,

Максима Кронгауза, Антона Сомина, Александра Пиперски, Игоря Исаева, Ирины Фуфаевой, Дмитрия Сичинавы, Ирины Левонтиной, Никиты Сафронова (известного как Микитко сын Алексеев), Есении Павлоцки, Ксении Турковой.

Спасибо моему редактору Юлии Бушуновой, которая и предложила мне написать эту книгу, вносила корректные и точные правки, терпеливо ждала, когда же я наконец закончу работу, и ни разу не упрекнула за задержки. Юлия помогла мне увидеть многие тексты по-новому и раскрыться как автору. Без нее книга определенно не была бы так хороша.

Спасибо научному редактору Антону Сомину, который деликатно указал на досадные ляпы и неточности. Если бы книга, разоблачающая мифы, вышла с ошибками, это было бы довольно нелепо — и я очень благодарна Антону за то, что он оградил меня от такой неловкой ситуации.

Спасибо Федору Людоговскому, давшему мне ценную обратную связь по поводу переводов древних текстов и некоторых фрагментов об истории языка.

Спасибо моему подписчику, кандидату исторических наук Кириллу Худину, который нашел оригинал того самого рецепта царю Алексею Михайловичу, где впервые в русском языке упоминается кофе. Долгое время этот документ цитировался неточно и считался утерянным (так о нем писала и я в первом тираже этой книги), но Кирилл, который как раз занимается Аптекарским приказом, смог найти его в архиве. И спасибо основателю Школы исторической каллиграфии Андрею Санникову, который помог прочесть скоропись XVII века.

Спасибо и всем читателям моего блога @istoki_slova и телеграм-канала «Восстание редуцированных». Без вашей поддержки никто бы не узнал о моем блоге — а значит, и книги бы не было. Черновые варианты некоторых глав я уже выкладывала в качестве постов — и благодаря интересным комментариям, уточнениям, вопросам и конструктивной критике я сделала мои тексты точнее и лучше. Дорогие подписчики, знайте: вы в прямом смысле мои соавторы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ ПО ТЕМАМ КНИГИ

Часть первая

Бурлак С. Заимствования в русском языке (интервью на радио «Говорит Москва») // Sinus. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SG2gteanDXU> (дата обращения 10.12.2020).

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. — Ленинград: Наука, 1978.

Елифёрова М. #Панталоныфракжилет. Что такое языковые заимствования и как они работают. — М.: Альпина Паблишер, 2020.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017.

Кронгауз М. FAQ: Язык в интернете // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/25925> (дата обращения 10.12.2020).

Левонтина И. Русский со словарем. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016.

Микитко сын Алексеев. Речевой нюанс (цикл видео) // Микитко сын Алексеев. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PL_Ti2DFiE_m74lvoVaSqalkl-YQITz8Of (дата обращения 10.12.2020).

Павлоцки Е. Что не так с феминитивами? // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/society/education/chto_ne_tak_s_feminitivami_otvechaet_lingvist (дата обращения 10.12.2020).

Пахомов В. #Нозтонеточно: почему лингвисты любят отвечать, что правильно и так и так? (лекция) // Курилка Гутенберга.

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s9ACCyqnkFY&list=PLH9sASIdGnIVNh8xLWVpyN-VYGyB3UVl&index=2> (дата обращения 10.12.2020).

Пиперски А. Доисторические феминитивы. Что такое грамматический род и откуда он взялся // N+1. URL: <https://nplus1.ru/material/2019/11/27/grammatical-gender> (дата обращения 10.12.2020).

Пиперски А. Коварные суффиксы. Как современные феминитивы меняют русский язык // N+1. URL: <https://nplus1.ru/material/2019/11/28/russian-feminities> (дата обращения 10.12.2020).

Плунгян В. А. Почему языки такие разные. — М.: Русистика, 2018.

Сичинава Д. Мокроступы против фраков: взгляд лингвиста. Энциклопедия споров о том, как говорить по-русски в начале XIX века // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/materials/905> (дата обращения 10.12.2020).

Сомин А. Есть ли в языках мира заимствования из русского? (лекция) // Курилка Гутенберга. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gAouTqLvLik> (дата обращения 10.12.2020).

Сомин А. Что нас злит, а что тревожит в русском языке (лекция) // Культура.рф URL: <https://www.culture.ru/live/broadcast/21510/chto-nas-zlit-a-chto-trevozhit-v-russkom-yazyke> (дата обращения 3.08.2022).

Сомин А. Язык постоянно меняется (лекция) // Курилка Гутенберга. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=czp9M5-Qqzg&list=PLH9sASIdGnIVNh8xLWVpyN-VYGyB3UVl&index=9> (дата обращения 10.12.2020).

Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020.

Чуковский К. И. Живой как жизнь // Чуковский К. И. Сочинения в 2 томах. Т 1 (Сказки. От двух до пяти. Живой как жизнь). — М.: Издательство «Правда», 1990.

Часть вторая

Бурлак С. Какой же русский не понимает санскрита? (лекция) // АНТРОПОГЕНЕЗ.РУ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2saLkF1-UL4> (дата обращения 10.12.2020).

Бурлак С. Кириллица против Буквицы (лекция) // АНТРОПОГЕНЕЗ.РУ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Hd1V9w3BXUg&t=1s> (дата обращения 10.12.2020).

Бурлак С. Мифы об истории слов и языков — откуда они берутся? (лекция) // АНТРОПОГЕНЕЗ.РУ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wKhizMruaZE> (дата обращения 10.12.2020).

Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. — М.: Русский Мирь: Московские учебники, 2009.

Зализняк А. А. О Велесовой книге (лекция) // Math-Net.Ru. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SJXT1nkKedA> (дата обращения 10.12.2020).

Зализняк А. А. О профессиональной и любительской лингвистике // Элементы. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitel'skoy_lingvistike (дата обращения 9.12.2020).

Каверина В. В. Современная орфография приставок на <з> как результат закономерного развития языковой коммуникации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. — Вып. 7. — С. 100–114: [Электронный ресурс]. URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_07_10kaverina.pdf (дата обращения 10.12.2020).

Карпенко Л. Б., Карпенко Г. Ю. Мифы советской науки о возникновении восточнославянской письменности (анализ и критика) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-sovetskoj-nauki-o-vozniknovenii-vostochnoslavjanskoy-pismennosti-analiz-i-kritika> (дата обращения: 10.12.2020).

Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. — СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005.

Пахомов В. М. Миф № 5: Реформа орфографии 1917–18 задумана и подготовлена большевиками // Грамота.ру. URL: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_5_orfo1917/ (дата обращения 10.12.2020).

Пахомов В. Теория происхождения слов им. Задорнова: есть ли польза в «народной этимологии» (лекция) // 146 ростовских. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ql7W7opaIx4> (дата обращения 10.12.2020).

Полиниченко Д. Ю., Бурханова М. С. Любительские лингвистические концепции в современной России (на примере творчества М. Н. Задорнова) // Litera. — 2013. — № 2. — С. 67–81: [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_693.html (дата обращения 10.12.2020).

Сомин А. Откуда взялась славянская письменность? (лекция) // Курилка Гутенберга. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mQAvmADtzJs> (дата обращения: 10.12.2020).

Сомин А. Что случилось с орфографией в 1917–1918 годах? // Курилка Гутенберга. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WUnQ0RjKOYA&list=PLH9sASiIdGnIVNh8xLWVpyN-VYGyB3UVI&index=8> (дата обращения 10.12.2020).

Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. — Ленинград: Ленинздат, 1991.

Успенский Л. В. Слово о словах. — Киев: Веселка, 1987.

Успенский Л. В. Ты и твое имя. — Ленинград: Детская литература, 1972.

Что думают ученые о «Велесовой книге»? (Сборник статей) / сост. Алексеев А. А. — СПб.: Наука, 2004.

Шанский Н. М. Лингвистические детективы. Книга 1: Увлекательные рассказы из жизни слов. — М.: Эксмо, 2020.

Шанский Н. М. Лингвистические детективы. Книга 2: Слово и его тайны. — М.: Эксмо, 2020.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛУЧШИХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. / Российская академ. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007 — наше время: [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=anikin> (дата обращения 9.12.2020).

Самый современный академический этимологический словарь, который продолжает выходить сейчас. Пока выпуски заканчиваются на букве «Д», но если вам нужно найти происхождение слова, начинающегося на первые буквы алфавита, предпочтительнее будет использовать именно этот словарь.

2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986—1987.

На сегодняшний день самый известный и полный этимологический словарь. В нем дана исчерпывающая информация о происхождении слов, есть перечень однокоренных слов в других языках, изложены разные гипотезы о происхождении слов. Стоит учитывать, что это научное издание, рассчитанное прежде всего на филологов, и подача материала может показаться сложной.

3. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. — 3-е изд., стер. — М.: Изд-во «Русский язык», 1999.

Еще одно достойное издание: не такое полное, как словарь Фасмера, но приближенное к нему.

4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. — М.: Наука, 1974 — настоящее время.

Словарь, который реконструирует лексику праславянского языка — предка всех славянских языков. Он продолжает выходить и пока дошел до слов, начинающихся на «О». Тоже научное издание, из которого, впрочем, и не лингвисты смогут почерпнуть множество интересной информации.

5. Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. (последние выпуски — под ред. Журавлёва А. Ф.) — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963 — настоящее время.

Еще один отличный словарь, создание которого продолжается сейчас. Пока выпуски остановились на букве «Н».

6. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — 7-е изд., стер. — М.: Дрофа, 2004.

Словарь называется школьным, но будет интересен и взрослым читателям. Конечно, это не научное академическое издание, но у него тот же автор, что у словаря, издаваемого в Московском университете, поэтому ему точно можно доверять.

7. Успенский Л. В. Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. — М.: Зебра Е, 2008.

Это не классический словарь, а скорее научно-популярная книга. Она написана очень увлекательно и будет интересна не только детям, но и взрослым.

Все эти словари можно найти в интернете либо в электронном, либо в оцифрованном виде. Многие из них есть на портале <https://lexicography.online/etymology/> (но будьте внимательны: иногда, хоть и очень редко, в электронных версиях встречаются опечатки).

Если вам сложно пользоваться этимологическими словарями, может помочь статья Максима Руссо «Как читать этимологические словари»: https://polit.ru/article/2018/04/22/ps_vasmer/

Этимологию английских слов можно смотреть в словаре Merriam-Webster (<https://www.merriam-webster.com/>), а также в английском викисловаре <https://en.wiktionary.org/> (да, он достаточно надежен).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихотворение приводится по книге:

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — Қ). — М.: Наука, 1971. — С. 3.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 602.

Список хороших этимологических словарей, в которых можно узнать о происхождении слов, расположен на стр. 333–334.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 188.

⁴ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Часть 10. — М.: Университетская типография И. Новикова, 1787 г. — С. 43–44.

⁵ Там же. — С. 24.

⁶ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. — Вып. 9. — С. 12–13.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 816.

⁸ Подробнее об изменении норм можно узнать из лекции:

Пиперски А. Что значит говорить правильно, и откуда берутся языковые нормы (лекция) // ИЦАЭ [Информационные центры по атомной энергии]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cYP5gvKhvHc> (дата обращения 18.04.2021).

⁹ Такие ударения предписывают, к примеру, следующие словари:

— Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. — М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017.

— Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. — М.: Издательство «Словари XXI века», 2017.

— Зарва М. В. Русское словесное ударение. — М.: НЦ ЭНАС, 2001.

Также их рекомендует академический орфографический ресурс «Академос». Он не орфоэпический, но современные предписания там появляются быстрее всего. URL: <https://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения 24.07.2022).

¹⁰ Подробнее о трансформации норм ударения можно узнать из лекции:

Пахомов В. #Ноэтонеточно: Почему лингвисты любят отвечать, что правильно и так и так? (лекция) // Курилка Гутенберга. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s9ACCyqnkFY&list=PLH9sASlIdGnIVNh8xLWVpyN-VYGyB3UVl&index=2> (дата обращения 10.12.2020).

¹¹ Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1909.

¹² Греч А. Н. Справочное место русского слова: Четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы ять. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — СПб: тип. Н. Греча, 1843. — VI, 140 с.

¹³ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — Т. I. Вып. 5. — С. 298.

¹⁴ Тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

¹⁵ Мастера современной литературы. Михаил Зощенко. Статьи и материалы / сб. под ред. Б. В. Казанского и Ю. Н. Тынянова, обл. Н. Э. Радлова. — Л.: Academia, 1928.

¹⁶ Подробнее об этом здесь:

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке — М.: Логос, 2003. — С. 158.

¹⁷ Пример взят из:

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 2 (Л—П). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. — С. 1079.

¹⁸ Примеры взяты из:

Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. — 2-е изд., испр. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2013. — С. 424.

¹⁹ Подробнее об экспансии предлога «по» здесь:

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. Пособие для учителей. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1981. — С. 199–201.

²⁰ Тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

²¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1974. — Т. 40. Декабрь 1919 — апрель 1920. — С. 49.

²² Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 8 (во I — вран). — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014 — С. 340–341: [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/anikin/Anikin-RES-VIII.pdf> (дата обращения 9.12.2020).

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 104.

²⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 47.

²⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А — Д) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 518.

²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 175.

²⁷ Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель; АСТ: Хранитель, 2007. — С. 390.

²⁸ Там же. — С. 173.

²⁹ Там же. — С. 258.

³⁰ Там же. — С. 756.

³¹ Там же. — С. 619.

³² Там же. — С. 95.

³³ Там же. — С. 686.

³⁴ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершь I — внятьс II). — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2013 — С. 290: [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/anikin/Anikin-RES-VII.pdf> (дата обращения 9.12.2020).

³⁵ Подробнее о взглядах Шишкова здесь:

Сичинава Д. Мокроступы против фраков: взгляд лингвиста. Энциклопедия споров о том, как говорить по-русски в начале XIX века // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/materials/905> (дата обращения: 16.11.2020).

³⁶ Белинский В. Г. Речь о критике // Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II. — М.: ОГИЗ, 1948. — С. 394.

³⁷ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*ха — *jъvylga) / Под ред. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1981. — С. 27–28.

³⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 804.

³⁹ Там же. — С. 230.

⁴⁰ Там же. — С. 322.

⁴¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 75.

⁴² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 120.

⁴³ Успенский Л. В. Почему не иначе?: [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/%D1%81/%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 18.04.2021).

⁴⁴ Успенский Л. В. Почему не иначе?: [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/%D0%BB/%D0%BB%D0%BE%D1%88%D0%B0%D0%B4%D1%8C> (дата обращения 18.04.2021).

⁴⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 266.

⁴⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 290—291.

⁴⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А — Д) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 183.

⁴⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 424—425.

⁴⁹ Успенский Л. В. Почему не иначе?: [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/%D0%BE/%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%8C> (дата обращения 18.04.2021).

⁵⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 406.

⁵¹ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — Т. I, Вып. 5. — С. 298.

⁵² Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — Т. II, Вып. 8. — С. 102.

⁵³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 561.

⁵⁴ Здесь и далее звездочкой (*) обозначены слова и основы слов, реконструированные лингвистами.

⁵⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 300.

⁵⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб, 1893. — Т. 1 (А—К). — С. 1414.

⁵⁷ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — Т. II, Вып. 7. — С. 19.

⁵⁸ Владимир Жириновский: «Я такой, какой я есть. В этом моя прелесть» // Риа Новости. URL: <https://ria.ru/20131028/973071067.html> (дата обращения: 16.11.2020).

⁵⁹ Заимствования в русском языке (рассказывает филолог Светлана Бурлак) // Интервью Светланы Бурлак на радио «Говорит Москва». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SG2gteanDXU> (дата обращения: 16.11.2020).

⁶⁰ Пушкин. А. С. Возражения против замечаний М. А. Дмитриева при разборе 4-й и 5-й глав «Евгения Онегина» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — 4-е изд. — Л., 1978. — Т. 7. — С. 54–57, 119–121: [Электронный ресурс]. URL: <http://editorium.ru/762/> (дата обращения: 16.11.2020).

⁶¹ Остроумное эссе, где показано, как в каждом поколении находят пуристы, заявляющие, что язык безнадежно испорчен и «раньше было лучше»:

Сонькин В. О гибели всех языков // Союз «ЕЖЕ»: [Электронный ресурс]. URL: <http://ezhe.ru/ib/issue833.html> (дата обращения: 16.11.2020).

⁶² Кронгауз М. А. Язык мой — враг мой? // Новый мир. — М., 2002. — № 10: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krongauz-02.htm> (дата обращения: 16.11.2020).

⁶³ Левонтина И. «Ща инстик чекну и го» — почему молодежь коверкает язык до неузнаваемости // интервью Ирины Левонтиной порталу «Православие и мир». URL: <https://www.pravmir.ru/shha-instik-cheknu-i-go-pochemu-molodezh-koverkaet-yazyik-do-neuznavаемости/> (дата обращения: 16.11.2020).

⁶⁴ Анищенко О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. — М.: ЭЛПИС, 2007.

⁶⁵ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 10 (галочка I — глыча). — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2016. — С. 270–273: [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/anikin/Anikin-RES-X.pdf> (дата обращения 9.12.2020).

⁶⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб, 1893. — Т. 1 (А—К). — С. 518.

⁶⁷ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. — Вып. 9. — С. 137–139.

⁶⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 2 (Л—П). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. — С. 59–60.

⁶⁹ Успенский Л. В. Почему не иначе?: [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/%D1%87/%D1%87%D1%91%D0%BB%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 18.04.2021).

⁷⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 341.

⁷¹ Там же. — С. 341.

⁷² Friedrich Kluge, bearbeitet von Elmar Seebold: Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24., durchgesehene und erweiterte Auflage. Walter de Gruyter, Berlin/New York 2001, Seite 528.

Также:

<https://www.duden.de/rechtschreibung/Kopf> (дата обращения 25.04.2021).

⁷³ По данным французского викисловаря. URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/tête> (дата обращения 10.12.2020).

Также см. здесь:

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — 3-е изд., испр. — М.: Дрофа, 2004: [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D1%87/%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF> (дата обращения 10.12.2020).

⁷⁴ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 12 (грак I — дбать). — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Новосибирск: ин-т филологии Сибирского отделения РАН; СПб.: «Нестор-История», 2018. — С. 182–184: [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/anikin/Anikin-RES-XII.pdf> (дата обращения 9.12.2020).

⁷⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 506–507.

⁷⁶ Словарь Академии Российской. В 6 т. — СПб.: Императорская Академия Наук, 1789–1794.

⁷⁷ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — Т. I, Вып. 5. — С. 32.

⁷⁸ Виноградов В. В. История слов. — М.: 1999. — С. 158.

⁷⁹ Чуковский К. И. От двух до пяти. Живой как жизнь. — М.: Детская литература, 1968. — С. 519.

⁸⁰ Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2008. — С. 32.

⁸¹ Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. № 71. — С. 58–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii> (дата обращения: 26.10.2020).

⁸² Плунгян В. Дискурсивные слова // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/8572> (дата обращения 9.05.2023).

⁸³ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.

⁸⁴ Кронгауз М. А. Появилась новая форма языка (Запись лекции для Открытого университета). URL: <https://openuni.io/course/5-course-4/lesson/15/> (дата обращения 8.12.2020).

⁸⁵ Пример из статьи:

Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Преднамеренное зачеркивание в интернете и его аналоги в различных коммуникативных средах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки, 2014. — № 3. — С. 63–69.

⁸⁶ «Манифест» сохранился, например, здесь: <https://fuga.ru/shelley/manifest.htm> (дата обращения 28.07.2022).

⁸⁷ «Язык мощнее и умнее каждого из нас»: лингвист Максим Кронгауз — о «телочках», мемах и новом языке интернета. URL: <https://paperpaper.ru/photos/krongauz/> (дата обращения 8.12.2020).

⁸⁸ Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. — С. 239.

⁸⁹ Кронгауз М. А. Интервью portalу «Культура.РФ». URL: <https://www.culture.ru/materials/173675/kultura-rechi> (дата обращения 8.12.2020).

⁹⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 143 (Аптекарский приказ). Оп. 2. Д. 740. Л. 6.

⁹¹ Далее в этой главе тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка, если не указано иное. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

⁹² Данные НКРЯ на 26.10.2020.

⁹³ Данные НКРЯ на 26.10.2020.

⁹⁴ Данные НКРЯ на 26.10.2020.

⁹⁵ По данным академического орфографического ресурса «Академос». URL: <http://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения 8.12.2020).

⁹⁶ Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1909. — С. 111.

⁹⁷ Подробнее об этом здесь:

Горбачевич К. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. — Берлин, 1990. — № 2. — С. 70–80: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/gorbachevich-90.htm> (дата обращения 8.12.2020).

⁹⁸ Горбачевич К. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. — Берлин., 1990. — № 2. — С. 70–80: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/gorbachevich-90.htm> (дата обращения 8.12.2020).

⁹⁹ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. — М: АСТ, 2009. — § 202: [Электронный ресурс]. URL: <http://orthographia.ru/orfografia.php?sid=93#pp93> (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰⁰ Фотографию страницы альманаха «Северные цветы» (1830 г.) со стихотворением «Я вас любил...» можно увидеть здесь:

URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%AF_%D0%B2%D0%B0%D1%81_%D0%BB%D1%8E%D0%B1%D0%B8%D0%BB,_%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BВ%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_1830.png (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰¹ Фотографию начала письма Л. Н. Толстого О. Д. Траскиной можно увидеть здесь:

URL: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/pics/6001-pictures.php?picture=600105> (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰² Как писать ВЫ и ВАШ — с прописной или со строчной буквы? // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/letters/51-rubric-88> (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰³ К примеру, в «Орфографическом словаре» справочной службы «Грамота.ру», дублирующем орфографический академический ресурс «Академос». URL: <http://gramota.ru/slovari/dic?lop=x&bts=x&go=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BD%D0%B0+%D0%B2%D1%8B> (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰⁴ Барабаш Е. На машиночке в светленькое будущее // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Na-mashinochke-v-svetlen-koe-budushee> (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰⁵ Королёва М. Садитесь и присаживайтесь // Год литературы. URL: <https://godliteratury.ru/events-post/sadites-i-prisazhivaytes> (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰⁶ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/word/prisazhivatsja.html#YJZjH7UzZPY> (дата обращения 8.12.2020).

¹⁰⁷ Тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

¹⁰⁸ Стоян П. Е. Краткий толковый словарь русского языка / Сост. П. Е. Стоян. — СПб.: В. Я. Макушкин, 1913. — С. 475.

¹⁰⁹ Галь Н. Слово живое и мертвое. — ФТМ, 1972. — С. 48.

¹¹⁰ Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1 (А — Кюрины). — М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. — С. 1561: [Электронный ресурс]. URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0819.htm (дата обращения 18.04.2021).

¹¹¹ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — Первое издание. — СПб.: Норинт, 1998. Электронная версия опубликована на портале «Грамота.ру» в авторской редакции 2014 го-

да. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BA%D1%83%D1%88%D0%B0%D1%82%D1%8C&all=x> (дата обращения: 09.12.2020).

¹¹² Бельчиков Ю. А., Ражева О. И. Есть или кушать? // Словарь трудностей («Грамота.ру»). URL: http://new.gramota.ru/spravka/trudnosti?layout=item&id=36_143&v=full (дата обращения 8.12.2020).

¹¹³ Успенский Л. В. Хорошо или правильно (Культура речи): [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/uspenskiy_lev/horosho_ili_pravilno_kultura_rechi.html (дата обращения 9.12.2020).

¹¹⁴ Бианки В. В. Мысли кое-как // Бианки В. В. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4-й. Очерки, рассказы, статьи, дневники, письма. — Л.: Дет. лит., 1975. — С. 245–246.

¹¹⁵ Словарь Академии Российской. В 6 т. Т. 3 (3 — М). — СПб.: Императорская Академия Наук, 1792. — С. 1104.

¹¹⁶ Словарь Академии Российской. В 6 т. Т. 3 (3 — М). — СПб.: Императорская Академия Наук, 1792. — С. 1110.

¹¹⁷ Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. II (3 — Н). — СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. — С. 240.

¹¹⁸ Тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

¹¹⁹ Данные НКРЯ на 26.10.2020.

¹²⁰ Короленко В. Г. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10 (Письма 1879–1921 гг.). — М.: ГИХЛ, 1956: [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0890.shtml (дата обращения 9.12.2020).

¹²¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений в одиннадцати томах. Т. 5. — М.: ГИХЛ, 1957. — С. 441.

¹²² Тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

¹²³ Стоян П. Е. Краткий толковый словарь русского языка / Сост. П. Е. Стоян. — СПб.: В. Я. Макушкин, 1913. — С. 311.

¹²⁴ Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1909. — С. 117.

¹²⁵ Иванов Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3 (мемуары, литературная критика). — М.: Согласие, 1994. — С. 470.

¹²⁶ Чуковский К. И. Сочинения в 2 томах. Т 1 (Сказки. От двух до пяти. Живой как жизнь). — М.: Издательство «Правда», 1990. — С. 472.

¹²⁷ ТикТок и его звезды: как устроена самая продвинутая соцсеть России? // Редакция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nHuhN1xsMj4> (дата обращения 8.04.2021).

¹²⁸ Шанский Н. М. Лингвистические детективы. — М.: Дрофа, 2002. — С. 415–416.

¹²⁹ Тимофеев-Еропкин Б. Н. Правильно ли мы говорим? — СПб: Лениздат, 1961. — С. 50.

¹³⁰ Летучий А. Б. Возвратность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. — М., 2014: [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%92%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C#2> (дата обращения 9.12.2020).

¹³¹ Селищев А. М. Язык революционной эпохи. — М.: «Работник просвещения», 1928. — С. 41–42.

¹³² Тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

¹³³ Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. — Первое издание. — СПб.: Норинт, 1998. Электронная версия опубликована на портале «Грамота.ру» в авторской редакции 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F> (дата обращения: 09.12.2020).

¹³⁴ Тексты цитируются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения — 26.10.2020).

¹³⁵ Друговойко-Должанская С. А. Как правильно «убираться»? // grammar.ru: [Электронный ресурс]. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=13.55#:~:text=%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F%20%E2%80%93%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BB%20%D1%81%20%D1%82-%D0%B0%D0%BA%20%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D0%BC,%D0%BF> (дата обращения: 09.12.2020).

¹³⁶ Подробнее об этом:

Бурлак С. Связь языка и мышления // НаукаPRO. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vkr_emM1ln4 (дата обращения 29.05.2021).

Плунгян В. Лингвистика как наука // ПостНаука. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bdNScFjyAOk> (дата обращения 29.05.2021).

Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Элементы: [Электронный ресурс]. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (дата обращения 29.05.2021).

¹³⁷ Jonathan Winawer, Nathan Witthoft, Michael C. Frank, Lisa Wu, Alex R. Wade, Lera Boroditsky. Russian blues reveal effects of language on color discrimination // Proceedings of the National Academy of Sciences May 2007, 104 (19) 7780–7785; DOI: 10.1073/pnas.0701644104 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnas.org/content/104/19/7780> (дата обращения 29.05.2021).

¹³⁸ Кейт Бланшетт попросила называть ее актером, а не актрисой // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2020/09/04/n_14891906.shtml (дата обращения 29.07.2022).

¹³⁹ Гаврилина О. Пост от 11.07.2020. URL: <https://www.facebook.com/olga.gavrilina/posts/3764238650253621> (дата обращения 14.05.2021).

¹⁴⁰ Нобелевскую премию по химии в этом году присудили Эммануэлю Шарпентье и Дженниферу Дудне за разработку методов редактирования генома // Новая газета. URL: https://twitter.com/novaya_gazeta/status/1313779133630033920 (дата обращения 14.05.2021). «Твиттер» заблокирован Роскомнадзором на территории Российской Федерации с 4 марта 2022 года.

¹⁴¹ Благова Д., Шатунова Л., Голикова Н. Ушные ковырялки, восковые салфетки, дезодорантная корка: тестируем экосредства для быта // Афиша Daily: [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/13538-ushnye-kovyryalki-voskovye-salfetki-dezodorantnaya-korka-testiruem-ekosredstva-dlya-byta/> (дата обращения 29.05.2021).

¹⁴² Автор Петрова, или Названия «неженских» профессий // Грамота.ру: [Электронный ресурс]. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/letters/59-rubric-89> (дата обращения 29.05.2021).

¹⁴³ Сичинава Д. В. Род. 4.2. Смысловое согласование // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. — М., 2014: [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%BE%D0%B4> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁴⁴ Сичинава Д. В. Род. 2.1. Словоклассифицирующий род: показатели морфологического рода // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. — М., 2014: [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%BE%D0%B4> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁴⁵ Виноградов В. В. Категория рода имен существительных и ее предметно-смысловое содержание / Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1986: [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=2#011> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁴⁶ Нужен ли феминитив к слову человек? // Ф — феминитивы. URL: https://m.vk.com/wall-108546632_2337 (дата обращения 9.12.2020).

¹⁴⁷ Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. — С. 23–25.

¹⁴⁸ Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. — С. 53.

¹⁴⁹ Там же. — С. 140.

¹⁵⁰ Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1909.

¹⁵¹ Эти четыре примера взяты из книги:

Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020.

¹⁵² Древние тексты цитируются по статье:

Шульга М. В. Славянский грамматический род: привативная оппозиция // Вопросы языкознания, 1997. — № 3. — С. 27.

¹⁵³ Строки из стихотворения М. Цветаевой «В гибельном фолланте...» (1915 г.).

¹⁵⁴ Это заметили лингвисты Александр Пиперски, Михаил Ослон и Ирина Фуфаева независимо друг от друга; см. об этом:

Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. — С. 129–130.

¹⁵⁵ Подробнее об этом — в статье:

Пиперски А. Коварные суффиксы. Как современные феминитивы меняют русский язык // N+1: [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2019/11/28/russian-feminities> (дата обращения 29.05.2021).

¹⁵⁶ Фрейд З. Тотем и табу. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — С. 95–99.

¹⁵⁷ Эксперты Роскомнадзора: «Бранное слово вызывает мутагенный эффект, аналогичный радиационному излучению» // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/473112/> (дата обращения 31.05.2023).

¹⁵⁸ Сундаков В. Забытые тайны золотого языка: конспект лекций Русской Школы Русского языка. — М.: Издательство АСТ, 2019. — С. 38.

¹⁵⁹ Подробнее о законе безысключительности фонетических изменений и о том, как им пренебрегают лжелингвисты, например, здесь:

Бурлак С. А. Мифы об истории слов и языков — откуда они берутся? (лекция) // АНТРОПОГЕНЕЗ РУ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wKhizMruaZE> (дата обращения 10.12.2020).

¹⁶⁰ Подробнее об утрате носовых здесь:

Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. — 2-е изд., исправленное. — М.: Изд-во МГУ, 2009. — С. 41–44.

¹⁶¹ Пример взят из лекции Антона Сомина «Слова-мутанты: что происходит, если языковые изменения идут не по правилам?» // Курилка Гутенберга. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Tf4MqwDU6Bo> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁶² Зализняк А. А. О профессиональной и любительской лингвистике. // Элементы URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitelskoy_lingvistike (дата обращения 9.12.2020).

¹⁶³ Подробнее о процессе падения редуцированных здесь:

Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. — 2-е изд., исправленное. — М.: Изд-во МГУ, 2009. — С. 41–44.

¹⁶⁴ Драгункин А. Н. 5 сенсаций. Pamфлетовидное эссе на тему языка — М.: РИПОЛ классик; СПб.: Респекс, 2010. — С. 62.

¹⁶⁵ Атрощенко М. Бог разговаривает на русском (интервью с А. Драгункиным) // Правда Севера. URL: <http://pravdasevera.ru/culture/-1xs6zoss> (дата обращения 22.12.2020).

¹⁶⁶ Зализняк А. А. О профессиональной и любительской лингвистике. // Элементы URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitel'skoy_lingvistike (дата обращения 9.12.2020).

¹⁶⁷ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1 (А — Пантомима). — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — С. 324.

¹⁶⁸ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. — Т. I, Вып. 1. — С. 53.

¹⁶⁹ Зализняк А. А. О профессиональной и любительской лингвистике. // Элементы URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitel'skoy_lingvistike (дата обращения 9.12.2020).

¹⁷⁰ По данным английского викисловаря. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/lord#Etymology> (дата обращения 9.12.2020).

Та же цепочка в усеченном виде здесь:

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/lord> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁷¹ По данным английского викисловаря. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/lady#Etymology> (дата обращения 9.12.2020).

То же менее подробно здесь:

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/lady> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁷² Зачем скрывают правду об этрусках. Настоящие корни Древнего Рима // ОСОЗНАНИЕ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HHmdqXiOyIk> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁷³ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 9 (вран-довать — галоп). — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2015. — С. 40–41.

¹⁷⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 600—601.

¹⁷⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 278.

¹⁷⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А — Д) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 155.

¹⁷⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 100.

¹⁷⁸ Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Часть 3. — М.: Типографія Лазаревского института восточныхъ языковъ, 1865. — С. 281.

¹⁷⁹ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 8 (во I — вран). — М.: Ин-т рус. яз. Им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014. — С. 343: [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/anikin/Anikin-RES-VIII.pdf> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁸⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 586.

¹⁸¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 685—686.

¹⁸² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3 (Т — Я). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. — С. 1476—1479.

¹⁸³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 816.

¹⁸⁴ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (бе — болдыхать) / Ин-т рус. яз. Им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009 — С. 207: [Электронный ресурс]. URL: <http://>

etymolog.ruslang.ru/doc/anikin/Anikin-RES-III.pdf (дата обращения 9.12.2020).

Также см. данные французского викисловаря. URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/bistrot> (дата обращения 9.12.2020).

¹⁸⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 4. — М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1866. — С. 575.

¹⁸⁶ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2 (Панцирь — Яшур). — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — С. 404.

¹⁸⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 298.

¹⁸⁸ Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — С. 402–403.

¹⁸⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 603.

¹⁹⁰ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2 (Панцирь — Яшур). — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — С. 49.

¹⁹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. В 5 т. Т. 4. — М.: Государственное социально-экономическое издание, 1937. — С. 197–198.

¹⁹² Скоринкин Д. Сволочь // Два века в двадцати словах. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — С. 339–358.

¹⁹³ Зализняк А. А. Еще раз о жизни слов (лекция) // grizzly-ripper: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oLGcD1ACbZo> (дата обращения 02.06.2021).

¹⁹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 3. — М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1865. — С. 197.

¹⁹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 1. — М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1863. — С. XII.

¹⁹⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 8 (дер — ерепенить-ся). — Л.: Наука, 1972. — С. 69.

¹⁹⁷ По данным словаря И. Срезневского:

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 2 (Л — П). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. — С. 1061.

¹⁹⁸ Текст грамоты можно прочесть здесь:

URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/staraya-russa/8/> (дата обращения 05.06.2021).

¹⁹⁹ Например, здесь:

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. — М.: Просвещение, 1974. — С.28.

²⁰⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 233.

²⁰¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2 (Панцирь — Яшур). — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — С. 337–338.

²⁰² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 4. — М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1866. — С. 499–500.

²⁰³ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — Изд. 2-е, переработ. и доп. — М.: Русский язык, 1976. — С. 716.

²⁰⁴ Там же. — С. 1008.

²⁰⁵ Там же. — С. 715.

²⁰⁶ Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. — 4-е изд., перераб. — СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005 — С. 26, 315.

²⁰⁷ Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. — Изд-е третье, дополненное. — СПб: Фонд славянской письменности и культуры, 2007. — С. 157–168.

²⁰⁸ Цитируется по статье:

Сичинава Д. Мокроступы против фраков: взгляд лингвиста. Энциклопедия споров о том, как говорить по-русски в начале XIX века // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/materials/905> (дата обращения 10.12.2020).

²⁰⁹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XVIII (Лопари — Малолетние преступники). — СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1896. — С. 87—88.

²¹⁰ Лукашевич П. Изложение главных законов Естественной и наблюдательной микроскопической Астрономии, а также астрономической метеорологии, выведенных из вычислений числовидов или формул силы светов небесных тел, их естественных подразделений, мер времени, протяжений и теплотвора, проявляющегося на поверхности сил тел вследствие большей или меньшей быстроты их движений, а также на основании выкладок по естественному, иначе девятеричному счету. Ч. 1 — Киев, 1884. — С. 10.

²¹¹ Лукашевич П. Чаромутие, или священный язык магов волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем, с прибавлением обращенных им же в прямую истоть чаромути и чарной истоти языков русского и других славянских и части латинского. — СПб., тип. Вингеберга, 1846. — С. 1.

²¹² Там же. — С. 151.

²¹³ Там же. — С. 198.

²¹⁴ Там же. — С. 268.

²¹⁵ Чудинов В. А. Кустики на Марсе и другие новости археологии / Сайт В. А. Чудинова. URL: <http://chudinov.ru/kustiki/#more-17526> (дата обращения 9.12.2020).

²¹⁶ Котова Г. Г. Уникальные камни Псковской области / Академия тринитаризма. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111158.htm> (дата обращения 2.08.2022).

²¹⁷ Подробнее об этом казусе здесь:

Научный подвиг лингвофрика Галины Котовой / Σ Научный скептицизм — против псевдонауки. URL: https://vk.com/topic-32482446_32359933 (дата обращения 2.08.2022).

²¹⁸ Гриневич Г. С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки // Энциклопедия русской мысли: Русское Физическое Общество. — М.: Общ. польза, 1993. — С. 116.

²¹⁹ Там же. — С. 177.

²²⁰ Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Эт-русски: загадка, которую не хотят разгадать: [Электронный ресурс]. URL: http://chronologia.org/mr5_etruski/etruscans_2_01.html (дата обращения 9.12.2020).

²²¹ Чертков А. Д. О языке пелазгов, населивших Италию и сравнение его с древлесловенским. — М.: Унив. Тип., 1855. — С. 26.

²²² Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Факты. Статистика. Гипотезы — 1995: [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/FOMENKOAT/rus_ar.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 9.12.2020).

²²³ Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. — М.: Русский мир, 2009.

²²⁴ Сундаков В. Забытые тайны золотого языка: конспект лекций Русской Школы Русского языка. — М.: Издательство АСТ, 2019. — С. 106.

²²⁵ Там же. — С. 116.

²²⁶ Там же. — С. 117.

²²⁷ Там же. — С. 121.

²²⁸ Там же. — С. 35.

²²⁹ Сундаков В. О плоской земле и несостоятельности современной науки // Фан клуб Виталия Сундакова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vYp8tgzabAg> (дата обращения 9.12.2020).

²³⁰ Иванов В. Каждую неделю в мире гибнет язык // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_2563.html (дата обращения 9.12.2020).

²³¹ Орёл В. Э., Старостин С. А. Etruscan as an East Caucasian Language // Старостин С. А. Труды по языкознанию. — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 471–477.

²³² Иванов В. В. Древнерусский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990: [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/143c.html> (дата обращения: 16.11.2020).

²³³ Старославянский алфавит приводится по книге:

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. — М.: Просвещение, 1974. — С. 28–29.

²³⁴ Лебедева Ю. В., Шевченко Н. Ю., Неумоина Н. Г., Корбакова Т. В. Азы древнеславянского языка // Успехи современного естествознания. — 2014. — № 11–1. — С. 98–103: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34325> (дата обращения: 13.09.2020).

²³⁵ Мама, почему дерево?!? Что на самом деле означают привычные слова. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/bagullnik/post329600314/> (дата обращения 9.12.2020).

²³⁶ Берестяные грамоты удобно читать на сайте, разработанном совместно несколькими научными институциями, в частности, Институтом славяноведения Российской академии наук. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения 9.12.2020).

²³⁷ Образность слов онлайн. URL: <http://www.yahealthy.info/e/slavyanskij-blog/drevne-slavyanskaya-bukvica/obraznost-slavyanskix-slov/> (дата обращения 9.12.2020).

²³⁸ Кузнецова Е. Путь Дурака или что такое Радуга. URL: <https://triglavblog.ru/?p=434> (дата обращения 9.12.2020).

²³⁹ Ивашко А. Буквица как экспериментальное направление // Центр «Слово». URL: <http://xn--80acdygcex2c7am0c.xn--plai/stati/bukvica-kak-yeksperimentalnoe-napravlenie/> (дата обращения 9.12.2020).

²⁴⁰ Об этом подробнее в статье:

Карпенко Л. Б., Карпенко Г. Ю. Мифы советской науки о возникновении восточнославянской письменности (анализ и критика) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2016. — № 1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-sovetskoj-nauki-o-vozniknovenii-vostochnoslavyanskoj-pismennosti-analiz-i-kritika> (дата обращения: 10.12.2020).

²⁴¹ Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. — М.: Учпедгиз, 1950. — С. 18.

²⁴² Лихачев Д. С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности // Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 14–24.

²⁴³ Подробнее об истории двух азбук и об обосновании большей древности глаголицы см. здесь:

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: «Просвещение», 1974. — С. 27–39.

И здесь:

Ремнева М. Л. Старославянский язык: учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 40–45.

²⁴⁴ Гиппиус А. А. Кирилло-мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты // Славянский альманах. — 2010. — № 2009. —

С. 10–31: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirillo-mefodievskaya-traditsiya-na-rusi-i-berestyanye-gramoty> (дата обращения: 09.12.2020).

²⁴⁵ Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. — 2001. — № 5. — С. 3–25: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-zaliznyak-v-l-yanin-novgorodskiy-kodeks-pervoy-chetverti-xi-b-drevneyshaya-kniga-rusi> (дата обращения: 09.12.2020).

²⁴⁶ Зализняк А. А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. — М., 2003. — С. 190–212: [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20131110181350/http://hbar.phys.msu.ru/gorm/dating/NOVGOROD/cera.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

²⁴⁷ Цитируется по книге:

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. — М.: Просвещение, 1974. — С. 23.

²⁴⁸ Подробное обоснование этой гипотезы см.:

Иванова Т. А. Еще раз о «Русских письменах». Советское славяноведение. — 1969. — Номер 4. — С. 72–75: [Электронный ресурс]. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/sovslav-1969-4.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

²⁴⁹ Гиппиус А. А. Русские письма (к дню славянской письменности). URL: <http://web.archive.org/web/20160430235653/http://senat.org/Russia-Bulgaria/RusWord.html> (дата обращения: 16.11.2020).

²⁵⁰ Цит. по самому раннему (из известных) списку «Сказания о письменах» из «Лаврентьевского сборника» 1348 года, который хранится в Российской национальной библиотеке. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/ob000000099/view/#page=> (дата обращения: 2.08.2022).

²⁵¹ Например, так в московском списке «Сказания о письменах», который относится к третьей четверти XV в. и хранится в Российской государственной библиотеке. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173i-145/#image-383> (дата обращения: 2.08.2022).

²⁵² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 6 (*e — *golva) / Под ред. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1979. — С. 105.

²⁵³ Полный церковно-славянский словарь / сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко. — М.: Тип. Вильде, 1900. — С. 818: [Электронный ресурс] URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003687813?page=856&otate=0&theme=white> (дата обращения: 2.08.2022).

²⁵⁴ Кеслер Я. А. Азбука и русско-европейский словарь. — М.: Крафт+, 2001. — С. 3.

²⁵⁵ Там же. — С. 17.

²⁵⁶ Старославянский алфавит дается по книге:

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. — М.: Просвещение, 1974. — С. 28–29.

²⁵⁷ Алфавит XIX века дается по книге:

Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академією. Изданіе третье. — СПб.: Типографія Императорской Российской Академіи, 1819. — С. 2–3.

²⁵⁸ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 3 (*bratъсь — *sъgъ) / Под ред. О. Н. Трубачева. — М.: «Наука», 1976. — С. 91–92.

²⁵⁹ Реконструкция А. И. Соболевского. // Камчатнов А. М. Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X–XIV веков по рукописям X–XVII веков. — М., 2009. — С. 45: [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/chrestomatiya_poistorii_russkogo_yazyka_2009.pdf (дата обращения 10.12.2020).

²⁶⁰ Эта гипотеза о происхождении названий букв излагается, к примеру, здесь:

Ремнева М. Л. Старославянский язык: учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 48.

²⁶¹ Отрывок из передачи Первого канала можно увидеть здесь. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S2CElsUzqxM> (дата обращения 10.12.2020).

²⁶² В этом легко убедиться, открыв любой словарь старославянского или древнерусского языка, составленный по материалам памятников письменности, например:

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 1 (А — К). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. — С. 72–84.

или

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10000 сл. / ред. Р. М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова. — М.: Рус. яз., 1994. — С. 81–83.

²⁶³ Изборник 1067 года. — М.: Наука, 1965. — С. 153: [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-2178> (дата обращения 10.12.2020).

²⁶⁴ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (бе — болдыхать) / Ин-т рус. яз. Им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009 — С. 38: [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/anikin/Anikin-RES-III.pdf> (дата обращения 9.12.2020).

²⁶⁵ Там же. — С. 143–144.

²⁶⁶ Ломоносовъ М. Россійская грамматика. — СПб: Императорская Академія Наукъ, 1757. — С. 58: [Электронный ресурс]. URL: [ru.wikisource.org/wiki/Россійская_грамматика_\(Ломоносов\)/1757_\(ДО\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Россійская_грамматика_(Ломоносов)/1757_(ДО)) (дата обращения 10.12.2020).

²⁶⁷ Ломоносовъ М. Россійская грамматика. — СПб: Императорская Академія Наукъ, 1757. — С. 19: [Электронный ресурс]. URL: [ru.wikisource.org/wiki/Россійская_грамматика_\(Ломоносов\)/1757_\(ДО\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Россійская_грамматика_(Ломоносов)/1757_(ДО)) (дата обращения 10.12.2020).

²⁶⁸ Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академією. — СПб.: Императорская типографія, 1802. — С. 13.

²⁶⁹ Там же. — С. 6.

²⁷⁰ Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академією. — СПб.: Императорская типографія, 1809. — С. 25–26.

²⁷¹ Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Часть 1. — М.: Типографія Лазаревского института восточныхъ языковъ, 1863. — С. 67–74.

²⁷² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 732.

²⁷³ Например, здесь:

Беляева Е. Первый блин — комАМ! // Московский комсомолец: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/02/10/158550-pervyyi-blin-komam.html> (дата обращения 7.06.2021);.

Керменчикли А. Первый блин — медведю. Как отмечали Масленицу в старину // *АиФ-Крым* — № 7 (15.02.2017): [Электронный ресурс]. URL: https://krym.aif.ru/dosug/pervyy_blin_medvedyu_kak_otmekali_maslenicu_v_starinu (дата обращения 7.06.2021).

²⁷⁴ Первый блин — кому? Доброе утро. Фрагмент выпуска от 20.02.2017. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/mezhdu-tem/pervyy-blin-komu-dobroe-utro-fragment-vypuska-ot-20-02-2017> (дата обращения 10.12.2020).

²⁷⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: Университетская типография, 1862. — С.31.

²⁷⁶ Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц. — М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1770. — С. 231.

²⁷⁷ Песню можно послушать здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=wp12pznxbGQ> (дата обращения 2.08.2022).

²⁷⁸ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1902. — С. 162–163.

²⁷⁹ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — М.: Наука, 1987. — С. 667–668.

²⁸⁰ Топорков А. Л. Кабинетная мифология // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2002. — С. 212: [Электронный ресурс]. URL: <https://inslav.ru/publication/slavyanskaya-mifologiya-enciklopedicheskiy-slovar-izd-2-e-m-2002> (дата обращения 10.12.2020).

²⁸¹ Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. Т. II, Вып. 8. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — С. 227–228.

²⁸² Казаков В. С. Именослов: словарь славянских имен и прозвищ, с толкованием их значения и происхождения. — Калуга: Золотая аллея, 1997. — С. 97.

²⁸³ Текст более позднего издания доступен, например, здесь:

Казаков В. С. Именослов: словарь славянских имен и прозвищ, с толкованием их значения и происхождения: [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2022595-pall.html> (дата обращения 17.08.2022).

²⁸⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е - Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 414–415.

²⁸⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (к — крагуяр). — М.: Наука, 1980. — С. 266.

Также:

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб, 1893. — Т. 1 (А — К). — С. 1266.

²⁸⁶ Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. — 4-е изд. — М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. — С. 513–514.

²⁸⁷ Мокиенко В. М. Давайте правильно говорить по-русски! Пословицы: как их правильно понимать и употреблять, толкование, происхождение, иноязычные соответствия. — М.: Центрполиграф, 2017. — С. 51–52.

²⁸⁸ Топорков А. Л. Переправа // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2002. — С. 361–362: [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Slavjanskaja_mifologija.pdf (дата обращения 10.12.2020).

²⁸⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 691–692.

²⁹⁰ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903.

²⁹¹ Успенский Л. В. Ты и твое имя. — М.: Детская литература, 1972: [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/uspenskiy_lev/ti_i_tvoe_imya.html (дата обращения 10.12.2020).

²⁹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%B9> (дата обращения 10.12.2020).

Все эти значения зафиксированы также в «Словаре русских народных говоров»:

Словарь русских народных говоров. Вып. 8 (дер — ерепенить-ся). — Л.: Наука, 1972. — С. 207.

²⁹³ Эта версия представлена во всех авторитетных этимологических словарях: Фасмера М., Шанского Н. М., Успенского Л. В., Черных П. Я.

²⁹⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1 (А — Пантомима). — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — С. 275.

²⁹⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М.: «Лабиринт», 2000. — С. 52.

²⁹⁶ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 6 (*е — *golva) / Под ред. О. Н. Трубачева. — М.: «Наука», 1979. — С. 68.

²⁹⁷ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — 3-е изд., испр. — М.: Дрофа, 2004: [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%B8/%D0%B9%D0%BE%D0%B3> (дата обращения 10.12.2020).

²⁹⁸ Об этом см.:

Этимологический словарь русского языка / под ред. Шанского Н. М. — Т. II, Вып. 7. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — С. 7.

или

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 115–116.

²⁹⁹ Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/yoga#etymonline_v_4974 (дата обращения 10.12.2020).

³⁰⁰ Славяно-Арийские Веды. Книга Третья. Инглизм. Слово мудрости Волхва Велимудра. Часть 2. — Омск: Издание Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглиингов; Издательство «АРКОР», 2000. — С. 61–63. Признаны экстремистской литературой.

³⁰¹ Задания можно посмотреть и скачать на официальном сайте Всероссийской олимпиады школьников в г. Москве: https://vos.olimpiada.ru/upload/files/Arhive_tasks/2017-18/school/russ/tasks-russ-4-msk-sch-17-8.pdf (дата обращения 10.12.2020).

³⁰² Кислова Е. И. Открытое письмо составителям олимпиады по русскому языку // Гильдия словесников. URL: <https://slovesnik.org/novosti/otkrytoe-pismo-sostavitelyam-olimpiady-po-russkomu-yazyku.html> (дата обращения 10.12.2020).

³⁰³ Яковлев А. Сергей Алексеев: Питаюсь черным хлебом прозы (интервью) // Литературная газета, № 9–10 (6214) 4–03–2009: [Электронный ресурс]. URL: <https://lgz.ru/article/N9-10-6214-2009-03-04-/S%D0%B5rg%D0%B5y-A1%D0%B5ks%D0%B5%D0%B5v:-Pitayusych%D1%91rn%D1%8Bm-hl%D0%B5bom-proz%D1%8B8010/> (дата обращения 10.12.2020).

³⁰⁴ Задорнов М. Н. Слава Роду! Этимология русской жизни. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. — С. 111.

³⁰⁵ Там же. — С. 112.

³⁰⁶ Там же. — С. 110.

³⁰⁷ Там же. — С. 130.

³⁰⁸ Там же. — С. 113.

³⁰⁹ Этимология. 1977 / Под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова, В. А. Меркуловой, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1979. — С. 55–59: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/etymology/1977/05-orel.pdf> (дата обращения 10.12.2020).

³¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3 (Т — Я). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. — С. 1256.

³¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 168.

³¹² Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — 3-е изд., испр. — М.: Дрофа, 2004: [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D1%83/%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B4> (дата обращения 10.12.2020).

³¹³ Об этом здесь:

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3 (Т — Я). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. — С. 1255–1256.

³¹⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т — Яшур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — С. 175.

³¹⁵ Там же. — С. 150.

³¹⁶ Brunner, C. J. ARANG // Encyclopædia Iranica: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/arang-river> (дата обращения 15.08.2022).

³¹⁷ Об этом см.:

Беленов Н. В. К вопросу о тюрко-монгольском названии реки Волги // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2018. — № 5. — С. 46.

Также:

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А — Д) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 336–337.

³¹⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А — Д) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 336–337.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Задорнов М. Н. Слава Роду! Этимология русской жизни. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. — С. 5–6.

³²¹ Зализняк А. А. Истина существует, и целью науки является ее поиск (Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына) // Элементы. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464 (дата обращения 9.12.2020)

Алфавитный указатель

А

Аббревиация 213
Азбучная молитва 282–283
Аналитизм 33, 37, 40, 45, 46, 166
Аналитические прилагательные 35
Аналитические языки 33
Английский 31–33, 48, 64, 69–70, 100–101, 155–156, 162, 168, 191, 206, 215, 248–250, 279, 310, 334
Анищенко, Ольга 68
Апофения 241

Б

Беглые гласные 209
«Бесплатный» 151, 284
«Быстро», происхождение 11, 220
Бурлак, Светлана 60, 328
Быков, Дмитрий 77

В

«Вкусный» 51, 326
«Волнительный» 75, 139
«Вы» с большой буквы 91, 112–117, 326

Г

Галломания 48, 51
Галь, Нора 123, 124, 150
Гипотеза лингвистической относительности (гипотеза Сепира — Уорфа) 155–156
Глаголица 266–268
Горбачевич, Кирилл 106
Граммар-наци 21
Грамматика 15, 28, 33, 40–41, 140, 156, 171, 172, 190–191, 266, 276, 285–287
Грамматика (книга) 62, 92, 276, 285–287
Грамматикализация 40–41
Греч, Алексей 24–26, 28
Грот, Яков 225, 287, 288

Д

Даль, Владимир 218, 221, 223, 224–226, 287, 293, 304
Двойственное число 36–37
Дескриптивизм 17, 21–22
Дискурс 78
Дискурсивные слова 78–79
Дмитриев, Дмитрий 93
Дмитриев, Михаил 62
«Доброго времени суток» 22, 84–87, 146
«Договор», ударение 10, 92, 93–95, 96, 103, 105–106, 109–111
Докирилловская письменность 203, 253–254, 262–264, 272
Долопчев, Василий 24, 101, 135, 180, 186–187
Древнерусский язык 35, 36, 55, 57, 205–206, 209–210, 240, 252, 266, 269, 287, 302

Ж

Жаргон (сленг)/жаргонный 17, 62–63, 66–68, 70, 73–76, 84, 120, 124, 187
Жириновский, Владимир 59

З

Закон аналогии 45
Закон безысключительности фонетических изменений 204, 206
Закон речевой экономии (или экономии речевых усилий) 44–45, 58, 190
Зализняк, Андрей 207, 212, 214, 223, 266, 328
Звательный падеж 35
«Звонить», ударение в формах глагола 9, 16, 95–96, 106–111, 125
«Зенит», происхождение 213–214

И

Иванов, Вячеслав 133, 248, 250

«Извиняюсь» 9, 112, 139–147, 150, 152, 193
Индоевропейский (праиндоевропейский) язык 9, 249, 251–252, 273

К

Калька 26, 49–50
Капслок 58, 81
Категория числа 36
Кирилл и Мефодий 11, 253, 262, 264–266, 268–270, 272, 274, 282
Кириллица 216, 254, 256, 266–269
Компаративистика (сравнительно-историческое языкознание) 204, 248, 252
Константин Преславский 282
Косвенные падежи 165–166
«Кофе» 9, 16, 28, 45, 92–101, 103, 109, 111, 125, 326
«Крайний» 151
Критерий Поппера 202
Кронгауз, Максим 62, 73, 79, 83, 89, 328
«Кушать» 10, 112, 125–139, 150, 152, 193

Л

Левонтина, Ирина 68
Лексика 22, 23, 51, 52, 63, 67, 76, 154, 189, 200, 214, 225–226, 251, 266, 334
Лексикографы 18, 224–225
Лингвофрики 10–11, 197–199, 201–203, 207–208, 210–216, 227, 228–229, 231, 233, 242, 244–245, 250, 252, 258, 264, 269, 271–272, 274, 284, 289–291, 298, 301, 304, 308, 310, 314, 319–321, 323
Ломоносов, Михаил 104, 107, 108, 239, 285–286

М

«Мерзавец», происхождение 222
Местный падеж 35
Метатеза 19
Многозначные слова 60, 151
Мокиенко, Валерий 298–299
Морфема 211–212, 261–262, 286, 320

Н

«На здоровье» 289
Неологизмы 17, 23, 154
«Ничего себе!» 200, 289
Носовые гласные 205, 255

О

Общечная лексика 200, 228–231
Общий род 165–166, 181, 188, 191–192
«Овация», происхождение 231–232
Одушевленность/неодушевленность 156–158
Омонимы 151, 290
Орёл, Владимир 250, 314–315
Орфография 15, 16, 24, 29, 76, 82, 92, 115, 199, 207, 242, 253, 259, 284, 287–288
Орфоэпия 27

П

Падение редуцированных 208–210
Палимпсест 267
«Переживать» 123–124, 139
Перформативы 142–143
Письменность 11, 16, 29, 71–72, 199–200, 208, 209, 213–214, 216, 226, 233, 239, 242, 248, 253, 256–257, 261, 262–265, 268–273, 275, 280, 281, 283, 297–298, 302
«Подлец», происхождение 222–223
«Подлинный», происхождение 223–227
«Подноготная», происхождение 222
Постмодернизм 197, 324
Постфикс -ся (-сь) 32, 140–141, 150, 313
Праславянский язык 206–207, 240, 275
Празык 248–249, 252
Предлоги 25, 33, 36, 38, 224, 249, 285–286, 289, 317
Преднамеренное зачеркивание 81–82
Прескриптивизм 17, 21–22
«Присаживаться» 9, 112, 117–125, 152
Прописные буквы 81, 113, 115–117
Пунктуация 15, 16, 29, 42, 82, 87–88
Пуризм 17, 21, 24, 30, 186

Пуристы 9–11, 21, 49, 52, 73, 82, 94,
96, 103, 125–127, 129, 131, 144,
151–152, 188

Пушкин, Александр 17, 36, 48, 62,
83, 107, 115, 121

Р

Разговорное 74, 94, 109, 124, 146,
147, 150

Регистр 91, 111

Регулярные фонетические (звуковые)
соответствия (система звуковых
соответствий) 206–207, 248–251

Редуцированные гласные 209–210,
243

Род (грамматический) 28, 31–32,
33, 45, 48, 93–103, 111, 125, 153,
157, 159, 162, 163, 167, 168–176,
180–181, 183–184, 187, 190, 191

Род (морфологический) 170, 175

Рыбаков, Борис 295–296

С

«Сволочь», происхождение 222–223

Селищев, Афанасий 143

Синтетизм 33

Синтетические языки 33

Славянизмы 49

Смайлики 79, 87, 88–89

Согласование по смыслу 164

Сомин, Антон 206, 296, 328

Социолнгвистические индикато-
ры 95

Союз «то что» 37–45

«Спасибо» 45, 84–86, 289

Старославянский язык 240, 265–
266, 268, 276, 278, 279–281, 287

Старостин, Сергей 249, 250

Стоян, Петр 122, 123, 134

«Страдать черней», происхождение
229–231

Сумароков, Александр 19, 43, 52,
98, 104

Суффиксы 31, 65, 66, 122–123, 153,
169, 183–186, 211, 224, 226, 231,
261, 316, 320

Т

«Творог» 106

Телия, Вероника 298

Тенденция к аналитизму 33, 37, 40,
45–46, 166

Титло 243

Тупиков, Николай 302

У

«Убираться»/«Убраться» 10, 16, 141,
147–152

Условное наклонение 172

Успенский, Лев 124, 127, 132, 150, 304

Устно-письменная речь 77

Ф

Фасмер, Макс 203, 317, 319

Федин, Константин 74

Феминитивы 153–156, 159–162, 164,
166–167, 169, 174, 176–190, 192

Фуфаева, Ирина 178, 179

Ц

Церковнославянский язык 20, 230,
243

Ч

Чайник Рассела 202

Черноризец Храбр 270–272

Числительные 33–34, 166

Чуковский, Корней 73, 124, 135, 150

Ш

Шанский, Николай 124, 138, 307

«Шаромыжник», происхождение
221, 223, 227

Шейн, Павел 225, 293

Шишков, Александр 48–51,
234–236, 238, 312

Шульман, Екатерина 77

Э

Эвфемизм 228, 231

Эмодзи 76, 79–81

Эмотиконы 80, 88

Этимология 206, 217, 218, 223, 230,
232, 234, 245, 297, 301, 308, 310,
313, 315, 316

Этруски 216, 238, 242, 250

Эффект Даннинга — Крюгера 198

Ю

«Юсы» 205, 278

Я

Язык падонкафф, или олбанский
82–84

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

АБЗАЦ. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРУ

Светлана Гурьянова

В НАЧАЛЕ БЫЛО КОФЕ

ЛИНГВОМИФЫ, РЕЧЕВЫЕ «ОШИБКИ» И ДРУГИЕ ПОВОДЫ
ПОЛОМАТЬ КОПЬЯ В СПОРАХ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*. Руководитель направления *Л. Романова*
Младший редактор *К. Молокоедова*
Художественный редактор *Е. Каменева*. Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректоры *Н. Вдовина, М. Федулова, В. Утюшев*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, стр. 1, эт. 20, каб. 2013. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «Издательство «Эксмо» ЖШК

123308, Ресей, Мәскеу қаласы, Зорге көшесі, 1-үй, 1-құрылыс, 20 қабат, 2013-каб.
Тел.: 8 (495) 411-68-86. Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»,
Қазақстан Республикасына импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Дистрибутор және Қазақстан Республикасында өнімге шағымдар қабылдау жөніндегі өкіл: «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92. E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить на сайте Издательства «Эксмо»: www.eksmo.ru/certification

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау
туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://eksmo.ru/certification/>

Произведено в Российской Федерации
Ресей Федерациясында өндірілген

Сертификаттауға жатпайды

Дата изготовления / Подписано в печать 24.11.2023. Формат 70х90^{1/16}.

Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,83.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ

БОМБОРА – лидер на рынке полезных и вдохновляющих книг.
Мы любим книги и создаем их, чтобы вы могли творить, открывать
мир, пробовать новое, расти. Быть счастливыми. Быть на волне.

bombora.ru bomborabooks bomбора

ISBN 978-5-04-120381-8

9 785041 203818 >

ТЕРИТОРИЯ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Официальная франшиза
издательства «Эксмо»

Хочешь стать
автором «Эксмо»?

eksmo.ru

Официальный
интернет-магазин
издательства «Эксмо»

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

